

Ãïôîâ óìăđăòü â Èđëàíäèè

Правдивая история жизни Патрика

Дэвид У. Берсо

«Типография Благодать»
2016

Международное Господнее служение
ул. Лермонтова, 7-А
Новоселки
г. Киев, Украина 03027

Название на языке оригинала: *Let Me Die in Ireland*

© David Bercot, исходное английское издание, 1999 г. Все права сохранены.

Книгу можно приобрести на английском языке в издательстве

«Scroll Publishers Co.», P.O. Box 122, Amberson, PA 17210.

© Grace Press, Inc., русское издание 2016 г.

Издательство
Grace Press, Inc.
2175 Division Highway, Ephrata PA 17522 USA

İðääëñëîâëä

Многие люди на сегодняшний день слышали о человеке, известном как святой Патрик, но лишь немногие знают подробности его жизни. Многие люди считают, что Патрик был ирландцем и по вероисповеданию принадлежал к римско-католической церкви. На самом деле, ни то, ни другое не соответствует действительности. Он был бриттом¹ и принадлежал к независимой кельтской церкви. И хотя Патрик был наиболее известной фигурой своего времени, правда о нем сокрыта различными вымыслами, такими, например, как:

- он объяснял Троицу на примере трилистника;
- в Ирландию его отправил папа римский;
- он был чудотворцем, который состязался с ирландскими жрецами-друидами;
- он изгнал из Ирландии всех змей.

Гимн, известный как «Лорика» или «Нагрудник святого Патрика» (один из моих любимых гимнов), был написан не Патриком. Он даже не отражает его истинных мыслей и духовной жизни.

Как жаль, что истинный облик Патрика был сокрыт за множеством вымыслов. Сегодня христиане могли бы усвоить ряд уроков из его жизни, свидетельствующей о том, что Бог может совершать необыкновенные дела через простых людей, а также подтверждающей важность настойчивой молитвы и упования

¹ Кельтский народ, основное население Британии в течении нескольких столетий до Р.Х. и во время Римского правления островом.

на Бога. Истинный Патрик был обычным христианином, но молился он не так, как молятся сегодня многие христиане. Причиной его успеха были молитва и вера, а не совершение каких-то поразительных чудес. В то же время, Бог действительно совершал в его жизни чудеса, как это происходит сегодня в жизни тех христиан, которые молятся искренне и ревностно. В отличие от настоящей, выдуманная жизнь Патрика преподает нам мало уроков. Согласно ей выходит, что если бы мы могли совершать невероятные чудеса, то, возможно, смогли бы тоже обратить в христианство целую нацию. Конечно, это — ложное предположение.

Как ни странно, истинная жизнь Патрика была более удивительной и наставительной, чем выдуманная. Нет никакой необходимости приукрашивать ее различными вымыслами. Он отказался от богатства и почестей высшего общества римской Британии ради того, чтобы жить в Ирландии, тем самым обрекая себя на бедность, страдания и реальную физическую опасность. Оставив все, он понес любовь Христа ненавистным врагам своего народа, которые однажды похитили его и продали в рабство. И хотя Патрик был осмеян и отвергнут своими соотечественниками в Британии, он изменил судьбу целого народа. В действительности Патрик был одним из величайших миссионеров.

Как создан выдуманный облик Патрика?

При жизни (385-461 гг.) Патрик был мало известен за пределами Ирландии. Когда же о нем узнали европейские церкви, происходило разрушение существовавших устоев западноевропейской цивилизации, т.к. наступала эпоха Средневековья. В те времена лишь немногие люди считали историю наукой. Средневековые историки больше думали не о достоверности

фактов, а о том, как попривлекательнее изложить те или иные события. Поэтому в средневековых исторических хрониках весьма непросто отличить правду от вымысла.

Мало того, в те времена большинство людей, исповедовавших христианство, утратили понимание силы Евангелия, проповедуемое богобоязненным и праведным человеком. С 600 года от Р.Х. западное «христианство», за редким исключением, распространялось главами государств с помощью мечей их воинов. Именно поэтому средневековым летописцам было совершенно непонятно, каким образом простой муж молитвы и веры мог оказать такое влияние на целый народ. Они решили, что Патрик имел такой успех только благодаря сотворенным им чудесам, хотя на самом деле его слушатели обратились к вере не из-за чудес, а под воздействием Евангелия и обличающей силы Духа Святого. Вся его жизнь была удивительным свидетельством силы любви, веры и молитвы.

Как я писал историю жизни настоящего Патрика

Единственными достоверными источниками информации о Патрике являются две его короткие рукописи: «Свидетельство» («*Confessio*»¹) и «Письмо об отлучении» («*Epistolo*»), которое он адресовал британскому королю Коротыку. При написании биографии Патрика я составил перечень событий, упомянутых в его рукописях, а затем расположил их в хронологическом порядке. Так появились наброски данной книги. В конце каждой главы я указывал на главы из «*Confessio*» или «*Epistolo*», на которые ссылался.

К сожалению, рукописи Патрика дают нам очень мало

¹ Латинское слово «*Confessio*» зачастую переводится как «Исповедь», но «Свидетельство», более точно передает значение этого слова во времена жизни Патрика.

информации о событиях из его жизни. Конечно, они рассказывают нам о его характере, размышлениях, духовной жизни и переживаниях, но почти ничего не говорят об окружающей его обстановке. В рукописях Патрика мы находим лишь намеки на то, что происходило в Римской империи во время его жизни. Почти ничего не сказано о повседневной жизни в Ирландии и Британии в V-м веке, а о людях, с которыми общался Патрик, говорится лишь в общих чертах.

Таким образом, чтобы описать то, что действительно происходило с Патриком, т.е. правдиво воссоздать картину мира, в котором он жил, мне пришлось использовать различные источники информации, чтобы не только рассказать о повседневной жизни людей того времени, но и дать представление об этой исторической эпохе. Почти все исторические подробности о падении римской Британии и приходе на остров англов и саксов я взял из «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного, а описание повседневной жизни — из трудов древних римских писателей и современных авторов исторических исследований. Информацию о жизни церкви и о том, как происходила евангелизация во времена жизни Патрика, я позаимствовал из трудов никейских и доникейских христианских авторов. Чтобы познакомиться с местностью и климатом Ирландии и Британии, мне пришлось прожить в тех местах по несколько недель в разные времена года. Я ходил по той же земле, по которой когда-то ходил Патрик, испытывал те же погодные условия, что и он, смотрел на те же холмы и скалистые берега.

Получив эту информацию, я взял каждый эпизод, упомянутый Патриком, и поставил себя на место главного персонажа, представляя, как выглядела обстановка, какими были дома, как одевались люди, о чем они говорили, каким был ландшафт, погода. Без этой информации получился бы просто трактат о

Патрике, обобщающий все известные факты о его жизни, а не история его жизни. Во втором приложении я излагаю некоторые из моих предположений и замечания об этой дополнительной информации.

Читая эту книгу, вы заметите, что многие события из жизни Патрика излагаются в виде диалогов. При их написании я допускал некоторую художественную вольность. Однако когда говорится о Божьем обращении к Патрику в одном из его снов, я в точности использовал его слова и указал в сносках источник.

Самой трудной задачей для меня было воссоздание образов людей, окружавших Патрика. Он упоминает о множестве людей, но конкретно называет лишь четверых: своего дедушку Потита, отца — Кальпорния, человека по имени Викторий, которого он видел во сне, и британского короля Коротика незначительного по своему историческому влиянию. Чтобы рассказать историю жизни Патрика, мне пришлось немало потрудиться, собирая информацию об именах и характерах людей, с которыми он встречался. Я использовал имена, приводимые его биографами, Муирху (Muirchu) и Тиреханом (Tigechan), жившими в VII веке. Там же, где это сделать было невозможно, я использовал типичные имена того периода времени. Во втором приложении приводится список имен, наиболее часто встречающихся в биографии Патрика, и объясняется, являются ли они историческими, традиционными или художественными.

Выражение признательности

Особая благодарность моей чудесной жене Деборе, которая поддерживала меня во время написания этой книги и неутомимо вычитывала мои рукописи. Благодарность нашим детям — Андре, Хезер и Исаии — которые никогда не уставали слушать рассказ о жизни Патрика. Искренняя благодарность

Майку Вуду, Джиму Фриману, Честеру Уиверу и Стивену Джейну за их помощь. Особая благодарность Алексу Александеру за содействие при оформлении обложки. Я признателен добрым жителям Ирландии, которые помогли мне познакомиться как со своим народом, так и с природой этой прекрасной страны. Более всего я обязан Джелете Екхарт, моему редактору, без помощи которой эта история никогда бы не увидела свет.

Глава 1

Ḑàçáîéíèèè èç òóìàíà

Шестнадцатилетний Патрик, прогуливаясь по родительскому поместью, чувствовал прохладу росистой травы. Западное побережье Британии в это майское утро, как всегда, окутывал густой туман. Патрик радовался, что родители разрешили ему остаться здесь, пока отец разбирался с какими-то делами в Лондоне. Сын убедил их в том, что он достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе, и с ним ничего не может случиться. Кроме того, рядом будет многочисленная прислуга.

Шагая в сандалиях по влажной зеленой траве, Патрик думал о лошадях и занятиях, которые должны были начаться через несколько недель. Учеба его не интересовала. Бесконечные упражнения, заучивание наизусть текстов и другие уроки больше подходили для «книжных червей», но не для Патрика. Он был человеком действия.

«Говорят, что я легковесный мечтатель, но они не знают меня. Наступит время, когда я буду править Британией», — думал Патрик, гордо вскинув светловолосую голову. Остановившись на холме, он с наслаждением вдохнул чистый весенний воздух. От запаха сырой плодородной земли, смешанной с душистым ароматом сирени, кружилась голова. На востоке едва виднелся их амбар. Патрик представил его дворцом, в котором он однажды будет жить как наместник. На северной стороне

поместья можно было различить пасущихся коров. Он вообразил, что это — трофейные арабские скакуны.

Повернувшись на запад, Патрик представил, как обращается к толпе своих соотечественников-поклонников. Он видел в сером тумане великое множество людей. Они казались такими настоящими, что он даже различал их лица. Но все это, конечно же, было только в его воображении. А может, не только в воображении? Он протер глаза и снова вгляделся в туман, думая, что это ему просто привиделось. Однако призрачные фигуры не исчезли, а наоборот, даже приблизились к нему.

Неожиданно из тумана донеслись такие пронзительные крики, что в жилах застыла кровь, а потом прозвучали ужасающе разноголосые звуки походных труб. Патрик остолбенел от страха, а призрачные фигуры вдруг отчетливо выступили из тумана и, размахивая копьями и мечами, ринулись прямо к нему. Придя в себя, Патрик повернулся и изо всех сил побежал к родительскому дому.

Всюду царил хаос: кричали женщины, лаяли собаки, испуганные овцы с блеянием разбегались в разные стороны, слуги носились в тумане, как цыплята, на которых налетела волчья стая. Тех, кто сопротивлялся, воины безжалостно рубили мечами и кололи копьями. Боясь оглянуться, Патрик с колотящимся сердцем помчался к внешнему двору усадьбы: «Я должен заскочить внутрь и закрыть ворота на засов. Там я буду в безопасности». Однако, подбежав к тяжелым дубовым воротам, он в ужасе остановился. Там его уже ждал отряд воинов.

Резко развернувшись, Патрик побежал к холмам и тут же налетел на одного из своих преследователей. Несмотря на свое атлетическое телосложение, он не мог даже сравниться с высоким сильным воином. Тот схватил его за плечи и бросил на землю. Патрик упал навзничь, сильно ударившись головой

о большой камень. В глазах у него сверкнуло и он потерял сознание.

Он очнулся от сильной боли. Его руки были крепко связаны, а ноги закованы в кандалы. Обступившие его воины о чем-то громко разговаривали. Один из них ударил его ногой в бок и, склонившись над ним, что-то закричал на незнакомом языке, обдавая Патрика зловонным дыханием. По его жестам юноша понял, что должен встать. Скривившись от боли, он с трудом поднялся и присоединился к длинной веренице несчастных пленников, которых воины своими копьями и мечами гнали по скользкой скалистой тропинке к каменистому побережью.

Разбойники приказали пленникам сесть на берегу в круг, а сами начали о чем-то громко спорить. Среди множества пленных Патрик узнал Марцеллу, свою бывшую няню, и сел возле нее.

— Кто эти демоны? — шепотом спросил он.

— Ирландцы, — ответила она. — Можешь говорить вслух, они все равно нас не понимают.

Патрик быстро оценил обстановку. На берегу лежали груды награбленной добычи. В одной из них он узнал бронзовую и серебряную посуду из родительского дома. Всматриваясь в лица пленников, он понял, что знает многих из них. Здесь было много слуг из родительского дома и несколько владельцев соседних поместий со своими слугами.

— Что они собираются с нами сделать? — в отчаянии спросил Патрик.

— Наверное, принесут в жертву своим богам, — дрожащим голосом крикнула бледная пожилая женщина.

— Глупости! — усмехнулась Марцелла. — Они просто требуют за нас выкуп.

Она тоже была очень напугана, но старалась успокоить юношу, о котором раньше заботилась.

— Нет! — гневно воскликнул один из батраков. — Я слышал от римских воинов, что ирландцы засовывают пленников в огромные корзины и сжигают их живьем.

От этих слов у Патрика перехватило дыхание и стало сухо во рту.

— Эй, замолчи! Ты что не видишь, что пугаешь бедного мальчика, — резко крикнула Марцелла и, повернувшись к Патрику, сказала:

— Это делают с пленными солдатами, а не с такими людьми, как мы. Мы не достойны быть жертвами для их богов. — Она ободряюще подмигнула Патрику: — Кроме того, они знают, что за тебя, как за сына патриция¹, могут дать большой выкуп. Так что не переживай, я уверена, что тебя никто не тронет.

Патрик радовался, что рядом с ним была Марцелла, хотя ему было очень жаль, что она попала в плен.

— А разве римские солдаты не освободят нас? — встревоженно спросил он ее.

— Патрик, ты лучше меня знаешь, что в этих местах почти не осталось римских войск. К тому же, эти воины напали так неожиданно, что, скорее всего, когда в Баннавеме² узнают о нашем похищении, разбойников, а вместе с ними и нас, здесь уже не будет.

Услышав это, Патрик дернулся, пытаясь разорвать веревки и сбросить кандалы, но лишь содрал кожу на кистях и щиколотках. Вспомнив о родителях, он едва сдержал горькие слезы при мысли, что, возможно, уже никогда их не увидит.

Вскочив, он громко закричал:

¹ В римском обществе представитель привилегированного сословия.

² Баннавем Табурнийский (Bannavem Taburniae) — родная деревня Патрика, точное местоположение которой сегодня неизвестно. Можно только предполагать, что она находилась на юго-западном побережье Британии.

— Вы, грязные свиньи! Скоро вас догонят наши солдаты, и каждый получит по заслугам!

Хотя разбойники и не поняли, что кричал Патрик, один из них, бросившись к нему, ударил его с такой силой, что юноша упал на спину. Из разбитой губы потекла кровь. Воин, наверное, продолжал бы бить его, но другие остановили его окриками. Показывая пленникам на лодки, разбойники погрузили в них добычу и быстро отчалили.

На дне одной из лодок вместе с другими пленниками, скорчившись, лежал Патрик. Марцелла решила, во что бы то ни стало, быть рядом с ним. Мускулистые спины воинов согнулись от тяжести длинных узких весел, и легкие кожаные лодки заскользили по серо-голубому морю. Туман уже рассеялся, и над головами пленников с резкими криками закружились чайки. Вскоре подул сильный ветер и разбойники подняли паруса. Лодки, то взмывая вверх, то резко опускаясь вниз, так легко и быстро неслись по волнам Ирландского моря, что воинов и пленников то и дело обдавало холодными брызгами.

Патрика все время тошнило. Некоторые из пленников были в таком же состоянии. Юноша, постанывая, лежал на дне лодки, чувствуя внизу движение волны, напоминающее дыхание огромного морского зверя. Головокружение и тошнота не покидали Патрика до конца дня, так что лодка вскоре пропиталась отвратительными запахами рвоты и пота. Около полудня небо затянулось холодными серыми тучами и пошел сильный дождь. Патрик стал искать хоть какое-нибудь укрытие, но ничего не нашел.

— Сейчас мы бы обедали, — с тоской сказал Патрик Марцелле. — Интересно, родители уже знают, что с нами случилось? Как ты думаешь, они будут пытаться нас спасти?

— Не знаю, — тихо ответила Марцелла. — Будем надеяться, что да.

Промокший до нитки, Патрик пролежал на дне лодки до вечера. Продрогший и озлобленный, он, наконец, погрузился в сон. Лодки продолжали плыть по Ирландскому морю. Патрику было холодно и неудобно лежать на дне лодки. Время от времени его бок пронизывала острая боль, особенно в том месте, куда его ударил ногой воин. Ночью, когда лодка стремительно летела вниз, бросая его в лужу собственной рвоты, он несколько раз просыпался. Отодвинувшись от смрадной массы, Патрик долго лежал, слушая плеск воды, тяжелые удары волн о борт, громкое хлопанье парусов и редкие возгласы воинов, управляющих лодками. Его бедственное положение, казалось, было бесконечным. Наконец, он снова погрузился в глубокий изнурительный сон.

Его разбудило утреннее солнце. Он с трудом открыл глаза и увидел лишь борт лодки, которая теперь стала его тюрьмой. Живот сводило от голода, во рту все пересохло и очень хотелось пить.

— Марцелла, мне так хочется есть, — пожаловался он няне. — Я целый день ничего не ел, а моя последняя еда вылетела из меня еще вчера утром.

Марцелла придвинулась ближе к Патрику.

— Я знаю, дитя мое. Мне тоже хочется есть. Мы скоро приплывем и, я думаю, что они дадут нам что-нибудь поесть, ведь мы для них — ценный груз. Потерпи еще немного и ты увидишь, что они о нас позаботятся.

Когда все проснулись, воины дали каждому пленнику воды из деревянного ковша. Время тянулось очень медленно. Вдруг один из разбойников громко закричал и все поняли, что он увидел землю.

Патрик поднял голову и впервые увидел Ирландию. Черные базальтовые скалы вырастали прямо из воды, как бастионы неприступной крепости, вдоль уступов и расщелин которой

гнездились шумные буревестники и топорики. Внизу, поблескивая на солнце, яростно пенились волны. Воздух был пропитан едким запахом бурых водорослей и соленой воды.

Вскоре лодки бесшумно заскользили по водной глади маленькой бухты. Несколько человек прыгнули в холодную воду, чтобы вытянуть их на каменистый берег. Раздраженные воины жестами показали пленникам, чтобы те выходили.

Через некоторое время Патрик вместе с остальными пленниками поднимался по крутому склону вверх скользкой узкой тропой. На перевале путники немного отдохнули. Прищурившись, Патрик посмотрел на восток, внимательно изучая море.

— Смотришь, не плывет ли нас кто спасти? — сочувственно спросила Марцелла, с трудом переводя дух.

— Да, — ответил Патрик, разочарованно качая головой. — Но я вижу только холодную серую воду.

— Не волнуйся, скоро мы будем дома, — ободряюще сказала Марцелла.

«Если бы только я могла в это поверить», — отвернувшись, подумала она.

Через несколько минут измученных пленников заставили подняться и двинуться вглубь острова. Похожие больше на шествие осужденных из ада, они шли по покрытым папоротником холмам и извилистым долинам, пока, наконец, не дошли до «длинного дома» какого-то короля.

Сначала Патрик обрадовался и с облегчением вздохнул, увидев частокол вокруг дома. Он понял, что они уже пришли, однако вздох облегчения вскоре сменился возгласом ужаса: деревянные ворота «украшали» пять человеческих голов!¹

¹ «Confessio», § 1, 10; «Epistolo», § 10.

Глава 2

Îò õîçÿèíà äî ðàààà

К счастью для Патрика и других пленников, ирландцев не интересовали их головы, поскольку они не представляли для них никакой ценности. Им нравилось «коллекционировать» головы воинов и королей.

Из ворот выбежали несколько женщин и детей, чтобы обнять своих мужей и отцов.

Патрик, наблюдая, как они радуются, сказал с отвращением:

— Меня тошнит от этого зрелища! Марцелла, как тебе это нравится? Они встречают этих вонючих чудовищ, как каких-то римских героев!

— Не говори так, — серьезно ответила Марцелла. — Тебе никогда не приходило в голову, что у варваров, так же, как и у нас, могут быть семьи? Ты ведь знаешь, любовь и семейная привязанность не ограничиваются Римской империей.

— Может быть, и так, — ответил Патрик, — но у нас все иначе. Мы, римляне¹, никогда никого не похищали. Наши герои — *настоящие*!

— Ты уверен в этом? — резко спросила Марцелла, страхи-вая с платья травинки. — Не обманывай самого себя, Патрик.

¹ Британия входила в состав Римской империи, поэтому Патрик считал себя одновременно бриттом и римлянином так же, как современные британцы считают себя британцами и европейцами.

Ты считаешь, что наши предки-бритты добровольно присоединились к Римской империи?

— Не знаю. Я никогда об этом не задумывался.

— Так вот я тебе говорю, что нет. Мой отец рассказывал, что много лет назад на территории Британии высадились римские легионеры. Они убивали и забирали в рабство наших предков. Я уверена, что наши предки испытывали к римлянам те же чувства, что и ты к ирландцам.

Патрик хотел было ответить, но в этот момент воины что-то крикнули пленникам и показали, чтобы они шли за слугами внутрь двора, окруженного забором из нетесаных стволов деревьев. Воины пошли в дом короля, а слуги разрешили пленникам сесть во дворе, чтобы отдохнуть и вытянуть уставшие ноги. Многие из них горько плакали. Марцелла и несколько других женщин вполголоса молились. Патрик тоже неустанно и громко взывал к темным небесам об избавлении, пока, наконец, не охрип. В одном из углов двора, в молчаливом оцепенении, сидела красивая черноволосая девушка.

Из дома доносились возбужденные голоса воинов и громкий радостный смех. Двое сильных слуг понесли в дом большой бочонок пива, сгибаясь под его тяжестью.

— Интересно, куда мы попали? — размышляя вслух Патрик, оглядываясь по сторонам.

— Хочешь, верь, хочешь — нет, но ты сидишь во внутреннем дворе ирландского короля, — ответил ему один из пленников с красным лицом, который был рыбаком.

Патрик с пренебрежением осмотрелся. Жилище короля было просто длинным домом, построенным из нетесаных бревен, срубленных в ближайшем лесу. Крыша была покрыта соломой. Дым от огня в доме выходил через отверстие в кровле, и Патрик ощущал запах дегтя от пропитанных смолой бревен. По

двору бродили собаки и свиньи.

— Что-то это мало похоже на жилище короля, — с презрением сказал Патрик, — но для короля этих ирландских свиней как раз подходит!

К Патрику подошла собака и обнюхала его. Он отшвырнул ее с такой силой, что она покатилась кубарем. Слуги без устали сновали взад-вперед. Одни из них кормили скот, другие носили воду в больших кувшинах или плетеные корзины с зерном. Патрик начал искать возможность побега. Быстро оглянувшись, он успел заметить, что возле частокола лежит сломанный железный плут.

Несколько мгновений он взвешивал все «за» и «против». Перехватив его взгляд, Марцелла прошептала:

— Что ты задумал?

— Можно было бы перетереть веревки об металлический край плуга, — тихо ответил Патрик, глядя в другую сторону. — Я думаю, что это несложно сделать. А потом бы я выскочил через открытые ворота и побежал к берегу.

— И что дальше? — спросила Марцелла. — Вплавь добрался бы до Британии? Ты не успеешь сделать и сто шагов, как тебя настигнет копье какого-нибудь воина.

Пока Патрик думал над другими вариантами, слуги принесли большие миски с кашей и несколько деревянных ведер воды с ковшами. Закрыв ворота, они развязали пленников и оставили их под надзором двух вооруженных воинов.

Патрик быстро встал, потирая затекшие кисти рук.

— Поскольку я здесь единственный патриций, — объявил он самодовольно, — то буду есть и пить первым.

Но едва он сделал первый шаг, как его чуть не сбила с ног голодная толпа пленников, которые с жадностью набросились на еду. Слегка улыбнувшись, Марцелла отметила:

— Боюсь, Патрик, что здесь мы все равны.

В ее карих глазах сверкнул огонек.

Они прожили во дворе ирландского короля целую неделю. На ночь их связывали, а утром развязывали. Однажды после завтрака во двор неожиданно зашли несколько воинов. Они заставили пленников построиться друг за другом, надели им на шеи веревки и повели несчастных в поле, находившееся в километре от длинного дома.

Патрик увидел, что на поле собралось много людей в разноцветных одеждах. Стоял разноголосый шум, напоминающий ярмарку: слышались мужские голоса, смех женщин, лай собак, блеяние овец, рев быков и мычание телят. Торговцы выставляли свой товар, а бродячие музыканты, играя на арфах, пели веселые песни.

— Что все это значит? — растерянно спросил Патрик Марцеллу, которая шла впереди.

— Похоже, что сегодня базарный день, — серьезно ответила она. — Наверное, нас продадут в рабство.

— Н-но ты же говорила, что за нас дадут выкуп! — испуганно пролепетал Патрик.

Пленников отвели к телеге, возле которой собрались несколько десятков человек. Они внимательно рассматривали пленников, пока те шли сквозь толпу. Пожилая седоволосая женщина улыбнулась невольникам беззубыми деснами и потыкала в них изогнутой палкой. Оцепеневшие от голода, холода и страха, пленники почти не реагировали на то, что их рассматривали для покупки. Патрик содрогнулся от отвращения, когда стали щупать его мышцы и рассматривать зубы, как если бы он был лошадью, которую продают на рынке.

— Как только я попаду на свободу, каждый из вас заплатит мне за все, вы, мерзкие чудовища! — гневно закричал он.

Марцеллу купила белокурая женщина в богато расшитом платье. Уходя, няня оглянулась на Патрика и попыталась ему улыбнуться. Патрика захотели купить сразу несколько человек и они стали торговаться о цене за него с одним из воинов. Торги были довольно горячими, но в конце-концов один из покупателей предложил больше других. Это был крепкий рыжеволосый мужчина с зелеными глазами лет двадцати пяти. Воин хлопнул его по ладони, что означало взаимное согласие.

Седеющий, на вид доброжелательный мужчина, подошел к Патрику и попытался увести его, взяв за веревку на шее. Но Патрика охватила паника, и он начал отчаянно вырываться, крича в темные серые небеса:

— Боже, помоги мне! Помоги мне!

— Успокойся, юноша, — спокойно сказал мужчина. — Тебя никто не собирается обижать.

— Вы говорите по-британски?¹ — изумленно спросил Патрик, постепенно успокаиваясь.

— Конечно. Я родился и вырос в Британии.

— Тогда что вы здесь делаете? И почему работаете на этих грязных ирландских свиней?

— Я в свое время так же, как и ты, попал в плен, — ответил мужчина, стараясь увести Патрика.

Потом он остановился и вздохнул:

— Послушай, парень, нам еще долго идти. Перестань сопротивляться, по дороге я тебе все расскажу.

Видя, что сопротивляться бесполезно, Патрик уступил. Вскоре к ним присоединился молодой рыжеволосый мужчина, купивший Патрика, и они втроем пошли по узкой тропинке, петляющей среди темных лесов и цветущих лугов.

¹ Т.е. по-кельтски, на родном языке бриттов. Многие бритты, так же, как и Патрик, говорили и по-латыни.

— Как вас зовут? — спросил, наконец, Патрик бритта.

— Сед, — ответил он и, указав на второго мужчину, добавил, — а его — Донаван. А тебя?

— Магон Суккат Патриций.

— Вот это имя! Ты, наверное, из семьи патрициев.

— Да. Моего отца зовут Кальпорний, он — декурион¹.

— Декурион? Неужели? Так он, как я понимаю, важный человек?

— Ну, честно говоря, мой отец хотел, чтобы его освободили от этой должности, но его не отпустили. Дело в том, что он и другие декурионы должны доплачивать из своего кармана, если сбор с жителей провинций оказывается недостаточным.

— Похоже, это, скорее, бремя, а не честь, — заметил Сед.

— Вы правы, так и есть. Отец, правда, говорил, что так было не всегда. Раньше люди очень хотели занять должность декуриона. Наверное, в те времена было легче собирать налоги. — Патрик пожал плечами. — А вы тоже патриций?

— С именем Сед? — улыбаясь, переспросил тот. — Нет, я из бедной рыбацкой семьи. Но все мы были искренними христианами, Патриций.

— О, вы можете называть меня Патриком, — сказал юноша, проникаясь симпатией к Седу. — Так меня называют друзья. Расскажите, где вы жили в Британии?

— Я родился и вырос в Гланнавенте, на западном побережье.

— Да, я слышал об этом месте. Вы были рыбаком, как и вся ваша семья?

— Одно время, да. Потом, когда мне исполнилось двадцать

¹ Декурионы, будучи членами муниципального совета, могли вершить правосудие, заниматься общественной работой и собирать налоги. Они не принимали непосредственного участия в управлении городом, а выбирали несколько магистратов, которые исполняли муниципальные обязанности от их имени.

лет, я решил никогда не жениться и посвятить свою жизнь Христу. Церковь помогла мне получить начальное образование, а со временем меня рукоположили в диаконы.

— Правда?! Мой отец тоже диакон.

— Да? А ты? Ты тоже хотел быть служителем?

Патрик смутился:

— Вообще-то, нет, — пробормотал он. — Видите ли, я в принципе далек от религии. Мне кажется, что это больше подходит для таких людей, как вы, или мой отец. Но не для меня.

Через несколько часов, когда они поднялись на вершину изумрудно-зеленого холма, Донаван объявил привал. Усевшись на землю, он достал из кожаной сумки хлеб и сыр и разделил их на троих. С разрешения Донавана Сед развязал Патрику руки и снял с его шеи веревку. Юноша с облегчением потер натертые, воспаленные кисти рук и шею, радуясь, что, наконец-то, освободился от грубых веревок. Сед отдыхал на траве, любуясь долинами с буйной растительностью, холмистыми пастбищами и густыми, темными девственными лесами.

— Ирландия — по-настоящему красивое место, — задумчиво сказал он. — Это — чудо Божьего творения.

— Нет, Ирландия — это тюрьма! — гневно возразил Патрик. Он встал и отряхнул соринки с колен. — Любое место, где есть рабы, — тюрьма.

— Понимаю. А у твоих родителей нет рабов? — повернувшись, спросил Сед, глядя Патрику прямо в глаза.

— Ну... это совсем другое.

— Неужели?

Патрик снова сел и поспешно сменил тему разговора.

— Расскажите, как вы оказались в Ирландии.

— Однажды, когда я ловил рыбу, мне тогда было около тридцати лет, начался шторм, я сбился с курса и заблудился в

тумане и темноте. По милости Божьей мою маленькую лодку, наконец, выбросило на берег. Из-за темноты я и понятия не имел, где нахожусь. Но поскольку моя лодка сильно пострадала, я должен был ее починить. Неподалеку от берега горел какой-то свет, я пошел прямо на него и обнаружил небольшой домик. А потом, не задумываясь, постучал в дверь и...

— Вы узнали, что попали в Ирландию, и вас схватили, — прервал его Патрик.

— Да, именно так. Это случилось почти двадцать лет назад и с тех пор я здесь в рабстве.

— И, как я понимаю, он ваш хозяин? — спросил Патрик, кивая на Донавана.

— Нет, он старший сын моего хозяина Милчу.

Затем Сед, улыбнувшись, хлопнул Патрика по плечу и сказал:

— Вернее, нашего хозяина.

Патрик поджал губы и сбросил руку Седа со своего плеча. Он все еще пребывал в мрачном расположении духа, когда Донаван показал жестом, что пора идти дальше. Через некоторое время Патрик спросил:

— Кто такой этот Милчу?

— Ну, он немного старше меня. Для ирландца он, можно сказать, богат. У него пятнадцать слуг, несколько стад овец, стадо крупного рогатого скота.

— Я имел в виду, какой он человек?

— О, мне не на что жаловаться. Он — неплохой человек. Есть намного хуже.

— У меня уже болят ноги, — пожаловался Патрик. — Когда мы придем на место?

— Наш хозяин живет возле леса Воклут¹, на расстоянии

¹ Рядом с нынешним графством Мейо, что на северо-западе Ирландии.

нескольких дней пути отсюда. Так что привыкай ходить пешком, — ответил Сед с улыбкой.

Он явно не собирался идти на поводу плохого настроения Патрика. Они шли, пока не стемнело и решили ночевать в лесу.

— О-ох! Я не привык к таким длинным переходам, — пожаловался Патрик, осторожно растирая ноги.

Сед достал из кожаной сумки какую-то мазь и помазал Патрику ступни.

— Она сделана из овечьего жира, — объяснил он, втирая мазь. — Ну вот, это должно помочь. Не переживай, через несколько дней ты привыкнешь долго ходить. Я вижу, тебя дома баловали.

Слишком уставший, чтобы отвечать, Патрик прилег на лесную траву. Перед тем, как лечь спать, Сед, извинившись, связал Патрику руки и ноги. На рассвете он развязал его и они пошли дальше.

— Тебе не нравится пейзаж? — весело спросил Сед, когда они шли по изумрудным долинам и цветущим холмам.

— Все, о чем я сейчас могу думать, — это мое собственное несчастье, — проворчал Патрик, массируя кисти рук, чтобы восстановить кровообращение. — Неужели было необходимо так сильно затягивать узлы?!

— Извини. Я не хотел. Но ты же знаешь, что я должен исполнять приказы. — Глядя на печальное лицо Патрика, Сед добавил: — Я знаю, что ты чувствуешь, будучи пленником в чужой стране. Я тоже сначала сильно расстраивался, но потом понял, что плохим настроением ничего не изменю. Поэтому я стал искать в этом что-нибудь хорошее.

Патрик молча продолжал идти с поникшей головой. Тем не менее, за то время, что они шли к лесу Воклут, Патрик и Сед стали друзьями. Юноша рассказывал Седу о новостях в

Британии, а тот отвечал Патрику на многочисленные вопросы об Ирландии. На пятый день они начали переходить большое торфяное болото.

— Сед, помогите! Тону! — в ужасе закричал Патрик, беспорядочно размахивая руками, когда его начала затягивать топкая трясина¹.

¹ «Epistolo», § 10.

Глава 3

Àñòðà÷à ñ Áíàîî

Сед, улыбаясь, схватил Патрика за руку:

— Не волнуйся, здесь не выше колен. Это всего лишь вода и торф. Кроме того, мы уже почти пришли домой.

— Домой к вам, а не ко мне, — с досадой ответил юноша, выбираясь из болота с его помощью.

В тот день они шли по казавшейся призрачной сероватой равнине из сплошного известняка.

— Где это мы? На краю земли? — испуганно спросил Патрик.

— Что ж, возможно, мы действительно подошли к самому краю земли, — задумчиво ответил Сед, поглаживая бороду, — но одно я знаю точно: наш хозяин живет за этим холмом.

Когда они поднялись на вершину холма, Патрик увидел круглую хижину с соломенной крышей и стенами из грубо обтесанных бревен. Теперь эта хижина должна была стать его новым домом.

— Никто не заставит меня жить в этом хлеву, — решительно заявил он, с независимым видом скрестив руки на груди.

— Это дом хозяина, — с улыбкой сказал Сед.

— Что? Да у нас в Британии слуги живут в лучших условиях! — возмутился Патрик, не в силах поверить в это.

Он с раздражением пнул носком булыжник и неохотно поплелся к дому.

Когда они подошли поближе, навстречу им вышел Милчу с лохматой охотничьей собакой, которая, подпрыгнув, лизнула Донавана в лицо. Милчу крепко обнял сына и несколько минут что-то говорил ему. Потом он заговорил с Седом и посмотрел на своего нового раба. Патрик не понял, о чем они говорили, но хозяин, судя по всему, остался доволен.

Милчу и Донаван пошли в дом, а Сед повел Патрика в одно из жилищ для рабов. Это была обмазанная глиной деревянная хижина, с одним оконцем, через которое проникал свежий воздух и свет.

— Боюсь, что здесь не будет плиточных полов и мягких постелей, — понимая состояние Патрика, предупредил Сед. — И все же тебе придется найти в этом что-то хорошее.

— Где я буду спать? — угрюмо спросил Патрик.

Сед указал на грязную солому на земляном полу.

— Никогда! — решительно сказал Патрик. — Я никогда не буду здесь спать.

— Хорошо. Тогда стой всю ночь, — сухо ответил Сед. — Не знаю, как ты, но я лично проголодался. Повар уже, наверное, приготовил ужин. Поэтому предлагаю сначала поесть, а потом будем думать, как и где спать.

Вскоре после ужина Патрик, несмотря на все свои протесты, крепко уснул. Мало того, так хорошо он не спал с момента своего похищения. Ему снилось, что он, как и в прежние счастливые времена, живет со своими родителями в отцовском поместье в Британии. Его разбудили первые лучи солнца, проникшие сквозь маленькое оконце.

Окончательно проснувшись, он с унынием обнаружил, что все еще находится в тесной сырой комнатушке. Вскоре в дверях

появился Сед и с улыбкой протянул Патрику кусок хлеба и бутылку с водой.

— Для парня, который категорически заявлял, что никогда не будет спать на соломе, ты неплохо поспал, — добродушно поддел он Патрика.

— Наверное, я даже не подозревал, что так сильно устал, — ответил, зевая, Патрик.

Вскоре они вышли через ворота на большой луг. Шагая по густой траве, усеянной желтыми лютиками, Патрик и Сед разговаривали.

— Я узнал, что хозяин хочет, чтобы ты был пастухом, — сказал Сед Патрику.

— Но мне не хочется пасти стадо, — нахмурился Патрик.

— Эй, ты должен радоваться! — толкнул Сед Патрика, с блеском в карих глазах. — Это значит, что ты сможешь часто быть на свежем воздухе, более того, большую часть времени мы будем проводить вместе.

Всю дорогу Патрик был задумчивым и угрюмым. Наконец, на склоне холма они увидели одно из стад хозяйских овец. Их пас юноша такого же возраста, как и Патрик. Сед поговорил с ним, и тот направился к дому.

— Это — Килиан, — сказал Сед Патрику, провожая взглядом молодого пастуха, пока тот не скрылся за холмом. — Он — хороший парень.

Патрик лишь пожал плечами.

Осматривая овец, Сед сказал:

— Первым делом нам нужно перегнать их на новое пастбище.

Потом поднял длинную палку и подал ее Патрику:

— Держи, это тебе поможет.

Патрик, скрестив руки на груди, всем своим видом показал,

что не хочет брать ее, но Сед продолжал настаивать и Патрик неохотно протянул руку. Он осторожно взял палку, как если бы это была змея.

— Она тебя не укусит, — засмеялся Сед, качая головой. — А теперь давай соберем овец и двинемся в путь.

Патрик наблюдал, как Сед собирает овец и с неохотой начал делать то же самое. Перейдя, наконец, на новое пастбище, они улеглись на траве и отдыхали, в то время как овцы паслись на склоне холма.

— Лучшей работы тебе не найти, — говорил ему Сед. — Здесь так тихо и красиво. Зимой, правда, не очень приятно и иногда тоскливо. Но сейчас, когда мы вместе, нам не придется страдать от одиночества, не так ли?

Патрик не отвечал — он просто смотрел вдаль.

— Думаешь о доме? — участливо спросил Сед.

Патрик грустно кивнул:

— Да, я думаю об отцовском поместье с мягкими диванами и горячими ваннами, о своих друзьях в деревне. Скоро у них начнется учеба. Как бы мне хотелось снова поиграть с ними в «догонялки», попрыгать по камням через ручей, который течет через всю деревню, поиграть в мяч.

— Да, это действительно было бы здорово.

— Но больше всего я думаю о своих родителях. Я бы сейчас отдал все на свете, чтобы посмотреть в ласковые глаза матери и почувствовать, как она меня обнимает. Не могу передать тебе, как мне хочется пройтись с отцом по улицам Баннавема или по полям нашего поместья.

Патрик с трудом сдерживал слезы.

— Баннавем? Это твой родной город? Я никогда о нем не слышал.

— Да, я оттуда родом, — ответил Патрик, украдкой

вытирая слезы. — Полное название — Баннавем Табурнийский, и нет ничего удивительного, что ты о нем не слышал. Это всего лишь маленькая деревенька неподалеку от Кориния. Ты слышал о нем?

— Да, Кориний мне известен. Это, кажется, довольно процветающий город.

Они еще немного поговорили, не переставая наблюдать за овцами. Наконец, Сед достал из сумки еду и предложил Патрику сделать то же самое.

— Неужели я проведу здесь всю свою жизнь? — спросил Патрик, осторожно отламывая кусочек хлеба. — Сюда обязательно придут легионы¹ и спасут меня или сделают что-то для этого.

Сед понимающе улыбнулся:

— Патрик, хотел бы я тебя обнадежить, что они придут. Но я здесь уже двадцать лет, а римские войска еще ни разу не высаживались на берега Ирландии. Теперь твоя единственная надежда — Бог.

— Не говори мне о Боге! — с досадой воскликнул Патрик.

Он вскочил и взволнованно заходил взад-вперед.

— Где был Бог, когда ирландцы напали на наше поместье? Где Он был, когда мы все молились Ему, находясь на нашем берегу? Я взывал к Нему до хрипоты, а в ответ — ничего! Только холодное темное небо...

— А что ты лично для Него сделал? — резко спросил Сед, тоже повысив голос.

Патрик растерянно замолчал, не находя ответа.

— Ну... э... вообще-то, ничего, — наконец, признался он.

Затем громко добавил:

— И я рад этому!

¹ Крупная войсковая единица римской армии.

— Но при этом ты хочешь, чтобы Он помогал тебе, когда тебе плохо, не так ли? — Сед посмотрел Патрику прямо в глаза.

Патрик некоторое время молчал, нервно теребя пальцами свои спутанные светлые волосы, а потом сказал:

— Вы ведь были дьяконом, верно? А теперь вы здесь, Бог ведь и вам не помог?

— Бог никогда не обещал, что будет избавлять нас от всякого рода несчастий. Я служу Ему не потому, что рассчитываю на легкую жизнь здесь на земле, а потому, что люблю Его. Тебе не приходило в голову, что Он допустил твоё похищение, потому что любит тебя?

— Потому что Он **любит** меня?! Не смешите меня! — с горечью воскликнул Патрик, возмущенно сверкнув глазами.

— Нет, я говорю совершенно серьезно, — Сед встал и начал ходить вместе с Патриком. — Я думаю, что Бог часто использует разные ситуации, чтобы привести людей к Себе.

— Ну, если Бог решил поступить так же и по отношению ко мне, то Он избрал неправильный путь, потому что все случившееся только настроило меня против Него.

— Иногда это случается, — сказал Сед, в задумчивости поглаживая свой посох. — Видишь ли, страдание — это как тепло от солнца, при котором влажная глина становится твердой и сухой, как кирпич. Однако то же самое тепло может размягчить кусок воска. Когда Бог допускает, чтобы на людей обрушивались несчастья, все происходит точно так же: сердца одних затвердевают, а других — смягчаются. Выбор за теми, с кем это происходит. Так и ты, Патрик, в своей ситуации можешь или ожесточиться, или смягчиться сердцем. Решать тебе.

Патрика поразили слова Седа, но он ничего не ответил. Около трех часов дня овцы продолжили пастись, и это длилось несколько часов.

— Мне необходима твоя помощь, Патрик, — неожиданно сказал Сед, прерывая мысли юноши. — Нам нужно определиться с местом для ночевки овец. Это место не годится, потому что вокруг много зарослей, в которых легко могут спрятаться хищники.

— Вы хотите, чтобы я нашел подходящее место? — с готовностью спросил Патрик.

— Да, надо осмотреть все вокруг, чтобы найти место, где нет кустарников или валунов. А я буду присматривать за овцами.

Патрик вскочил, радуясь возможности положить конец тягостному молчанию. Он рысцой побежал мимо пасущихся овец на вершину ближайшего холма. Отсюда были хорошо видны близлежащие окрестности, однако юноша не увидел ничего такого, что подходило бы для ночевки овец. Тогда он сбегал вниз и поднялся на соседний холм, с которого и обнаружил подходящее место. Он решил поближе рассмотреть его. «Да, это как раз то, что нужно», — сказал он себе.

Затем Патрик побежал назад и описал найденное место Седу.

— Кажется, ты нашел то, что нам нужно. Давай начнем перегонять овец, чтобы успеть к тому времени, когда их надо будет устраивать на ночлег, — распорядился обрадованный Сед.

Они без лишней суеты перегнали стадо на место ночевки как раз к наступлению сумерек. Когда овцы улеглись, Сед сказал, что теперь их надо пересчитать.

— А как это сделать? — Патрик, нахмурившись, внимательно осматривал стадо.

— Ну, это стадо я хорошо знаю, в нем есть восемь меченых овец.

— А что это означает?

— Это овцы, которые чем-то отличаются от других: черные

или как, например, вон тот баран со сломанным рогом. Если какой-то из них нет, значит, нет еще тридцати или сорока.

Сед показал Патрику остальных меченых овец и заодно удостоверился, что все овцы на месте. Затем они начали готовиться к ночлегу под открытым небом и собирать дрова для костра, чтобы приготовить ужин. Вскоре они с удовольствием ели наваристый суп с луком-пореем, овсяной крупой и молоком.

— Как тебе еда? — спросил Сед после очередной ложки.

— Очень даже ничего! Я как-нибудь пристрою вас поваром к моему отцу, — подмигнув ему, пошутил Патрик.

Они еще не раз смеялись во время еды и приготовления ко сну.

— Вы не будете связывать меня? — удивленно спросил Патрик, когда они, наконец, улеглись.

— Зачем? У тебя хватит ума не убежать, потому что ты не найдешь дорогу к берегу. Но даже если бы и нашел, то у тебя нет лодки, на которой бы ты поплыл в Британию.

— Да, наверное, вы правы, — ответил юноша, закрывая глаза.

Патрик еще около часа притворялся спящим, а потом, убедившись, что Сед крепко спит, тихо взобрался на ближайший холм, освещенный бледной луной, и остановился, чтобы отдышаться. Обернувшись, он удостоверился, что Сед по-прежнему крепко спит. «Наконец-то я свободен!», — воскликнул про себя Патрик и, спустившись по обратной стороне холма, быстро побежал через дуг. Через некоторое время, запыхавшись, он присел на большой камень, чтобы отдышаться. «Где я сейчас?», — спросил себя Патрик. Он огляделся вокруг, а потом, подняв голову, посмотрел на звезды. «Если бы я, как моряки, умел ориентироваться по звездам! Но я не умею», — кусая от досады губы, думал он. Бесцельно пройдя еще немного вперед, он остановился.

«Сед был прав, — с трудом сдерживая слезы, сказал он себе. — Я здесь останусь навсегда, т.к. никогда не смогу убежать. У меня теперь нет никакой надежды». Медленно возвращаясь к месту привала, он думал об их утреннем разговоре о делах Божьих. Вообще-то, этот разговор весь день не выходил у него из головы. Патрик долго смотрел на освещенное луной небо, а потом вдруг опустился на колени.

— Отец! Прости меня, пожалуйста. Я знаю, что не имею права просить Тебя о чем-либо. Прости за то, что я пренебрегал Твоим Словом. Я не прислушивался к тому, чему меня пытались научить родители. Но, пожалуйста, очень прошу Тебя, — прости меня. Я не хочу быть рабом здесь, в Ирландии. — Он упал, зарывшись лицом во влажную прохладную траву, и так оставался, как ему показалось, около часа, сокрушаясь о своей безрассудно прожитой жизни. Наконец он ощутил новое побуждение в сердце. — Отец, — молился он, — если мне суждено быть рабом, то сделай меня Своим рабом! Удали мое неверие и умножь мою веру! Молю Тебя об этом, Отец, ибо я хочу служить Тебе!

Патрик какое-то время лежал неподвижно, чувствуя, как Бог принимает его покаяние. В его сердце пробуждалась новая любовь к Богу! «Я должен вернуться до того, как Сед обнаружит, что меня нет», — внезапно вспомнил он.

С Божьей помощью он нашел дорогу к холму, с которого было видно место их ночлега. Взявшись на вершину, он остановился передохнуть и увидел, что Сед все еще спит. «Благодарю Тебя, Отец!», — тихо помолился он, спускаясь вниз.

Утром Сед с трудом разбудил Патрика. Проснувшись, тот сразу сказал:

— Сед, я должен вам кое в чем признаться.

— Да? В чем?

— Этой ночью я э... пытался бежать. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Все было так, как вы сказали: я вскоре понял, что не смогу это сделать. Я даже не смог в темноте определить, где восток. — Патрик замолчал, чтобы убедиться, что Сед не сердится. Заметив, что Сед улыбается, он продолжал: — Но это еще не все. Я долго думал о сказанном вами вчера. Я имею в виду Бога. Я понял, что был неправ, отвернувшись от Него. Я, видимо, заслужил все, что со мной случилось. Ночью я признался Ему в этом. Я решил служить Иисусу Христу всю свою жизнь. Отныне я буду Его рабом.

Сияющий от радости Сед подошел и обнял Патрика:

— Я тоже должен тебе признаться, — сказал он. — Когда ты ночью ушел, я не спал. Я все это время молился за тебя и теперь вижу, что Бог ответил на мои молитвы.

Радуюсь, они вместе помолились и принялись пасти овец.

На протяжении следующих недель Патрик все еще продолжал роптать на свою участь, но все реже и реже, т.к. постепенно привыкал к мысли, что он — раб ирландцев. Однажды он весело спросил Седа:

— Я вам рассказывал, что у отца в поместье было несколько стад овец?

— Нет, по-моему, ты никогда не говорил мне об этом.

— Конечно, я же никогда не интересовался ими. Вся забота о поместье лежит на наших слугах.

— Зато теперь ты можешь в полной мере ощутить их жизнь, — с улыбкой заметил Сед.

— Это точно! Когда вернусь домой, буду более внимателен к ним.

— *Когда* ты вернешься домой?! Ты хотел сказать, *если* вернешься, — поправил его Сед.

— Нет, я хотел сказать *когда*, — ответил Патрик

решительно. — Понимаете, я молился, чтобы Бог помог мне вернуться домой. Вы сказали, что Он — моя единственная надежда.

— Да, я действительно так сказал, — подтвердил Сед, по-отцовски обнимая Патрика за плечи. Затем, кашлянув, продолжал: — Однако я также говорил, что нигде в Писании не сказано, что Бог обещал избавлять нас от всех жизненных невзгод. Ты не забыл, что Он позволил, чтобы Его собственного Сына арестовали, бичевали и распяли на кресте?!

— Вы хотите сказать, что Бог, наверное, не поможет мне вернуться домой? Вы это хотите сказать? — встревоженно спросил Патрик.

— Я этого не говорю, ибо на все Его воля. Он, безусловно, может освободить тебя, но мне просто не хочется, чтобы ты на это очень надеялся.

— Понятно, — разочарованно протянул Патрик. — А когда же я узнаю, ответит ли Бог на мою молитву?

— На этот вопрос трудно ответить. Ты думаешь, что помолился один раз и тут же получишь ответ? Иногда так бывает, но очень редко. Ты, может, слышал на церковном собрании притчу о настойчивой вдове?

Патрик отрицательно покачал головой.

— Бедная вдова хотела добиться справедливости у неправедного судьи, но он не хотел ее даже слушать. Но она докучала ему день и ночь, пока он, наконец, не удовлетворил ее просьбу. Иисус желает, чтобы и мы были такими же настойчивыми в молитве, как эта вдова.

Патрик просиял:

— Тогда я тоже буду таким же настойчивым, как эта вдова. Я буду стучать в небесные врата, пока Богу не надоест мой стук и Он ответит мне.

Сед улыбнулся:

— Ну что ж, будем надеяться на это. Однако нам уже пора перегонять стадо. Если овцы будут слишком долго пастись на одном месте, они уничтожат пастбище: съедят всю траву, а корни вытопчут.

Они перегнали стадо на новое пастбище и пообедали.

— Видишь эту траву? — спросил Сед, держа в руках растение с широкими листьями. — Для овец она ядовитая. Смотри внимательно, чтобы ее не было поблизости. А если когда-нибудь увидишь, что овца начала есть эту траву, отгони ее.

Патрик сказал, что будет следить за этим.

— Кстати, — сказал он, меняя тему разговора, — хотел спросить, не обучите ли вы меня местному языку. Я бы очень хотел уметь говорить с Килианом и другими рабами.

Сед улыбнулся:

— С удовольствием. Я ждал, когда ты попросишь меня об этом. Язык, на котором здесь разговаривают, называется «гаэльским». Ты мне показывай на что-нибудь, а я буду называть его по-гаэльски.

Патрик показал на овцу и Сед назвал ее по-гаэльски.

— А как по-гаэльски будет «небо»? А «Бог»?

Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Патрик уже знал многие тонкости работы пастуха и все больше запоминал гаэльских слов и фраз. Он уже мог составлять простые предложения на ломаном гаэльском. Работа пастуха и изучение нового языка помогали Патрику меньше думать о доме. Но, тем не менее, каждый день и часто ночью он усердно молился об избавлении. Весна сменилась летом. Луга покрылись желтыми, белыми и багряно-красными цветами. Дни становились длинными, а ночи — короткими.

Как-то утром к Седу и Патрику пришел Килиан.

— Здравствуйте. Наконец-то я вас нашел, — улыбаясь, сказал Килиан. — Милчу хочет, чтобы вы начали перегонять овец в загон. Приближается время стрижки.

Патрик понял лишь отдельные слова. Он представился Килиану по-гаэльски и попытался с ним немного пообщаться. Когда Килиан ушел, Патрик сказал Седу:

— Я кое-что понял из того, что он вам сказал, но не все. Что-то об овцах?

— Да, он сказал, что овец пора перегонять домой для стрижки.

Патрик и Сед перегнали овец к дому хозяина. По просьбе Седа Патрик тщательно вычесал шерсть животных, очищая ее от сухой травы и разного сора.

— Вы научите меня стричь овец? — спросил он Седа.

— Позже. А пока что наблюдай и запоминай. Когда закончим, посмотрим, как женщины будут красить шерсть.

— Здорово!

В течение следующих нескольких дней Патрик наблюдал, как ловко пастухи стригут овец. Когда стрижка была закончена, Сед повел Патрика к месту, где женщины замачивали шерсть в больших чугунных чанах.

— Ты, наверное, заметил, что ирландцы любят одежду ярких расцветок, — сказал Сед.

Остановившись возле чанов, он объяснил:

— Для покраски женщины замачивают шерсть в этих чанах на всю ночь, а потом закрепляют цвет в уксусно-солевом растворе.

— А где они берут красители?

— Из различных растений. Зеленый получают из мха, красный — из ягод боярышника, пурпурный — из ягод бузины, а желтый — из дрока. Чтобы выделилась краска, они варят их примерно полчаса.

Через день, когда Патрик и Сед снова гнали овец на горное пастбище, они увидели, что над окрестностью тонкой вуалью навис туман, слегка размыв очертания гор и холмов.

— Когда на нас напали ирландские воины, был такой же туман, — сказал с горечью Патрик, — поэтому они и подобрались никем не замеченные прямо к поместью моего отца.

— Да, туман — сообщник разбойников.

— Я вам говорил, что начал молиться по сто раз в день, а ночью — по возможности? — спросил с радостью Патрик. — Я молюсь уже неделю.

— Сто раз в день!

— И, по возможности, ночью.

— Патрик, ты действительно стал «настойчивой вдовой». Мне стыдно за себя.

— Поначалу было очень трудно, но теперь уже намного легче. Говорить с Богом — это все равно, что разговаривать с вами. Думаю, что мне уже удалось утомить Его своей просьбой, но, тем не менее, я буду просить Его до тех пор, пока Он не ответит на мою молитву.

Пригнав овец на хорошее пастбище, они присели отдохнуть. Патрик сделал несколько больших глотков воды из бутылки, а потом стал внимательно ее рассматривать. Бутылка была сделана из овечьего желудка, два конца которого соединялись ремнем из бычьей шкуры. Благодаря такой «лямке», ее удобно было нести на плече. Из-за кожаного пояса юноша достал железный кинжал и отрезал большой ломоть от круглого хлеба, который нес в своей суме. Он задумчиво смотрел на заросшее трилистником зеленое пастбище, на котором рассеялись овцы. Вокруг царил тишина, изредка прерываемая блеянием овец или требовательными криками отставших от матерей ягнят. По косограм с печальным шорохом проносился ветер.

Наконец, Сед спросил:

— Сколько примерно человек попали в плен вместе с тобой?

— Мне показалось, тысячи.

— Вряд ли они захватили столько людей за один раз. Но сегодня в Ирландии, действительно, находятся тысячи рабов из Британии. Ведь такие нападения длятся уже не один десяток лет. Я подумал, что, может, Бог к чему-то готовит Ирландию?

— Готовит или нет, но я очень хочу отсюда выбраться, — улыбаясь, ответил ему Патрик¹.

¹ «Confessio», § 16.

Глава 4

Äðóèäû

— Вы когда-нибудь видели друидов? — спросил однажды утром Седа Патрик. — Я с детства помню истории о друидах.

— А, это таинственные ирландские жрецы, — завязывая ремни на сандалиях, ответил Сед. — Конечно, я их видел много раз.

— А я ни разу, — сказал Патрик. — Хотя дедушка Потит говорил, что раньше их было много в Британии.

— Твой дедушка прав. Когда-то Британия была даже центром друидизма. Однако римляне давно объявили друидов вне закона. Поэтому ты никогда и не видел ни одного из них.

— А почему они это сделали?

— Потому что друиды совершали человеческие жертвоприношения.

Видя удивленное лицо Патрика, Сед сказал:

— Нам пора перегонять овец домой. Хозяин хочет, чтобы его стада к празднику Лугнаса были дома. Праздник начнется через несколько дней. На нем, кстати, ты сможешь увидеть друидов. Не переживай, человеческих жертвоприношений не будет.

Глаза Патрика загорелись:

— А что значит праздник Лугнаса?

— Это один из главных ирландских праздников, посвященный языческому богу Лугу. Он празднуется приблизительно

1 августа по римскому календарю.

— Я никогда не слышал о Луге. А что это за божество?

— Ирландцы представляют его молодым красивым юношей с чудесными способностями. Он не только бог урожая, но и бог войны, торговли, ремесла и разных игр. Это — бог, который им, наверное, нравится больше всех. Будет большой праздник. На нем всегда много вкусной еды, которой хватает даже для рабов. Но нам надо быть очень осторожными, чтобы каким-то образом не запятнать себя идолопоклонством.

На следующий день, когда Сед и Патрик вернулись домой, оказалось, что уже собрались все родственники Милчу. Там также были все его пастухи. Праздник длился несколько дней. Все ели, пили и развлекались, играя в различные игры. Патрик и Сед наслаждались бараниной, говядиной и всевозможными супами.

Однако утром, в день самого праздника Лугнаса, все притихли в тревожном ожидании.

— Что происходит? — испуганно спросил Патрик.

— Тс-с. Люди ожидают прихода друидов. Давай станем за деревянной повозкой, чтобы никому не мешать.

После долгого ожидания Патрик воскликнул:

— Смотрите! Кто-то появился на вершине холма.

— Это и есть друиды. Их легко узнать по одежде, т.к. они почти всегда носят белые шерстяные мантии, а на шее золотые украшения в виде подковы.

Когда друиды подошли поближе, Сед сказал:

— Видишь того лысеющего мужчину с длинной белой бородой? Это их старший жрец.

В то время, когда все были заняты подготовкой к пышному пиру, друиды, совершали торжественные обряды, благодарили бога Луга за урожай и ублажали его, принося в жертву живот-

ных. Сед и Патрик не стали есть жертвенную пищу. Когда праздник закончился, они вновь погнали стадо на пастбище.

Лето уже заканчивалось и безлесые горы окрасились темно-лиловыми цветами вереска. Патрик возмужал физически и духовно. Его вера и любовь к Богу возрастали с каждым днем. Он стал лучше справляться с обязанностями пастуха и успешно осваивал гаэльский язык. И если сначала Ирландия показалась ему темным зловещим местом, то теперь он по достоинству оценил красоту Божьего творения. Всюду, куда ни глянь, его взор встречался с ослепительным великолепием ярко-зеленого с желтоватым оттенком пейзажа, обязанного своей красотой дождям и известковой почве. Берега рек утопали в зарослях бальзамина. Тихие озера в окружении заросших папоротником гор отражали светло-голубое небо. Конечно, светло-голубым оно было не всегда, но даже в частых туманах и морозящих дождях природа была таинственно прекрасной.

— Знаешь, — заговорил как-то во время обеда Сед, — на самом деле здешний климат не так уж сильно отличается от западного побережья Британии.

— Это правда, — согласился Патрик. — Но все же дома я жил не под открытым небом, а в теплом доме с прислугой. — Сед улыбнулся. — Seriously, — продолжал Патрик, — я считаю, что Милчу относится к нам просто бесчеловечно, вынуждая мокнуть под дождем. Надеюсь, что он прикажет нам уйти отсюда с приходом зимы.

— Вряд ли, хотя, действительно, большую часть времени зимой мы будем ближе к дому. И еще мы будем ночевать в помещении.

— Надеюсь, что к тому времени меня здесь уже не будет, — заявил Патрик. — Я молюсь уже почти полгода. Думаю, что Бог в любой момент ответит на мои молитвы.

Сед, пожав плечами, сказал:

— Будем надеяться, Патрик, будем надеяться!

— Кстати, Сед, — спросил Патрик, — а вы когда-нибудь молились об избавлении?

— Конечно, молился.

— Правда? И вы еще здесь? — удивился Патрик. — И долго вы молились?

— Почти два года.

— Два года! Вы не говорили мне, что придется молиться так долго, — в голосе Патрика послышалось раздражение. — А сколько времени докучала судье настойчивая вдова?

— Иисус не сказал этого.

— Мне трудно в это поверить! Целых два года! И Бог до сих пор вам не ответил!

— Ну что ты, Патрик, Он, конечно, ответил, — спокойно сказал Сед. — Через два года я понял, что Его ответ был «нет».

Патрик был шокирован.

— Вы обманули меня! — закричал он Седу, буквально сверля его своими голубыми глазами. — Молиться два года, чтобы получить ответ «нет»! Другими словами, молитва — это пустая трата времени!

Переполненный болью и разочарованием, он ушел, пиная ногами камешки и палки на своем пути. Он был сильно расстроен, поскольку возложил все свои надежды на Бога, а теперь, оказывается, что все напрасно. После этого он целую неделю не молился.

Однако как-то утром Сед, проснувшись, увидел, что Патрик молится.

— Я думал, что ты уже не будешь молиться, — заметил он, улыбаясь.

— Я решил, что буду молиться два года, как вы. Может, Бог

ответит мне «да», а может, Он скажет, что мне не надо ждать два года. Как бы там ни было, я твердо решил молиться два года, если надо.

По мере приближения ноября, Патрик и Сед все больше времени проводили возле дома хозяина.

— Что происходит? — спросил однажды утром Патрик Седа. — Похоже, что все готовятся к какому-то событию.

— Ты прав, скоро будет праздник Самайн.

— А, еще один праздник? Такой, как празднование Лугнаса?

— В каком-то смысле да, но со своими особенностями. Самайн у ирландцев считается самым священным днем.

— Почему?

— В этот день они отмечают сотворение мира. Вообще-то, для них это празднование нового года, который начинается первого ноября по римскому календарю. Но, как ты скоро увидишь, главный праздник у них будет в ночь перед Самайном¹.

— Все будут пировать и веселиться? — спросил Патрик.

— Нет, как раз наоборот. Ирландцы верят, что накануне праздника Самайна среди живых бродят духи мертвых. Они их очень боятся. Более того, они думают, что если мертвых не ублажать, то они могут серьезно навредить живым.

— И как они пытаются задобрить мертвых?

— Они выставляют для них еду, например, овсяную крупу, хлеб и сыр. Вечером, накануне праздника Самайна, ни в коем случае нельзя выходить на улицу.

— Только не говорите мне, что вы боитесь духов, — сказал Патрик.

— Нет, конечно, просто я не хочу оскверниться происходящим.

¹ 31 октября по римскому календарю.

* * * * *

Вскоре после праздника Самайна наступила ирландская зима с холодным морозящим дождем и редким снегом. Как Сед и предупреждал, пастухи, несмотря на зимние холода, большую часть времени продолжали пасти овец.

— Я замерз до самых костей, кожа на моем лице потрескалась, а одежда насквозь промокла! — закричал Патрик Седу, стараясь отвернуться от бьющего в лицо холодного атлантического ветра.

— Знаю, я точно так же промок до нитки, — ответил ему Сед. — Хорошо еще, что хозяин разрешает нам ночевать в помещении. Мы должны быть ему за это благодарны.

— А что, всегда надо искать, за что благодарить? — проворчал Патрик, быстро шагая взад-вперед, в надежде согреться.

— Это, по крайней мере, лучше, чем жаловаться. Напомни мне, пожалуйста, чтобы я дал тебе дома шерстяную одежду. В ней тебе будет намного теплее, чем в льняной. Шерсть даже мокрая сохраняет тепло.

— Фу! Терпеть не могу шерсть! Она так колется.

— Ну, тогда замерзай. Я хотел тебе помочь.

— Извините, меня, пожалуйста, — виновато сказал Патрик. — Очень любезно с вашей стороны предложить мне теплую одежду. Я, конечно, воспользуюсь вашим предложением. Может, Бог поможет мне привыкнуть к грубой шерстяной одежде.

Сед засмеялся.

— Конечно, поможет.

Время тянулось медленно, дождям, казалось, не будет конца. Каждый день небо было затянуто серой мглой. На мокрых полях царила тишина. Когда Патрик и Сед, с трудом передвигаясь по

размокшим пастбищам, перегоняли овец, изо рта у них шел пар. Сумрачными зимними днями они пасли овец, а к вечеру пригоняли их в загоны. Ночью, лежа на холодном полу помещения для рабов, они слушали волчий вой, доносившийся из леса Воклут. Хотя Патрик и был недоволен своими жилищными условиями, он молился, по меньшей мере, сто раз в день.

Однажды, когда Сед и Патрик находились на пастбище, разыгралась одна из многочисленных свирепых бурь, налетевшая со стороны Атлантического океана. Вместо того, чтобы бросить овец и куда-то укрыться, они собрали стадо и, несмотря на сильный дождь, пригнали его домой.

Всю зиму они ходили по замерзшим лужам и густой грязи. Одним солнечным днем Сед заметил, что Патрик задумчиво рассматривает кроваво-красные ягоды остролиста, ярко выделявшиеся на фоне темно-зеленых листьев.

— О чем ты думаешь? — спросил Сед, переводя дыхание.

— Эти ягоды напоминают мне кровь Иисуса Христа, пролитую за нас. Чем чаще я об этом думаю, тем больше понимаю, что слишком часто жаловался и роптал. То, что Он претерпел за меня, было гораздо хуже, чем пасти овец холодной ирландской зимой, поэтому я решил, что буду, как и вы, с Божьей помощью находить повод для благодарения.

Патрика отвлекла стайка черных дроздов, шумно взлетевшая с дерева. Два пастуха какое-то время молча наблюдали за ними. Затем Сед сказал:

— Эти улетевшие птицы напомнили мне твою душу, которая, наконец, вырывается из греховных оков.

Патрику казалось, что холодная влажная зима длится целую вечность. Но в конце концов, наступил февраль, а за ним и период окота. Несмотря на то, что дни стали длиннее, пронизывающий влажный ветер оставался таким же холодным.

— Похоже, что хозяин готовится к очередному празднику, — сказал Патрик однажды утром.

— Так и есть. На сей раз это праздник Имболк.

— И кому он посвящен? — поинтересовался Патрик.

— Бригитте — богине плодородия. Праздник должен обеспечить обильный окот.

— Складывается впечатление, что у ирландцев много богов и богинь. Расскажите мне еще об их верованиях.

— Ну, ты уже знаешь, что друиды — это их жрецы и духовные наставники. Чтобы стать друидом, нужно пройти двадцатилетний путь ученичества. Это самые могущественные люди в Ирландии.

— Более могущественные, чем короли?

— Да, потому что именно друиды пишут законы и являются судьями. Даже короли должны им подчиняться, т.к. все боятся их магии. В Ирландии только друиды умеют читать и писать.

— А где их храмы? Я ни одного не видел.

— Ты их не видел, потому что они построены в рощах. Друиды верят, что деревья священны, особенно дуб и рябина. Они говорят, что этими деревьями поддерживаются небеса, и что они открывают путь к богам.

— Правда? А вы видели хоть один их храм? — спросил Патрик.

— Никогда не видел. Их храмы, как мне рассказывали, деревянные и имеют довольно скромный вид, по сравнению с греческими или римскими храмами.

— Понятно. А во что еще верят ирландцы? — спросил Патрик, едва не став ногой в грязную лужу.

— Сейчас вспомню. Они считают священными водоемы и число три.

— Неужели? А как они относятся к жизни после смерти?

— Как и мы: они верят в бессмертие души. Однако, в отличие от нас, они верят, что после смерти душа блуждает из тела в тело.

— Да, звучит не очень привлекательно. Как вы думаете, они когда-нибудь обратятся в христианство?

— Думаю, да. Не вижу причин, по которым бы Бог вычеркнул их из Своих списков. Я попытался засвидетельствовать нескольким слугам, но ни один из них до сих пор не обратился к Богу. Может, ты попробуешь?

— Мне это даже в голову не приходило, но я попробую. Я уже более-менее говорю по-гаэльски.

* * * * *

Наступила весна, и Патрик мог, наконец, наслаждаться обилием солнечного тепла. Зацвели кусты терновника, в лесах появились ветреницы и пролески, а на склонах холмов расцвел золотистый дрок. Влажные весенние луга украсились ярко-желтыми цветами болотной калужницы. Патрик часто любовался красотой Божьего творения, но не забывал молиться об избавлении.

— Приготовься к новому празднику, Патрик, — предупредил его однажды Сед. — Завтра будет праздник Белтейн¹, посвященный Белленусу — богу огня и войны.

На следующий день Патрик с Седом издали наблюдали за происходящим.

— Мне кажется, что ирландцы любят сопровождать торжественные обряды пирами и шумными играми, — заметил Патрик. — А что делают сейчас друиды? Они зажгли два огромных костра и, похоже, пытаются загнать в них хозяйский скот.

— Ну, не совсем так, — ответил Сед. — Один из костров

¹ Празднуется 1 мая по римскому календарю.

сделан из дубовых веток, а второй — из тисовых. Друиды пытаются провести скот *между* двумя кострами, так что животные ни в коем случае не пострадают.

— А зачем они это делают?

— Чтобы таким образом как бы очистить скот. Смотри! Теперь друиды приносят в жертву Белленусу белтейнские священные овсяные лепешки. — Сед покачал головой. — Знаешь, эти ирландцы поработаны больше, чем мы с тобой. Мы можем быть их рабами, но они находятся в плену темной демонической религии. Они — рабы своих суеверий и нуждаются в избавлении от этого так же, как мы с тобой нуждаемся в освобождении из рабства.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказал Патрик. — Я буду молиться, чтобы Бог спас их, но после того, как спасет от них меня.

Сед запрокинул свою седеющую голову и засмеялся. Они пошли заниматься своими делами вдали от празднующих ирландцев.

Через несколько недель пришел один из слуг и что-то сказал Седу. Когда слуга ушел, Сед подошел к Патрику. Его обычно улыбающееся лицо теперь было печальным.

— У меня грустные новости, Патрик. Ты здесь уже ровно год. Милчу сказал, что тебе уже можно работать одному. Я знал, что это когда-нибудь произойдет, но все же надеялся, что не так быстро.

— Вы хотите сказать, что мы уже не будем работать вместе? — взволнованно спросил Патрик.

— Да, но иногда мы будем встречаться.

Сед проводил Патрика к стаду овец, за которое он теперь отвечал. В тот день они еще вместе пасли овец. На следующее утро Сед, перед тем, как уйти, крепко обнял Патрика. Теперь

наедине со своим стадом Патрик вспоминал прошедший год своего плена. Казалось, что прошла целая вечность, а избавления все не было.

— Отец, сколько мне еще оставаться в рабстве? — громко воззвал он.

Но Бог молчал¹.

¹ «Confessio», § 16.

Глава 5

Íàñòíé÷èääü ääîâà

Проходили недели, месяцы и все это время Патрик продолжал изучать гаэльский язык. Нельзя сказать, что он бегло говорил по-гаэльски, однако уже довольно хорошо мог объясняться со слугами. Однажды вечером Патрик встретился с пастухами стада, которые паслись неподалеку. Он использовал любую возможность для общения, чтобы как-то избежать одиночества. В тот вечер слуга из дома хозяина приготовил на костре вкусный ужин. Патрик, беседуя с пастухами, заметил, что к ним идет Сед.

— Сед! Как приятно вас видеть, дорогой брат! — воскликнул Патрик.

Он подбежал к Седу, крепко обнял его и поприветствовал поцелуем мира. Они взяли по миске наваристого супа и сели поговорить о событиях в жизни друг друга. Патрик сказал Седу:

— Когда нас привезли в Ирландию, мы попали в дом человека, который, кажется, был королем. Это было неподалеку от того места, где меня купил Донаван.

— Да, я помню то место, — ответил Сед, макая в суп кусочек хлеба.

— Скажите, пожалуйста, это был король всей Ирландии?

— Нет, — с улыбкой сказал Сед. — В Ирландии нет единого короля. Насколько я знаю, страна традиционно делится на пять основных федераций.

— Пять федераций? — переспросил Патрик. Закончив есть, он отпил из бутылки большой глоток воды. — А как они называются?

— На севере — федерация Ольстер, на западе — Коннахт, в которой мы сейчас находимся. — С минуту Сед помолчал, задумчиво поглаживая бороду. — Надо подумать. На востоке находится федерация Мит, а на юго-востоке — Ленстер. То место, куда вас сначала привезли, называлось Ленстером... не могу вспомнить название пятой федерации... ага, вспомнил, — Манстер.

— И в каждой федерации есть свой король? — спросил Патрик, направляясь с Седом к костру за добавкой супа.

— Нет, вообще-то даже каждая из федераций не имеет единого короля, — объяснил Сед. — Они делятся примерно на двести «туата». Я не знаю, какое наше слово соответствует слову «туата». Ты бы назвал их кланами или племенами. Так или иначе, но в каждом «туата» есть свой король.

— Это же получается, что в Ирландии около тысячи королей? — воскликнул изумленный Патрик.

— Выходит, что так. Возможно, я употребляю не совсем правильное слово, называя их королями. Ирландцы называют их «ри». Может быть, «ри» лучше всего перевести как «вождь».

Их разговор прервался неожиданной дракой двух пастухов. Они выхватили из-за поясов кинжалы и ходили по кругу, время от времени делая выпады друг против друга. Все могло кончиться весьма печально, если бы их не разняли другие пастухи.

— Почему они начали драться? — спросил Патрик Сeda.

— Не знаю, но думаю, что из-за служанки. Как ты уже, наверное, заметил, ирландцы — довольно вспыльчивый народ. Я постоянно вижу драки. Хозяин не обращает на них никакого внимания. Для него главное, чтобы никто не был серьезно ранен

или убит, т.к. рабы — дорогостоящий товар. Поэтому пастухи и разняли драчунов.

— А если бы они не были рабами? — спросил потрясенный Патрик.

— Если бы они были свободными, то, скорее всего, дрались бы до смерти, — ответил Сед, возвращаясь к бревну, на котором они сидели.

— А женщины такие же вспыльчивые? — поинтересовался Патрик.

— Возможно, даже еще больше. Я видел несколько жестоких драк между женщинами. Такое впечатление, что в этой стране все считают, что драки и войны — это что-то хорошее. Боюсь, они и понятия не имеют о том, чтобы «подставить другую щеку», как учил Иисус. Более того, как мне рассказывали, в старину матери давали первую пищу своим младенцам на кончике отцовского меча.

— Но зачем они это делали?

— Думаю, для того, чтобы маленькие дети росли с мыслью о том, что меч — это нечто хорошее. Понимаешь, ирландцы воюют *между собой* намного больше, чем с британцами. Более того, они уносят свою воинственность с собой в могилу.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Патрик, счищая с сандалий грязь.

— Ну, они часто хоронят своих королей — или, м-м-м... вождей — с мечом или копьем в руках.

— Ты когда-нибудь видел их сражение? — спросил Патрик.

— О, да! И притом не раз. Мне хорошо запомнилось самое первое из тех, что я видел. Это было несколько лет спустя после того, как меня продали в рабство Милчу. Я как раз пас овец неподалеку от того места, где паслись его стада купного рогатого скота. И вдруг я услышал незнакомый, пронзительный звук

военных рогов, за которым последовал оглушающий шум. Овцы испугались и разбежались, а я сразу бросился прятаться в ближайших зарослях. И тут из-за холма неподалеку появился отряд воинов. Их волосы были вымазаны в какое-то белое вещество и торчали вверх застывшими белыми шипами. Вид у них был отвратительный и устрашающий. Я увидел, что это они издавали громкий шум, стуча мечами по своим высоким деревянным щитам. У большинства мужчин были мечи, но некоторые из них были вооружены копьями или пращами. Некоторые ехали верхом на конях.

— Они заметили тебя? — спросил Патрик.

— Нет, очевидно, нет. Кроме того, они хотели украсть скот, а не рабов. Увидев воинов, многие пастухи убежали, а те, кто сопротивлялся, тут же были убиты. Затем нападавшие развернули испуганное стадо крупного рогатого скота в нужном им направлении. Все произошло примерно в течение часа. Воины украли почти пятьдесят голов скота.

— А Милчу заявил властям, когда узнал об этом?

— Каким властям?! У ирландцев не существует понятия общественных правонарушений, как у нас, римлян, — сказал Сед. — Если в Британии кто-то ворует скот, то владелец обычно сообщает об этом солдатам, а те стараются арестовать вора и вернуть украденное. Правильно? — Патрик кивнул. — Мы расцениваем воровство как гражданское или социальное правонарушение, — продолжал Сед, — а ирландцы — нет. Они рассматривают его как личную обиду. Это касается только того, чьи вещи были украдены.

— Странно, — заметил Патрик, — так что же сделал Милчу?

— Через несколько недель он со своими родственниками сделал то же самое. Милчу угнал у вора семьдесят голов скота. В

стычке было убито несколько человек.

— Вот так они решают свои проблемы?

— Нет, человек, который первым напал на Милчу, позже совершил новый набег на Милчу в отместку за то, что тот забрал украденный скот. Такие разбои происходят часто. Я рад, что всего лишь пастух и могу оставаться в стороне от всего этого. Похоже, что грабителей интересуют не овцы, а крупный рогатый скот.

— Это — полное безумие, — заявил с отвращением Патрик. — Неудивительно, что мы называем их варварами.

— Ну что ты, ирландцы не такие уж и плохие, — ответил Сед со своей обычной улыбкой. — Во-первых, у них прекрасное чувство юмора, и они чрезвычайно гостеприимны. Они также замечательные земледельцы, пастухи и скотоводы. А ты заметил, какие они искусные мастера?

— Вообще-то, нет, ведь я большую часть своего времени провожу с овцами.

— Ну что ж, завтра я пойду с Донаваном, сыном Милчу, на рынок. Я попрошу, чтобы тебя отпустили помочь мне нести покупки. Тогда ты сможешь увидеть их изделия.

Донаван не возражал, и на следующий день трое мужчин взяли с собой несколько быков, коров и овец и отправились на ближайший рынок.

— А для чего животные? — спросил Патрик. — Донаван будет продавать их на рынке?

— Нет, не совсем, — ответил Сед. — Он обменяет их на нужные ему товары. У ирландцев нет денег и они вместо них используют крупный рогатый скот, овец или рабов. В Британии единицу товара можно оценить, например, в десять динариев. А здесь его оценят в шесть коров-первотелок. Что-нибудь еще оценят в двух рабов мужского пола.

Минуту Патрик молчал, а потом нерешительно спросил:

— Как вы думаете, Донаван не собирается обменять нас на какой-нибудь товар?

Сед рассмеялся:

— Нет, Милчу слишком высоко ценит нас как пастухов. Он не собирается обменивать нас на повозку или еще что-то. Не переживай!

Вскоре они были на рынке. Патрик увидел некоторые изделия из фигурного стекла и серебряные тарелки.

— Эти люди действительно искусные мастера! — восхитился он. — Посмотрите на эти замысловатые узоры. Какое у ремесленников богатое воображение!

— Да, их изделия ценятся по всей Европе. Ирландские торговцы продают их в Галлии, Испании и, насколько мне известно, даже в Лондоне.

— Серьезно? Я думал, что ирландцы плавают в Британию лишь за тем, чтобы поразбойничать, — ответил Патрик, с интересом рассматривая на одном из прилавков красивую серебряную тарелку.

— Это потому, что почти все ирландцы, которые высаживаются на западном побережье Британии, — разбойники. Большинство ирландцев не являются грабителями, среди них, так же, как и среди нас, римлян, есть торговцы.

Они несколько часов ходили и рассматривали товары. В конце концов, Донаван купил ножи, эмалированную посуду и продовольствие. Большую часть его покупок несли домой Сед с Патриком.

* * * * *

Дни шли за днями. Однажды утром в конце весны Патрик, заметив Седа, выбежал ему навстречу.

— Вы знаете, какой сегодня день? — взволнованно спросил он.

Сед немного подумал:

— Не знаю. А какой?

— Сегодня исполнилось ровно два года с тех пор, как я начал молиться об избавлении. Вы говорили, что Богу потребовалось два года ваших молитв, чтобы ответить вам. Так что я сегодня должен получить ответ.

— Что ж, только не забывай, — предупредил Сед, — что мне Он ответил «нет». С тобой может быть то же самое, поэтому слишком сильно не радуйся. Давай лучше встретимся сегодня вечером и поговорим.

Патрик целый день молился и постился. Когда они встретились, он был задумчивым и хмурым.

— Ничего, — сказал он, в отчаянии вскидывая руки. — Он все еще не дал мне ответа!

Сед по-отцовски обнял Патрика за плечи.

— Может быть, это означает отрицательный ответ? Помнишь, я говорил тебе, чтобы ты особенно не надеялся?

Патрик что-то тихо пробормотал и пошел спать. За завтраком он был необычайно молчалив. Наконец, Сед нарушил тишину:

— Патрик, мне пора идти, я должен сегодня перегнать свое стадо на новое место. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, потому что испытал то же самое, когда Бог сказал мне «нет». Иногда надо просто принять обстоятельства такими, какие они есть.

— Я не могу смириться с тем, что буду здесь рабом до конца своей жизни! — ответил Патрик, повышая голос. — Я не могу поверить в то, что больше никогда не увижу родителей. Я не думаю, что Бог ответил мне отрицательно. Вам, может быть, да, но не мне.

— Успокойся, Патрик, — мягко сказал Сед. — Я всего лишь хочу тебе помочь. Возможно, ты и прав. Может, Бог просто тебе еще не ответил. Что ты в таком случае будешь делать? Продолжать молиться?

Патрик немного подумал.

— Да, это единственное, что мне остается. Я думаю, что Бог проверяет меня, буду ли я по-прежнему молиться и поститься.

— Хорошо. Делай, как считаешь нужным, но помни, что ответ может быть отрицательным. За все годы, что я здесь нахожусь, я ни разу не слышал, чтобы кто-то освободил британского раба.

— Возможно это потому, что они недостаточно долго молились, — быстро ответил Патрик. — Или недостаточно *часто*. Вам это может показаться нереальным, но я все же верю, что если продолжать стучать, то Бог, в конце концов, откроет дверь.

* * * * *

Месяцы сменялись годами: три года, четыре. От Бога все еще не было ответа. Однако Патрик продолжал молиться и поститься. Теперь, когда он уже свободно говорил по-гаэльски, он часто свидетельствовал пастухам и рабам. Они вежливо слушали, но неизменно отвечали:

— Если твой Иисус такой могущественный, почему ты все еще в рабстве? Похоже, что наши боги сильнее твоего.

Патрик, слыша эти слова, впадал в уныние, но не переставал свидетельствовать.

— Патрик, ты все еще молишься об избавлении?

Узнав голос, Патрик радостно обернулся:

— Сед, какая приятная встреча! Да, я все еще молюсь об избавлении по сто раз в день.

Сед добродушно рассмеялся.

— Ты поистине «настойчивая вдова». Сколько времени ты уже молишься? Четыре года?

— Если точнее, четыре с половиной.

— И ты все еще не можешь смириться со своей жизнью в Ирландии? — покачал головой Сед.

— Ну, я бы так не сказал. Вы же знаете, что, попав в плен, я ненавидел и презирал этих т.н. варваров. Но, возрастая в любви к Богу, я стал любить и ирландцев, их сильные и слабые стороны культуры. Теперь я понимаю, что ирландцы любят своих жен и мужей, детей и родителей точно так же, как и мы, римляне. Они не меньше плачут, когда умирают их любимые, радуются на свадьбах и других радостных событиях. Они — наши братья, но, тем не менее, я не хочу провести свой остаток жизни в Ирландии. Я скучаю по дому, по своим родителям.

— Надо понимать, что ты будешь продолжать молиться?

— Да, я буду молиться до тех пор, пока Богу не надоест слушать мои молитвы и Он вызовет меня из Ирландии.

Сед улыбнулся.

— Когда я впервые увидел тебя, ты был мальчиком. Теперь же, Патрик, ты возмужал. Бог преобразил высокомерного подростка из знатного рода в мужа Божьего, человека, любящего других людей. Из гордого хозяина ты превратился в смиренного слугу. Ты — истинный христианин, сподвижник Королевства Божьего и муж молитвы.

Патрик улыбнулся и обнял Седу:

— Я думаю, что вы преувеличиваете. Да, действительно, Бог все это время трудился надо мной. Сейчас мне это совершенно ясно.

Через несколько долгих месяцев исполнилось пять лет с тех пор, как Патрик попал в Ирландию. Каждый раз, когда он видел

Седа, тот спрашивал его:

— Патрик, ты все еще молишься об избавлении?

— Да, я все еще стучу и буду стучать до тех пор, пока Бог, в конце концов, не откроет дверь.

И Бог открыл¹.

¹ «Confessio», § 12, 16.

Глава 6

İîááã

Это случилось в начале лета, когда прошло уже шесть лет с тех пор, как он был в рабстве. Как обычно, Патрик молился днем и ночью, и часто постился. Он спал на поле рядом с пасущимися овцами и однажды ночью, во сне, услышал голос с неба, который говорил: «Хорошо, что ты постишься, ибо скоро ты вернешься в свою страну»¹.

Проснувшись, Патрик закричал от счастья. Бог ответил ему! Он скоро вернется домой! Он пас овец, пел и молился целый день. В тот вечер он сделал привал вместе со своим другом Седом и другими пастухами.

— Сед, вы не поверите, — тихо и радостно сказал Патрик, отведя его в сторону. — Прошлой ночью, когда я спал, Бог говорил ко мне. Он сказал, что я скоро вернусь в Британию.

— Ты уверен, что это был Бог? — ответил Сед, всматриваясь в лицо Патрика. — Во сне легко ошибиться.

— Да, я абсолютно уверен! Это не похоже на мое воображение, т.к. голос звучал ясно и отчетливо.

Лицо Патрика сияло от радости.

— Но как? Как Бог вызволит тебя? — спросил озадаченный Сед.

— Я не знаю. Он не сказал. Возможно, меня нашли родители

¹ «Confessio», § 17.

и собираются выкупить. Я действительно понятия не имею.

Сед некоторое время молчал, а затем, улыбнувшись, крепко обнял Патрика.

— Я очень рад за тебя, Патрик. Бог, наконец, ответил на твои молитвы! Патрик — «настойчивая вдова»! — Сед покачал головой и засмеялся. — Должен тебе признаться, — продолжал он, — я уже давно не верил, что ты когда-нибудь покинешь Ирландию. Ты кое-чему научил меня своей настойчивостью в отношении молитвы. Я бы запрыгал от радости, но, боюсь, что пастухи заподозрят неладное.

— Вы правы, — согласился Патрик, оглянувшись на пастухов. — Мне бы тоже хотелось попрыгать.

Они понимающе улыбнулись друг другу и вместе помолились.

— Тебе надо потихоньку откладывать какие-то продукты, т.к. ты не знаешь, что тебе предстоит, — посоветовал ему мудрый Сед.

Патрик согласился с ним. Той ночью Патрик молился и почти не спал. Утром Сед, перед тем, как уйти со своим стадом, крепко обнял его.

— У меня такое чувство, что я тебя больше никогда не увижу. Я буду скучать по тебе, дорогой брат! Я буду за тебя молиться! — Они со слезами на глазах смотрели друг на друга. Наконец Сед сказал: — Прощай, друг мой!

Он еще раз тепло улыбнулся Патрику и погнал стадо. Юноша смотрел ему вслед, пока он не исчез в утреннем тумане.

— Я, наверное, некоторое время не смогу ночевать с пастухами, — сказал он повару как бы между прочим. — Дай мне, пожалуйста, немного больше еды, чтобы я мог продержаться это время.

— Пожалуйста, — сказал повар и дал Патрику несколько

круглых хлебов, немного поджаренного зерна, несколько кусков сыра и соленой рыбы.

Патрик ел очень мало, стараясь отложить продукты на всякий случай. Через несколько ночей Бог снова проговорил к нему во сне. На этот раз Он просто сказал: «Смотри, твой корабль уже готов»¹.

Проснувшись, Патрик понял, что сегодня он покинет эти места. Он не знал, что Бог имел в виду, когда говорил, что его корабль уже готов. Может быть, приехали его родители, чтобы выкупить его? А может, на побережье Ирландии высадился отряд римских легионеров. Он не знал. Но это уже не имело никакого значения. Главное, что Бог проговорил к нему!

День прошел как всегда. Когда стемнело, Патрик остановил стадо на ночлег в безопасном месте и спросил Бога, что ему теперь делать. Вскоре он почувствовал, что Дух Святой побуждает его встать и бежать к восточному побережью. Он повесил на одно плечо сумку с небольшим запасом еды, на другое — бутылку с водой и захватил с собой посох. Сначала он шел медленно и осторожно, а потом побежал рысцой.

Пробежав метров двести, Патрик остановился, перевел дух и оглянулся. В призрачном свете луны он увидел свое спящее стадо. Он еще мог вернуться, и никто ничего бы не заметил. Если же он побежит дальше, то не исключено, что Милчу догонит его и строго накажет. Но нет! Он знал, что Бог проговорил к нему, а Ему он доверял целиком и полностью. Патрик повернулся и побежал дальше, ни разу больше не оглянувшись.

Он не имел представления, куда бежит, просто следовал водительству Духа Святого. Оставив позади луг, Патрик направился к лесу Воклут, сквозь деревья которого едва пробивались лучи мягкого лунного света. Но он хорошо знал этот лес, т.к.

¹ «Confessio», § 17.

много раз искал здесь своих пропавших овец. Юноша нашел знакомую тропу, которая вилась в густых зарослях дуба, бузины и берез, и пошел по ней, иногда переходя на бег. Патрику пришлось долго идти, прежде чем он вышел на поляну, на которой стояла одинокая береза. Он присел под деревом немного отдохнуть и сделать глоток воды.

На другом краю поляны с подветренной стороны он заметил благородного оленя с огромными ветвистыми рогами. Олень секунду постоял, глядя на человека, а затем умчался стрелой. Патрик посидел еще несколько минут, а затем направился дальше. Оставив позади поляну, он снова пошел по извилистой тропинке. Сердце его неистово колотилось от радостного предчувствия.

Примерно через семь часов пути ускоренным шагом, Патрик оказался на окраине леса. Было уже около четырех часов утра, и он был не прочь немного отдохнуть. Патрик выпил из бутылки воды и съел немного хлеба. Неожиданно сзади послышался шорох. Он затаил дыхание: неужели его побег обнаружили и за ним послали погоню? Шум усилился, и юноше показалось, что чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Он сидел неподвижно. Вдруг мимо него быстро пробежала ласка, направляясь на освещенный луной луг.

Облегченно вздохнув и возблагодарив Бога, Патрик побежал дальше. Тропинка, по которой он бежал, привела его к болоту, а затем повела вдоль тихо журчащего ручья с неровными заболоченными берегами, заросшими травой и ивами. Помедлив мгновение, Патрик перебрался через ручей и начал взбираться вверх по крутому каменистому склону. Его руки тщетно пытались ухватиться за скользкие, грязные камни. В отчаянии он ухватился за один из них, но рука снова соскользнула и он скатился обратно на берег ручья. Набив несколько синяков,

уставший, Патрик поднялся и снова полез на гору. На этот раз он добрался до вершины.

Внимательно осмотрев освещенный луной холм, он, наконец, увидел узкую тропинку, ведущую вниз по склону и, спустившись, пошел по ней. Тропинка вилась через тисовые рощи и луга. Наконец, она привела его к берегу реки. Здесь она пересеклась с другой тропинкой, бегущей вдоль берега. Патрик остановился и помолился, чтобы Бог указал ему дальнейший путь. Чувствуя Божье водительство, он пошел по новой тропе, извилисто петлявшей то возле реки, то выше, по холму.

Небо стало светлеть: начиналось утро и Патрик стал искать укромное место, чтобы немного поспать. Он знал, что днем идти опасно. Оглянувшись, он увидел на склоне холма примерно в двадцати метрах от тропинки заросли папоротника-орляка. Там он приготовил себе место для сна, поблагодарил Бога за Его обетование об избавлении и безопасный путь, а потом крепко уснул.

Проснувшись, Патрик увидел, что уже вечереет. Он еще полчаса лежал неподвижно, внимательно прислушиваясь. Тишина нарушалась лишь плеском волн о заросшие мхом камни. Он начал молиться, т.к. знал, что шел по вере, поэтому не смел прервать связь с Богом даже на короткое время. Раздвинув листья папоротника, Патрик приподнялся и посмотрел на тропу, которая привела его сюда. Там никого не было. Он сел и с жадностью съел кусок сыра и немного соленой рыбы с хлебом. «Хотелось бы знать, что происходит в доме моего хозяина? — думал он. — Пастухи, конечно, уже сказали Милчу, что меня нет. Он, наверное, очень разозлился. Надеюсь, что Сед будет вне подозрений. — Закончив есть, он спрятал остатки еды в сумку и еще раз хорошо помолился: — Господи! Защити меня! Не дай Милчу найти меня и отведи от

Седа всякие подозрения»¹.

Помолившись, он снова осторожно выглянул, осматривая местность. — «Где я? — размышлял он. — Кто владеет этой землей? Без сомнения, Милчу уже послал за мной погоню. — Патрик невольно пригнулся. — Наверное, за ночь я перешел границы многих кланов. Теперь мое положение немного безопаснее, чем когда я находился на территории Милчу. — Он улыбнулся. — Я хорошо знаю, что кланы редко помогают друг другу. Вряд ли они будут объединяться, чтобы найти беглого раба Милчу».

Вдруг он услышал, что по тропинке кто-то идет. Он прильнул к земле и посмотрел сквозь заросли папоротника. Это была старушка с клюкой. Патрик с облегчением вздохнул и улыбнулся. Старушка остановилась прямо перед его укрытием: «Ох, как болит спина, — пробормотала она, потирая свою поясницу, — а мне еще столько идти. Ох-ох-ох!».

Вздыхая и охая, она пошла туда, откуда пришел Патрик, и вскоре исчезла за холмом. Теперь он едва слышал звук ее шагов, стук палки и иногда приглушенный кашель. Начал накрапывать дождь.

Когда ночь вновь накинула на землю свой темный плащ, Патрик осторожно вышел из укрытия, чтобы продолжать свой путь к свободе. Он шел в темноте быстро и бесшумно. И хотя вокруг, казалось, было тихо и пустынно, то тут, то там мелькали факелы и горели костры, свидетельствуя о том, что между холмами в редких хижинах жили люди. Вскоре тропинка пошла неподалеку от длинного дома, который,

¹ Может показаться непоследовательным тот факт, что Бог побудил Патрика убежать от своего хозяина вместо того, чтобы следовать совету, данному рабам в Писании. Однако Бог, видимо, рассматривал Патрика как похищенного человека, а не как раба.

как предположил Патрик, был домом вождя племени. До него донеслись звуки шумного веселья и приторный запах горевшего торфа.

В эту ночь он шел вдоль реки почти двенадцать часов, надеясь, что река, рано или поздно, выведет его к морю. На рассвете Патрик снова нашел укромное место и уснул. Проснувшись, он помолился, немного поел и, дождавшись ночи, двинулся дальше. Ночью он шел двенадцать часов и опять спал в кустах.

Прошло почти трое суток после его побега, и Патрик почувствовал себя намного смелее. «Вряд ли в этих краях знают о беглом рабе, — размышлял он. — Во-первых, в Ирландии нет сообщающихся систем дорог. А поскольку люди не умеют читать и писать, то Милчу не мог разослать письма в разные части страны. — Он осторожно выглянул из своего укрытия, внимательно осмотрелся, но никого не заметил. Почувствовав себя увереннее, он продолжал размышлять: — Кроме того, ни один человек, которого я могу здесь встретить, не догадается, что перед ним римлянин, потому что я одеваюсь и причесываюсь как коренной ирландец. Внешне я ничем от них не отличаюсь. Кроме того, я хорошо говорю по-гаэльски».

Помолившись, Патрик глубоко вдохнул и вышел из укрытия. Так приятно было, наконец, выпрямиться и свободно передвигаться в дневное время. Сориентировавшись на местности, он поспешно продолжал свой путь вдоль реки. Тропинка вела мимо березовой рощи, растущей на крутой скалистой горе, нависшей над живописным озером. Корни деревьев держались за камни так, как моряки держатся за корабельные канаты.

— Здравствуйте, как дела? — громко приветствовал Патрик женщину, которая несла корзину с зерном.

По мере передвижения Патрик видел, как кроваво-красное солнце медленно опускалось к горизонту. По извилистой тропе

он поднимался к роскошным лесным полянам, заросшим густой травой. Сотни многовековых дубов простирали свои могучие ветки над густым ковром из трилистника. Между ними иногда встречались рябины, остролист и тис. Ветки переплелись так тесно, что почти не пропускали лучей заходящего солнца. В других же местах деревья, отступив друг от друга, образовывали длинные арки аллей. Яркие лучи солнца беспрепятственно изливались на колышущие ветки и покрытые мхом стволы деревьев.

Около полуночи Патрик вышел к окраине леса и, решив отдохнуть, уснул на мягкой постели из мха. Проснувшись на следующее утро, он увидел расстилавшийся перед ним прекрасный желто-изумрудный луг, оглашаемый пением дроздов. Через тропинку проворно пробежал серый заяц. На деревьях и кустах пели свои песни зарянки, чеканы и жаворонки. Сердце Патрика переполнило радость, и он вслух восславил Господа за чудеса Его творения.

Юноша шел еще несколько дней, преодолев расстояние почти в триста километров. Пройдя напоенные влагой долины, он пришел, наконец, к крутому скалистому склону горы, заросшей лесом. Ее вершина заканчивалась крутым обрывом. Поднявшись на ее вершину, Патрик впервые за шесть лет увидел Ирландское море. Сердце его сжалось. Справа из воды высились черные отвесные утесы, в щелях и на уступах которых гнездились шумные колонии олушей, буревестников и топориков. Впереди склон полого спускался на каменистый берег.

А у берега стоял корабль! Не помня себя от радости, Патрик помчался вниз к берегу, неистово размахивая руками. Моряки удивленно смотрели на подбежавшего человека, который, судорожно хватая воздух ртом, радостно закричал:

— Это — я! Я тот самый человек, которого вы ждете!

Команда, молчала, смотря на него с недоразумением.

— Вы же должны были кого-то взять на борт? Так вот, это я, — еще раз объяснил им Патрик.

Капитан корабля, крепкий мускулистый мужчина с пронизывающим взглядом, с презрением посмотрел на Патрика и хрипло сказал:

— Я не знаю, кто ты и о чем ты говоришь, но в любом случае мы не пассажирское, а торговое судно. Мы поставляем товары в далекие страны.

— Ничего страшного, — спокойно ответил Патрик. — Разрешите мне поплыть с вами. Уверю вас, я отработаю свое место.

Лицо капитана покраснело от гнева, и он прорычал:

— Убирайся отсюда! Ты не поплывешь с нами, как бы тебе этого не хотелось!

Потрясенный Патрик некоторое время молча смотрел на него, а затем медленно повернулся и, едва сдерживая слезы, начал медленно подниматься по склону¹.

¹ «Confessio», § 17.

Глава 7

Ñíîâà ðàá

Патрик пробирался вверх и, заливаясь слезами, молился: «Молю Тебя, Отец, измени, пожалуйста, их сердца. Разве это не тот самый корабль?!».

Не успел он договорить, как один из моряков крикнул:

— Эй, парень, вернись. Мы поверим тебе, а ты заплатишь нам, как только сможешь.

С мокрыми от слез глазами Патрик подбежал к кораблю и поднялся на борт.

«Спасибо Тебе, Отец», — прошептал он. Вскоре он поднимал парус, сидел на веслах, делал все, что требовалось. Оглянувшись, он увидел, как Ирландия медленно исчезает в тумане. «Надеюсь, я вижу тебя в последний раз», — подумал Патрик. Когда корабль взял курс на восток, капитан вместе с командой, низко склонившись, начали молиться маленькой деревянной фигурке кельтского бога Тараниса. Моряки взяли его с собой, чтобы он защитил их от всяких бед на море. Они были неприятно удивлены, заметив, что Патрик не молится вместе с ними.

— Что с тобой? — спросил капитан. — Разве ты не боишься утонуть в море?

— Ну, вообще-то, боюсь, — ответил Патрик, — но я молюсь единому истинному Богу, сотворившему землю и море. Я говорю об Отце Того, Кого называют Иисус Христос.

Исполнившись Духа, Патрик начал смело свидетельствовать капитану и команде о любви Бога, пославшего Своего Сына на смерть за грехи всех людей. Моряки, слушая его, презрительно усмехались.

Поглаживая свои длинные усы, капитан прищурился и, задумавшись на мгновение, спросил:

— Скажи мне, пожалуйста, что должно было случиться, чтобы такой славный ирландский парень вдруг оказался христианином?

— Я не ирландец, — неосмотрительно ответил Патрик, — я — римлянин. Моя родина — Британия.

— Ясно, — сказал капитан, и глаза его засверкали. — А что же римский отпрыск делал в Ирландии?

Команда, молча ожидая ответа, смотрела на Патрика. Он про себя помолился, прося Бога о мудрости, и ответил:

— Шесть лет назад меня похитили ирландские разбойники. Они выкрали меня, когда я гулял по поместью моего отца, и продали в рабство. Все эти шесть лет я пас овец. Десять дней назад ко мне во сне проговорил Бог. Он велел мне встать и идти, т.к. мой корабль уже готов. — Топнув ногой по палубе, Патрик добавил: — Вот тот самый корабль, о котором шла речь.

После этих слов моряки громко захохотали.

— Так это и есть тот корабль, на который ты возлагал так много надежд? — насмешливо спросил капитан. — Вот только странно, что твой христианский Бог не посвятил нас в свои планы. К несчастью для тебя, мы плывем вовсе не в Британию. Более того, мы не намерены помогать беглым рабам. — Холодно глядя на Патрика, он добавил: — Действительно, ты уже не раб своего господина, но теперь ты будешь нашим рабом.

Такой неожиданный поворот событий нанес сильный удар по вере Патрика. Он начал молиться и тут же почувствовал,

как на его плечо словно бы легла рука Божья. Он не знал, как сложится его дальнейшая судьба, но твердо верил Божьему обещанию. Неужели Бог привел его на этот корабль, чтобы он до конца своих дней сидел на веслах?! В ту же ночь Бог снова проговорил к нему во сне:

— Не отчаивайся, — сказал Он. — Ты пробудешь с этими людьми всего лишь два месяца¹.

На следующее утро начался холодный, морозящий дождь. Трое суток океанские волны бросали корабль то вверх, то вниз, время от времени окутывая его густым серым туманом. На третий день показались берега Галлии. Корабль зашел в маленькую бухту и капитан приказал спустить парус. Парус затрепетал, а потом, заскользив вниз по мачте, в конце концов бесформенной грудой лег на палубу. Моряки сели на весла и направили корабль к берегу. Сступив на землю, они поблагодарили бога Тараниса за благополучное прибытие. А в нескольких метрах от них Патрик, воздевая руки к небу, благодарил истинного Бога.

Моряки начали быстро разгружать корабль, причем бо́льшая часть работы досталась Патрику. Сундуки с товаром переправили на берег и погрузили на ручные тележки. Патрику досталась самая тяжелая, но он, напрягая свои крепкие мускулы, безропотно повез ее.

Капитан делал вид, что все хорошо, но корабль явно сбился с курса, т.к. никакого города поблизости не было. Команде пришлось ночевать под открытым небом. Они заставили Патрика подготовить место для ночлега и приготовить ужин.

— Хорошо, что твой Бог послал нам бесплатного раба, — насмешливо сказал один из моряков, налегая на бараний окорок. — Он у тебя очень даже неплохой Бог.

Остальные моряки захохотали. Патрик чуть было не вспыхнул, но тут же вспомнил Божье обещание.

¹ «Confessio», § 21.

«Я не должен обращать внимания на их насмешки, — сказал он себе, — мне надо потерпеть два месяца. После шести лет рабства в Ирландии потерпеть каких-нибудь два месяца будет нетрудно».

На следующий день они прошли совсем немного, т.к. тележки с товаром были очень тяжелые. К тому же с безоблачного неба немилосердно жгло яркое солнце.

— Я вижу какое-то селение! — закричал один из моряков.

— К сожалению, оно слишком далеко, мы не успеем дойти до него засветло, — сказал капитан. — Пройдем еще немного, а потом остановимся и заночуем.

К полудню следующего дня уставшие путники подошли к небольшому селению. На его улицах не было ни души, и они постучали в дверь ближайшего дома, но им никто не открыл. Они стали стучать в двери других домов, но результат был тот же. Все начали кричать, но в ответ слышали лишь эхо, пронесшееся по пустым улицам заброшенного селения. Отчаявшись, моряки ворвались в один из домов, и обнаружили, что он совершенно пустой. Они начали метаться из комнаты в комнату, но ничего не нашли: ни еды, ни огня, ни каких-либо припасов. Все другие дома, в том числе и магазины, были пустые, а огороды заросли бурьяном. Ни людей, ни животных.

— Эй, куда все подевались? — заорал капитан. — Это что, злая шутка? Целое пустое селение! Этого не может быть!

Уставшие и голодные, они вынуждены были заночевать в этом селении. На следующий день они отправились искать другое селение. То здесь, то там на склонах гор виднелись маленькие домики, но все они были заброшены. Измученные моряки шестнадцать дней бродили по окрестностям, пытаясь найти хоть кого-нибудь, но так и не нашли. Они очень ослабели и поняли, что могут умереть от голода.

Вконец отчаявшись, капитан подошел к Патрику и сказал:

— Скажи мне, христианин, ты говорил, что твой Бог всемогущий. Я знаю, что мы жестоко обращались с тобой. Прости нас! — В первый раз капитан заговорил с Патриком по-человечески. — Если можно, помолись за нас своему Богу. Ты видишь, что мы умираем с голоду. Наверное, нам уже не суждено увидеть ни одной живой души.

— Если бы я не был христианином, то, возможно, не простил бы вас. Но наш Бог учит нас прощать всех, даже врагов. — Осмелев, Патрик продолжал: — Вам еще не поздно поверить в истинного Бога и обратиться к Нему всем сердцем. Для Него, действительно, нет ничего невозможного. Я не удивляюсь, если Он сегодня пошлет вам еды больше, чем вы сможете съесть. Ведь Ему принадлежит все.

Патрик стал на колени и помолился вместе с командой. Едва они закончили молиться, как один из моряков закричал:

— Смотрите! По дороге идет стадо свиней!

Моряки уставились на свиней, не веря своим глазам. А потом, несмотря на свою слабость, набросились на несчастных животных и многих убили. Два дня они отъедались и восстанавливали свои силы.

Команда не обратилась к Богу, но уже не насмехалась над Патриком и его Богом. Более того, один из моряков нашел дерево, в дупле которого жил пчелиный рой с большим запасом меда. Моряки принесли немного меда Патрику.

— Патрик, — неловко запинаясь, сказал один из моряков, — ведь тебя так зовут?

— Да.

— Ну, в общем, мы хотим извиниться перед тобой за то, что смеялись над твоим Богом и над тобой. И... э-э-э... мы хотим сказать, что никогда больше не будем этого делать. Мы тут...

э-э-э... нашли дерево, в дупле которого было полно меда. Ну и решили, что ты первый должен его попробовать.

С этими словами моряки подали Патрику миску с медом.

Патрик с жалостью посмотрел на них и улыбнулся.

— Вы не должны это делать. Ведь это не я послал вам свиней, а Бог. Благодарите Его, а не меня. Но все равно, большое спасибо.

Патрик зачерпнул деревянной ложкой мед, и уже было поднес ее ко рту.

— Мы принесли его в жертву солнцу, чтобы все было в порядке, — сказал один из моряков.

Патрик тут же положил ложку в миску.

— Извините, но я не могу есть этот мед.

— Но почему? — спросили изумленные моряки.

— Потому что вы принесли его в жертву солнцу. Зачем вы это сделали? Разве солнце послало вам свиней?

Наступило молчание, а потом один из моряков спросил:

— Но разве мы не должны почитать всех богов? Мы верим в твоего Бога, Патрик, но не хотим обижать солнце. Нас всегда учили, что мед надо посвящать солнцу, ведь он такой же желтый.

— Друзья мои, вы многого не знаете, — сказал Патрик, качая головой. — Понятно, что вам хотелось сделать все как можно лучше, но вы должны понять, что есть только один Бог. Вы не можете служить Богу и в то же время поклоняться солнцу или Таранису.

Озадаченные моряки снова замолчали.

— Наверное, нам надо побольше узнать о твоём Боге, — сказал, наконец, один из них.

Когда моряки ушли, Патрик приклонил колени и помолился. Он понял, что это сатана искушал его.

* * * * *

— Патрик, Патрик! С тобой все в порядке? Мы принесли тебе поесть, — пытался разбудить его моряк.

Патрик медленно сел.

— Да, все хорошо, спасибо. У меня просто была тяжелая ночь, вот и все. Ночью на меня напал сатана.

— Кто такой сатана?

— Сатана — это великий враг единого истинного Бога. Вчера он искушал меня через мед, который вы мне принесли. Он разозлился, что я не стал его есть.

— Видишь, мы же говорили, что тебе надо было поесть, — сказал один из моряков.

К ним подошли и остальные.

— Вы все-таки многого не понимаете. Если мы поклоняемся истинному Богу, сатана злится и нападает на нас. Но Бог намного сильнее. Сатана может сделать только то, что позволит ему Бог, — терпеливо объяснил Патрик.

— А что тебе сделал сатана? — спросил один из них.

— Он упал на меня как огромный камень. У меня вдруг все онемело, я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Я ужасно мучился. Я знал, что сатана сделал это за то, что я отказался есть мед, который вы принесли в жертву солнцу. Я воззвал изо всех сил к Иисусу Христу — Сыну единого истинного Бога. В ту же секунду Бог послал мне видение, в котором я увидел солнце на небе, которое начало падать на меня. Когда я снова воззвал к Богу, Он тут же избавил меня от нападков сатаны.

В тот день моряки наварили и засолили столько мяса, сколько могли унести. На следующий день они снова стали искать селения, в которых бы жили люди, и искали их девять дней, но все было безуспешно. На десятый день у них снова

стала заканчиваться еда и вечером они доели последние запасы.

— Наверное, твой Бог помог нам, чтобы мы снова стали голодать, — пожаловался капитан.

— Как быстро вы перестаете верить, — ответил Патрик. — Я твердо убежден, что Бог помог мне не для того, чтобы обречь на голодную смерть. И, желая избавить меня, Он, наверное, спасет и вас.

Патрик нашел уединенное место и несколько часов горячо молился Господу. На следующий день они вошли в заселенный город всего через несколько часов пути. Моряки тут же обменяли часть товаров на продукты.

— Мы блуждаем уже около месяца, — сказал капитан одному из продавцов, жадно налегая на еду, — но в какое бы селение не зашли, все они оказывались пустыми. Что случилось?

— Недавно здесь прошли вандалы. Они убивали и грабили всех на своем пути. Множество людей, спасаясь от смерти, покинули свои дома.

Восстановив силы, моряки обменяли оставшиеся кельтские изделия на продукты и товары, которые ценились в Ирландии, и отправились назад к своему кораблю. Патрик был с ними еще несколько недель. На шестидесятый день со времени их отплытия из Ирландии моряки, как и обещал Бог, отпустили Патрика.

Патрик неторопливо шел по земле Галлии, по пути подрабатывая себе на пропитание. Когда он, наконец, увидел церковь, то пал на колени и громко прославил Господа. В то воскресенье, участвуя в Вечере Господней, он не мог удержаться от слез.

— Последний раз я славил Бога в христианском собрании шесть лет тому назад. Как это чудесно! — радостно сказал Патрик одному из дьяконов после служения.

Ему было так приятно общаться с новыми братьями и сестрами, что даже не хотелось идти домой.

Через некоторое время Патрик добрался до морского побережья Галлии и сел на корабль, плывущий в Британию. Увидев родные скалистые берега, он так обрадовался, что готов был прыгнуть в воду и доплыть до берега быстрее корабля. Сойдя на берег, он вместе с пассажирами направился в Лондон, а оттуда, уже один, — на западное побережье Британии, где находилась его родная деревня Баннавем Табурнийский. При мысли, что он скоро увидит своих родителей, его сердце замирало от радости: «Как они будут удивлены, когда я постучу в дверь!».

До Баннавема Табурнийского была еще неделя пути, но Патрик не думал об этом: он летел домой, как на крыльях. Как хорошо было снова оказаться в Британии! По дороге Патрик пел и молился, чувствуя, что поющие вокруг птицы, радуются вместе с ним. Поля, усеянные лютиками, казались ему золотыми, а не зелеными. За Патриком увязалась бродячая собака, и он радовался ее присутствию.

Поднявшись, наконец, на последний холм и увидев долгожданный Баннавем Табурнийский, он разрыдался от радости. Последний километр до дома он, смеясь и плача, уже бежал. Пробежав по узким извилистым улочкам, он бросился к родительскому дому и заколотил в дверь. Однако, открывшая дверь служанка не узнала его.

— Скажи Кальпорнию и Концессе, что пришел их сын Патрик, — радостно закричал ей Патрик.

Удивленная служанка передала странное известие родителям Патрика.

— Это, должно быть, какая-то жестокая шутка, — не поверил Кальпорний, вместе с Концессой направляясь к дверям.

Открыв двери, они молча смотрели на юношу, т.к. сразу не

узнали своего сына. А потом, не веря своим глазам, сын и родители бросились друг другу в объятия. Они еще долго, стоя в дверях, целовались и обнимались, плача навзрыд.

— Мой сын, которого я уже не надеялась увидеть, снова дома! Мальчик, которого я считала мертвым, жив! — сквозь слезы радостно восклицала Концесса.

Наконец, Кальпорний повел сына в дом.

— Ложись на диван. Ты, наверное, устал после долгого пути, — сказал он.

Затем, хлопнув в ладоши, он быстрым жестом приказал слугам разуть Патрика. Когда возле него присел слуга, Патрик положил ему руку на плечо и мягко сказал:

— Не обижайся, пожалуйста, но я хотел бы сам снять свои сандалии.

Слуга замялся, не зная, как поступить. Он смотрел то на отца, то на сына. Патрик, видя неловкость присутствующих, поспешил разрядить обстановку. Весело улыбаясь, он сказал:

— Мне понадобилось почти шесть лет, чтобы научиться снимать сандалии, и, по-моему, я, наконец, умею это делать.

Все засмеялись, и вскоре атмосфера в комнате стала прежней.

Концесса приказала принести еду и питье. Слуги суетливо забегали из кухни в комнату, и вскоре перед Патриком был накрыт обед, о котором можно было только мечтать. Одна из молодых служанок неловко толкнула корзинку с хлебом и она упала со стола. Девушка не успела еще понять, что произошло, как Патрик поставил корзину на место. Слуги в изумлении стояли молча.

После того, как отец помолился, Патрик начал ужинать, рассказывая родителям о событиях, которые случились с ним за время его отсутствия. Он рассказал, как попал в плен, как стал

рабом и жил в Ирландии, как совершил побег, как два месяца плавал с ирландскими моряками и как, наконец, добрался домой. Родители, слушая его, тихо плакали. Поздно ночью, заканчивая свой рассказ, Патрик сказал:

— Я никогда не смогу в достаточной степени отблагодарить и прославить Бога за то, что Он сделал для меня. В то же время, только явное действие руки Божьей может побудить меня снова сделать хотя бы шаг по ирландской земле¹.

¹ «Confessio», § 18-22, 43.

Глава 8

Нііаа â Èðëàíäèр?

Несколько месяцев Патрик отдыхал. Он узнавал обо всем, что произошло за это время в Римской империи и вновь знакомился со своими друзьями. Сначала ему не хотелось возвращаться в поместье из-за горьких воспоминаний. Когда же он все-таки поехал туда с родителями, то, прогуливаясь по полям, с трудом сдерживал слезы.

— Ты сейчас, наверное, снова переживаешь ужас того дня, — понимающе сказал отец.

Они вместе преклонили колени и множество раз благодарили Бога за чудесное избавление.

Все эти месяцы Патрик постоянно читал Писание. В те времена Библия была не у всех христиан, но Кальпорний ее имел как дьякон. Его Библия в кожаном переплете с пожелтевшими страницами из папируса была написана на латинском языке.

— Я рад, что тебя так интересует Писание, Патрик. До похищения ты, помнится, не проявлял особого интереса к духовным вопросам.

— Ты прав, отец. За последние шесть лет Бог много потрудился в моей жизни. Когда я был в Ирландии, мне очень хотелось вот так сесть и почитать Писание.

— Эта Библия раньше принадлежала твоему дедушке Потиту. Ты знал об этом?

— Правда? Нет, не знал. Как жаль, что дедушки нет с нами.

— Да, очень жаль. Он бы очень обрадовался, если бы был сегодня рядом.

— Я не очень хорошо знаю латынь, — вздохнул Патрик, — некоторые слова мне совершенно непонятны.

— О, я понимаю. Из-за того, что тебя похитили, ты не смог учиться, — с сожалением сказал Кальпорний.

— Да, я тоже об этом сожалею. Но все же я рад, что могу хотя бы немного читать по-латыни. Знаешь, кроме друидов, никто из ирландцев не умеет читать и писать. И их короли в том числе.

— Я никогда об этом не думал, — ответил Кальпорний. — Конечно, они же варвары. Что от них можно ожидать?! Кстати, какая из книг Библии тебе больше всего нравится?

— Псалтырь. Может потому, что мне очень близки страдания Давида. Псалмы меня духовно укрепляют, особенно после того, как я испытал чудесную заботу любящего Отца Небесного.

Патрик каждый день с удовольствием ходил на утренние и вечерние молитвы в деревенскую церковь.

— До своего похищения ты не интересовался духовными вопросами, — заметил Петроний, один из пресвитеров. — А теперь, можно сказать, церковь стала для тебя вторым домом.

— Вы правы, — подтвердил Патрик. — Шесть лет назад я с нетерпением ждал конца служения. А теперь мне хочется побыть здесь подольше. Я с удовольствием слушаю, как читают Писания, люблю вместе со всеми молиться и петь псалмы.

Петроний улыбнулся:

— Я рад это слышать и всегда рад тебя видеть.

— Приходя в церковь, я всегда вспоминаю слова Давида: *«Приидите, воспоем Господу, воскликнем Богу — твердыне*

*спасения нашего! Предстанем лицу Его со славословием...»*¹, — признался Патрик. — Иногда мы не осознаем благословений совместного прославления Бога, пока не утратим эту возможность.

— Да, я думаю, что с тобой именно это и произошло. Патрик, я не единственный, кто заметил, как ты изменился. Вся деревня говорит об этом. Жители помнят тебя беззаботным, гордым юношей, который не имел ни малейшего желания прийти к Богу. — Петроний, улыбаясь, положил свою руку на его плечо. — Меня радуют перемены в тебе.

После того, как Патрик несколько месяцев отдохнул, его родители решили поговорить с ним о его будущем.

— Тебе уже поздно заниматься с репетитором, — начал Кальпорний, откинувшись на спинку дивана. — Я наводил справки по этому вопросу, и все учителя говорят, что учат юношей только до двадцати лет.

— Но тебе еще не поздно стать подмастерьем, чтобы научиться какому-то ремеслу, — добавила Концесса в то время, как служанка расчесывала ей волосы. — Как только ты чему-то научишься, можно будет подумать о женитьбе и семье. Будь уверен, что мы, твои родители, приложим все усилия, чтобы ты вернулся к прежней жизни.

Патрик улыбнулся:

— Сердечно вас благодарю за вашу заботу! Я тоже думал об этом, однако, если вы не против, мне еще нужно помолиться и подумать, а через два-три дня мы вернемся к сегодняшнему разговору. Что вы на это скажете?

Родители сказали, что не торопят его. Перед сном Патрик долго молился, пытаясь узнать волю Божью о своем будущем: «Отец! Я сейчас стою на распутье своей жизни. Подскажи мне,

¹ Пс. 94:1-2

пожалуйста, направление, по которому мне следует идти. Что Ты хочешь, чтобы я сделал?».

Ночью Бог ответил на его молитву. В отличие от предыдущих, этот сон поверг Патрика в трепет. Утром он неохотно рассказал о нем своим родителям.

— Я видел во сне Викторика, — сказал он.

— Старого отшельника? — спросил Кальпорний.

— Да, именно его. Так вот, в моем сне Викторик плыл на лодке из Ирландии с тяжелой кожаной сумкой, перекинутой через плечо.

— А что было в сумке? — спросила с интересом Концесса, подавшись вперед.

— Сейчас я и хочу об этом рассказать, — ответил Патрик. — Викторик подошел к нашему дому, постучал в дверь и попросил позвать меня, а ты, отец, пригласил его в дом. Когда я вошел в комнату, он положил сумку к моим ногам. Естественно, я открыл ее, чтобы посмотреть, что в ней. К моему удивлению, она была наполнена письмами.

— Письмами? — переспросила его Концесса. — От кого?

— Это были письма от ирландцев.

— Но ты, по-моему, говорил, что ирландцы не умеют ни читать, ни писать, — напомнил ему Кальпорний.

— Так оно и есть. Не умеют. Но ты ведь знаешь, как бывает во сне. Он не всегда совпадает с реальностью. Но я хочу закончить свой рассказ. Викторик подал мне одно из писем. Сначала мне не хотелось его открывать, но потом я сломал сургучную печать и начал читать вслух. Оно начиналось так: «Голос ирландского народа...». Странно, но по мере того, как я читал, мне показалось, что я слышу голоса людей, с которыми я был знаком в Ирландии. Постепенно они заглушили мой голос.

— И что же они говорили? — встревожено спросила Концесса.

— Все они в один голос твердили: «Умоляем тебя, юноша, приди и снова ходи среди нас»¹. Я был так поражен этим, что не смог читать дальше. Потом я вдруг проснулся, осмотрелся и понял, что это был всего лишь сон. И все же я знаю, что этот сон послал мне Бог.

— Как ты можешь это знать? — вскочив со стула, возмутился Кальпорний.

— Потому что Он и раньше говорил со мной во сне. Если бы не эти сны, я бы не стоял сейчас перед вами.

Затем Патрик посмотрел в глаза родителям и прямо сказал:

— Бог желает, чтобы я вернулся в Ирландию².

¹ «Confessio», § 23.

² Там же.

Глава 9

Çàêðîòàÿ ääåðü

— Вернуться в Ирландию?! Этому не бывать! — вознегодовал Кальпорний. — Разве ты мало настрадался в Ирландии?! Ты хочешь, чтобы мы поверили, что Бог избавил тебя от рабства, чтобы снова вернуть в него?! Что с тобой сделает хозяин, когда узнает, что ты вернулся?!

Мать Патрика не выдержала и так горько заплакала, что Патрик чуть не расплакался вместе с ней.

— Дорогой Господь, не допусти, чтобы это произошло! — начала она громко молиться. — Пожалуйста, не допусти, чтобы наш сын снова нас покинул!

— Вспомни, чему учит Писание, — строго напомнил Кальпорний сыну. — Оно учит почитать отца с матерью. И, если ты совершишь такую глупость, как возвращение в Ирландию, то это не будет почитание. На этот раз тебя наверняка убьют.

— С чего это вдруг Богу понадобилось, чтобы ты возвращался в Ирландию? — умоляюще спросила мать. — Он спас тебя от ирландцев. Подумай, Патрик, прислушайся к голосу разума!

— Мой разум говорит мне, чтобы я не шел, а мое *сердце* — что я должен это сделать, — твердо ответил Патрик.

Он некоторое время походил по комнате, а затем вышел на свежий воздух во внутренний дворик. Родители вышли вслед за ним.

— Неужели вы думаете, что я хочу этого? — спросил Патрик, повернувшись к родителям. — У меня нет ни малейшего желания даже ходить по ирландской земле. Более того, мне хотелось бы создать семью и жить здесь, в Баннавеме, до конца своих дней. Я уверен, что кроме трудностей, а может даже и смерти, меня ничего не ждет в Ирландии.

— Тогда скажи Богу «нет», — продолжал настаивать Кальпорний.

— Но я обязан Богу жизнью, я — Его раб и не могу Ему отказать. Что же касается причины, по которой Бог желает, чтобы я вернулся, то, я уверен, что она заключается в том, чтобы я понес Благую Весть об Иисусе Христе ирландскому народу.

Затем совершенно другим тоном Патрик сказал:

— Я знаю, что Писание призывает почитать отца и мать. Но Иисус также говорит, что тот, *«кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостойн Меня...»*¹. Мне не хочется покидать вас, но я должен повиноваться своему Господину.

Мать Патрика громко зарыдала. Заплакали даже слуги, слышавшие их разговор. Наконец, Кальпорний тихо сказал:

— Я прошу тебя только об одном, Патрик. Поговори сначала с пресвитерами нашей церкви. Послушай, что они тебе скажут. В конце концов, Бог говорит не только через сны, но и через Своих служителей.

Патрик с минуту помолчал, глядя в серо-голубые глаза отца. Потом сказал:

— Хорошо, я поговорю с пресвитерами и выслушаю их мнение.

В воскресенье, после утреннего служения, Патрик и Кальпорний вместе с пресвитерами уединились в маленькой комнате. Пресвитеры очень внимательно выслушали рассказ Патрика

¹ Мф. 10:37.

о его последнем сне и тех, которые были в Ирландии. Когда Патрик закончил, они спросили Кальпорния, что он думает обо всем этом. Услышав его мнение, Петроний сказал Патрику:

— Мы должны помолиться и все обсудить. Давайте встретимся во вторник утром. Как ты на это смотришь?

Все согласились, и Патрик с отцом молча пошли домой.

Если бы кто-то зашел в дом Кальпорния в этот или на следующий день, то он бы подумал, что здесь только что были похороны. Все вели себя необычайно тихо, в том числе и слуги. Никто более не обсуждал снов Патрика. Его родители в своих горячих молитвах просили Бога не посылать их сына в Ирландию. Не менее горячо молился и Патрик, чтобы Бог открыл Свою волю его родителям и служителям церкви. Все в волнении ждали назначенной встречи во вторник утром.

— Патрик, я знаю, что тебе не понравится то, что мы скажем, — начал Петроний.

Патрик замер.

— Нас радует твоя искренность и желание исполнить волю Божию, — продолжал он.

Петроний посмотрел на остальных пресвитеров и они согласно кивнули головами.

— Бог ни одному из нас не открыл, что именно в этом заключается Его воля в отношении тебя. Мы считаем, что если бы это была Его воля, то мы бы о ней узнали.

— Патрик, эта миссия слишком опасна, — заговорил другой пресвитер. — Можно с уверенностью предположить, что если твой бывший хозяин узнает о твоём возвращении, то в лучшем случае ты снова станешь его рабом. Может случиться так, что тебя будут пытаться до смерти или принесут в жертву одному из богов.

Патрик не успел ответить, как в разговор вступил Осий, один из пресвитеров:

— Нам бы не хотелось тебя огорчать, Патрик, но ты всегда был склонен к мечтательности. Мы помним, как в детстве ты мечтал стать императором и в своем воображении разыгрывал разные сцены. Нам кажется, что твои сны — это тоже плод твоего воображения.

— Вы хотите сказать, что сон в Ирландии, когда Бог сказал, что меня ждет корабль, плод моего воображения? — возмутился Патрик, невольно повысив голос. Лицо его покраснело от гнева.

— А сон, в котором Бог сказал, что я буду с ирландскими моряками только шестьдесят дней, тоже плод моего воображения?

— Нам, конечно, трудно судить об этом, но если Бог избавил тебя от ирландцев, то какой смысл отправлять тебя обратно на верное рабство или смерть? — ответил Осий. — Тем более, что сердца ирландцев сейчас тверды, как камень, и вряд ли они смогут принять Евангелие. Ведь они еще совершают человеческие жертвоприношения своим демоническим богам! Может быть, когда-нибудь Бог пошлет им кого-то проповедовать Евангелие. Но, Патрик, вряд ли тебе по плечу столь великий труд.

— Вот именно, — мягко добавил Петроний. — Патрик, ты не по своей вине не смог учиться, поэтому не знаешь канонов и доктрин Евангелия. Ты с трудом читаешь Библию на латыни. Чтобы нести Благоую Весть Ирландии, Богу нужен кто-то более образованный, чем ты. Когда же Бог найдет такого человека, ты сможешь поехать вместе с ним. Если сон был от Бога, то Он, скорее всего, хотел сказать именно это.

Патрик вышел из церкви со слезами на глазах. За ужином он почти ничего не ел и рано пошел спать. На следующий день он пошел к Викторику, жившему в лесной хижине. Отшельник родился в семье, принадлежащей к среднему классу, но жил как аскет, посвятив свою жизнь молитве. Многие христиане из

близлежащих окрестностей считали его пророком, но находились и такие, что принимали его за выжившего из ума старика.

Викторик радостно приветствовал Патрика:

— Ты — тот, о котором я столько слышал? Юноша, которого Бог вывел из Ирландии? — широкая улыбка Викторика обнажила несколько оставшихся зубов.

— Да, это я.

— Юноша, но почему у тебя такой унылый вид? Мне казалось, что ты будешь прыгать от радости. Что тебя гнетет?

— Даже не знаю, с чего начать, — тихо проговорил Патрик.

— Начни со своего похищения, — предложил Викторик, подавая Патрику чашку воды.

Патрик рассказал ему о похищении, о времени, проведенном в Ирландии, и чудесном избавлении.

— Я пришел рассказать вам сон, который видел на прошлой неделе. В нем вы пришли ко мне в дом с сумкой писем из Ирландии.

— Я? Я пришел в твой дом из Ирландии? Но, Патрик, я никогда не был в Ирландии! — воскликнул Викторик.

— Да, но разве в снах сохраняется реальность жизни?

Викторик минуту подумал.

— Ты прав, не сохраняется. Но я не могу представить себя в твоём сне, — улыбнулся он. — Мы ведь едва знакомы.

— Это еще больше убеждает меня, что сон был послан Богом. Вы — самый духовный человек в наших краях, поэтому Бог и послал вас ко мне.

— Ты хочешь сказать, что я — просто сумасшедший в наших краях, — возразил с улыбкой Викторик. — Однако продолжай. Что было написано в письмах?

Патрик подробно рассказал сон, а также то, как отнеслись к этому его родители и что сказали пресвитеры.

— Так пресвитеры считают, что ты недостаточно подготовлен на труд миссионера? — спросил Викторик, поглаживая свою длинную белую бороду. — Правда состоит в том, что сейчас в мире трудно найти кого-либо более подходящего для этого труда, чем ты, Патрик.

— Вы действительно так думаете? — удивленно спросил Патрик. — Почему вы так считаете? Вы ведь почти не знаете меня.

— А мне для этого и не надо знать тебя, — ответил Викторик, наливая Патрику еще воды. — Я выслушал твой рассказ, и знаю, как действует Бог. Неужели ты не понял, Патрик, что твоя учеба в особой Божьей школе только что закончилась? Шесть лет Бог усиленно готовил тебя именно для того, чтобы ты понес ирландцам Евангелие.

— Я об этом никогда не думал, — ответил сияющий Патрик, — но ни один из пресвитеров не считает меня подходящим для этого дела.

— Что ж, давай подумаем, что должен знать и уметь человек, несущий Благоую Весть в Ирландию, — предложил Викторик, — а потом посмотрим, что есть у тебя.

— Хорошо.

— Во-первых, прежде чем нести кому-то Евангелие, человек должен постоянно пребывать в молитве и общении с Богом. У тебя это есть?

— Да, — ответил Патрик, — здесь я молюсь целыми сутками, а когда был в Ирландии, то молился примерно по сто раз в день.

— Я помню, ты говорил об этом. Следующее, что должно быть присуще человеку, несущему Евангелие, — это любовь к народу, к которому он идет. Ты любишь ирландцев, Патрик? Или где-то в глубине души ты обижен на них за то, как они с тобой поступили?

Патрик несколько секунд думал, а затем, кивнув головой, уверенно сказал:

— Да, я действительно люблю ирландцев. Но сначала все было иначе. Когда меня похитили, я их ненавидел. Однако с годами, по благодати Божьей, я их полюбил. Они, действительно, как овцы без пастуха. Им нужна спасительная евангельская весть.

— Именно это я и надеялся от тебя услышать, — улыбаясь, сказал Викторик и встал. — Пойдем немного побродим по лесу. Мне нужно немного размяться. Продолжим разговор во время прогулки.

Когда они шли по лесной тропинке, Викторик, продолжая начатый разговор, сказал:

— И еще одно, — это непоколебимая вера в то, что Бог по Своей бесконечной благодати сохранит тебя в любых испытаниях. У тебя должна быть безусловная вера в то, что Он позаботится о твоих нуждах, независимо от обстоятельств. Есть ли у тебя такая вера, Патрик?

— Возможно, это прозвучит хвастливо, — сказал Патрик, подумав немного, — но я могу искренне ответить «да». Все эти шесть лет я рассчитывал только на Него. Да, я твердо верю, что если вернусь в Ирландию, то Он позаботится о моих нуждах.

— Я чувствую, что у тебя действительно есть такая вера, Патрик. Надо еще осознать, что человек, несущий Благую Весть в Ирландию должен быть готов отдать свою жизнь за ирландцев. Если ты отправишься в Ирландию по Божьему призыву, ты можешь не вернуться. Ты готов к этому?

Патрик некоторое время молчал, бесцельно поигрывая сорванным цветком, а потом ответил:

— Да, я готов. Я думал об этом всю неделю. Я готов умереть в Ирландии.

Викторик улыбнулся и крепко обнял Патрика.

— Да, теперь я вижу, что Господь избрал тебя понести Благую Весть в Ирландию. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Уже много лет я не встречал молодых людей с такой верой, как у тебя.

— Вы поговорите обо мне с пресвитерами? — радостно спросил Патрик.

Викторик отрицательно покачал своей лысой головой.

— Я бы с радостью, но большинство из них думает, что я, мягко говоря, просто чудаковатый старик. Но, как бы там ни было, мы должны обсудить еще кое-что. Мы оговорили наиболее важные духовные качества и, я уверен, что ты избран Богом. Но это еще не означает, что ты готов идти прямо сейчас. Есть еще кое-что, что не менее необходимо.

— Что вы имеете в виду?

— Чтобы понести ирландцам Евангелие, ты должен знать ирландский язык. Ты его знаешь?

— Да, я свободно говорю на их языке.

— Ну да, ты ведь прожил там шесть лет. Но готов ли ты к предстоящим трудностям морально и физически? Ты ведь из семьи патрициев. Сможешь ли ты выдержать голод, холод и многие другие трудности, которые будут подстерегать тебя на каждом шагу?

— Без всяких сомнений! — твердо ответил Патрик. — Думаю, что Бог именно поэтому продержал меня так долго рабом, чтобы я подготовился к таким испытаниям. В Ирландии я часто мерз и голодал. Я привык спать на земле или на куче грязной соломы, работать под открытым небом даже в дождливые зимние дни.

— Отлично! — воскликнул Викторик, восторженно хлопнув в ладоши. — А хорошо ли ты знаешь Писание?

Патрик перестал улыбаться:

— Должен признаться, что я не очень хорошо знаю Писание, — неохотно признался он. — Я читаю Библию всего лишь несколько месяцев. В Ирландии у меня ее не было.

— Ну что же ты приуныл? — ободряюще сказал ему Викторик, обнимая его за плечи. — Если Бог призывает тебя трудиться в Ирландии, то это вовсе не означает, что Он велит тебе отправляться туда уже завтра. Если Он уже потратил шесть лет на твою подготовку, то Ему не составит труда подождать еще год-другой, пока ты не изучишь Писание. Не старайся обогнать Бога. В конце концов, если ты хочешь научить ирландцев путям Божиим, то тебе надо отлично знать Писание. Тут не обойдешься несколькими месяцами чтения.

— Думаю, что вы правы, — тихо сказал Патрик, бросая цветок. — Что мне еще нужно?

— Ты должен отбыть в Ирландию от имени и с благословением церкви. Даже апостол Павел не отправлялся в путь по личной инициативе, его посылала антиохийская церковь.

Патрик побледнел. Почувствовав его разочарование, Викторик тут же добавил:

— Не унывай, ты еще очень молод. Когда ты будешь основательно знать учения Евангелия, Бог, несомненно, положит на сердце пресвитерам послать тебя в Ирландию. Помни, Он, и никто другой, определяет времена и сроки, поэтому важно дожждаться нужного времени. А я буду молиться за тебя каждый день.

Патрик поблагодарил Викторика за наставление. Они вернулись в хижину, с удовольствием съели немного хлеба и запили его водой. Патрик приободрился.

— Я изучу Писание от корки до корки, — уходя, крикнул он Викторику. — Вот увидите!

— Я не сомневаюсь. Приходи в гости в любое время,

дорогой друг! — прокричал в ответ Викторик и помахал ему рукой.

В ту ночь во сне Патрик снова слышал голоса зовущих его ирландцев и воззвал к Богу, но слова были не его. Было такое впечатление, что через его уста молится кто-то другой. Когда молитва закончилась, Патрик услышал голос свыше: «Через тебя говорит Тот, Кто отдал Свою жизнь за тебя»¹.

Патрик проснулся, преисполненный радости.

В течение последующих ночей Патрик слышал ту же молитву. Он решил рассказать об этом Викторику и узнать, что он думает об этом.

— Даже не знаю, как рассказать вам об этом, — сказал он Викторику. — В каком-то смысле это я молюсь, но слова, которые я произношу, не принадлежат мне. Как будто они исходят от высшей Силы внутри меня.

— Да, это Дух молится через тебя и ходатайствует за тебя. Об этом говорит Писание. Сейчас я тебе покажу это место.

Викторик взял лежавшую на тумбочке потертую Библию и открыл Послание апостола Павла к римлянам.

— Вот, — сказал он, подавая Патрику Библию. — Прочитай отрывок вот отсюда. — Костявым пальцем он указал на нужное место.

Патрик взял старую книгу и начал охотно читать:

— Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за свя-
тых по воле Божией².

¹ «Confessio», § 24.

² Рим. 8:26-27

Прочитав эти слова, Патрик возликовал: так это Дух молился за него! Он не знал, о чем молиться, а Дух знал.

— Патрик, пойди и снова поговори с пресвитерами, — предложил ему Викторик. — Возможно, молитвы Духа изменили их сердца. А я тем временем тоже помолюсь за тебя.

В воскресенье, когда Петроний в конце собрания сказал, что отпускает всех с миром, Патрик подошел к нему и снова заговорил об Ирландии. Он сказал, что в его снах Бог продолжает звать его в Ирландию. Затем он подробно описал, как Дух молился через него. Петроний тут же позвал остальных пресвитеров, продолжая внимательно слушать Патрика. Когда юноша закончил, Петроний сказал:

— Братья, мне неведом источник снов Патрика, но я целую неделю размышляла об этом. Возможно, Бог действительно призывает Патрика на служение в Ирландию. Мы не можем отрицать, что Он освободил его из рабства. Нам надо быть чрезвычайно осторожными, чтобы не получилось так, что мы противимся воле Божьей.

Остальные пресвитеры, соглашаясь с ним, кивнули.

— Да, я тоже думал об этом, — сказал один из них.

Петроний попросил Патрика подождать, пока они будут обсуждать его дело в соседней комнате. Через некоторое время, вернувшись с остальными братьями, Петроний сказал:

— Мы с братьями решили, что если Бог призывает тебя в Ирландию, то британская церковь отправит тебя туда совершать труд Божий.

Патрик просиял: «Дух изменил их сердца!».

— Однако, — продолжал Петроний, — ты еще не готов к выполнению такого ответственного труда. Ты еще не дьякон, и слабо знаешь Писание, евангельские доктрины и церковные каноны. Поэтому церковь сначала наставит тебя в Писании

и даст понимание этих вопросов. Мы отправим тебя тогда, когда ты будешь рукоположен если не в епископы, то хотя бы в пресвитеры.

Патрик был немного разочарован условиями служителей, но он помнил совет Викторика не обгонять Бога. Ему не хотелось действовать самостоятельно, без одобрения и благословения церкви.

После некоторого молчания Патрик ответил:

— Хорошо. Я осознаю мудрость вашего решения. Если можно, мне бы хотелось с этого момента начать готовиться к рукоположению.

Пресвитеры сказали, что он может начать обучение через неделю. Патрик поблагодарил их и с радостью в сердце поспешил уйти, чтобы сообщить Викторiku хорошую новость.

Родители, услышав известие, были, конечно, не в восторге. Более того, на следующий день они поговорили об этом с пресвитерами.

— Не волнуйтесь, — сказал им один из братьев. — На обучение Патрика уйдет много лет. К тому времени он, наверняка, передумает. Я думаю, что через пару лет он женится, у него появятся дети, и он навсегда забудет об Ирландии¹.

¹ «Confessio», § 24, 25, 46.

Àîëäî èè, Àîñîîäè?

Через несколько дней все жители селения знали о намерении Патрика вернуться в Ирландию. Когда он проходил мимо, мужчины укоризненно качали головой, а старушки, перешептываясь, показывали на него костлявыми пальцами. Все считали, что Патрик не в своем уме. И хотя юноша за годы своего отсутствия духовно преобразился, жители селения остались теми же. Многие из них по-прежнему были такими же номинальными христианами, как и раньше. Они никак не могли понять, что могло заставить человека взяться за такое опасное дело. «Парень совсем сошел с ума! — говорили они друг другу. — Он совершенно не думает, что своим решением разбивает сердца своих родителей».

Друзьям детства также не нравилось решение Патрика.

— Ты что действительно решил заняться обращением ирландцев в христианство? У тебя это быстрее получится со стадом коров! — смеялись они. Многозначительно крутя пальцем у виска, они с ухмылкой спрашивали: — Ты, наверное, свихнулся?! Да и не удивительно, любой бы сошел с ума, прожив среди этих варваров шесть лет.

И хотя оскорбления и насмешки переносить было непросто, Патрик старался не думать о них, а больше сосредоточиться на учебе. Углубляясь в изучение Писания, он сближался с Богом,

потому что теперь знал Господа не только из личного опыта, но и через Его откровение в Слове.

За это время он подружился со своим ровесником Марком. Среди сельской молодежи его духовный уровень был одним из самых высоких. Патрик был знаком с ним еще до того, как попал в Ирландию, но в то время он считал Марка слишком «набожным», поэтому ему было неинтересно с ним общаться. Теперь он совершенно иначе смотрел на Марка, и они вместе молились и читали Писание, исповедуя друг перед другом свои согрешения. Однажды Патрик сказал Марку:

— Марк, мы с тобой уже несколько месяцев исповедуемся друг перед другом в своих грехах, но я, тем не менее, не рассказывал тебе об одном моем весьма серьезном согрешении. Я совершил его, когда мне было пятнадцать лет. В то время я еще не знал Бога и едва ли в Него верил, — говорил он, исповедуя другу свой грех¹.

Потом они вместе плакали и молились.

Если бы Патрик знал, какими будут последствия этого разговора через много лет, то, наверное, никому ничего бы не рассказывал.

* * * * *

— Знаешь, Марк, я думал, что моя подготовка к рукоположению пройдет очень быстро, — сказал он однажды Марку, когда они сидели за столом. — Но теперь я вижу, что все наоборот. Прошел уже год с тех пор, как Бог стал призывать меня вернуться в Ирландию и я очень хочу уехать, но служители не отпускают меня, потому что мое обучение еще не закончено.

¹ Патрик конкретно не говорит о своем грехе, но что бы это ни было — кража, идолопоклонство или безнравственность, — все это было серьезным нарушением заповедей Божьих.

Марк перестал читать и понимающе улыбнулся Патрику:

— Не переживай, — сказал он своему другу, — вспомни, сколько тебе пришлось ждать, пока Бог не вызволил тебя из Ирландии. Дай Ему время.

— Да, я думаю, что, по сравнению с этим, все еще не так уж и плохо, — неохотно признал Патрик, — но, надеюсь, мне не надо будет снова ждать шесть лет. Вряд ли у меня хватит терпения на это!

— Я уверен, что Бог такого не допустит, — поддержал его Марк. — Кстати, как твои успехи в учебе?

— Я с большим удовольствием достаточно глубоко изучил Писания, а также преуспел в изучении латыни. Но, откровенно говоря, мне довольно трудно сосредоточиться на богословии. Пресвитеры не очень довольны моими результатами в этой области.

— Но ты уже, наверное, хорошо усвоил основные церковные доктрины? — спросил Марк.

— Да, я выучил наизусть «Никейский символ веры» и, как мне кажется, достаточно хорошо разобрался в изложенных в нем основах вероучения. Но, по-моему, это все, что я усвоил из области богословия, — признался Патрик.

Марк покачал головой.

— А как у тебя успехи в учебе? — спросил Патрик, быстро меняя тему разговора.

— Все хорошо. Нас, может быть, одновременно рукоположат на дьяконское служение.

— Судя по всему, тебя рукоположат раньше меня, — грустно сказал Патрик.

Прошел еще один год, пока Патрика и Марка, наконец, рукоположили на дьяконское служение. Но пресвитеры сказали

Патрику, что ему надо продолжать учиться и приобретать опыт, чтобы быть рукоположенным на пресвитерское служение или чтобы его послали в Ирландию. Из всех сил, стараясь не утратить веру, Патрик продолжал взывать к Господу: «Долго ли еще, Господи? Долго ли?».

Юноша понимал, что ему надо поддерживать на должном уровне свои знания гаэльского языка, поэтому время от времени выезжал с отцом в Лондон, куда ирландские купцы привозили продавать красивые кельтские изделия ручной работы, а также скот и зерно. Патрик с удовольствием свидетельствовал ирландским купцам и морякам на их родном языке. Благодаря этому, несколько человек обратились ко Христу, а его знания гаэльского постоянно обновлялись.

Однако большинство бриттов относились к миссии Патрика служить ирландскому народу довольно равнодушно. Их больше интересовали национальные проблемы.

— Я думаю, что скоро будет конец света, — сообщил своей семье мрачный Кальпорний, однажды вернувшись из Лондона. Тяжело усевшись на стул, он продолжал: — А если нет, то, по крайней мере, конец Римской Британии.

— А что случилось? — испуганно спросила Концесса.

— Как вам известно, последние римские legionеры оставили Британию уже много лет тому назад. В Лондоне я услышал, что через вал Адриана на севере перебираются пикты и скотты, которые всех грабят, насилуют и убивают. Ирландские разбойники на своих кораблях продолжают совершать набеги на западное побережье Британии, захватывая в рабство наших людей, а теперь еще саксонские корсары стали разорять восточное побережье. Нет больше ни одного безопасного места.

— Я ни разу не слышал о саксах, — нахмурившись, сказал Патрик. — Кто они такие?

— Я тоже не знаю, — признался Кальпорний, в отчаянной безысходности вскидывая руки. — Это одно из германских племен из Европы. Судя по тому, что я слышал, они еще более жестокие, чем скотты и пикты.

— О Боже, помоги нам! — воскликнула Концесса, хватаясь за сердце. — Что же будет?

— Не знаю, все в растерянности, — ответил Кальпорний, качая седой головой. — Об этом говорили на совещании в Лондоне, где присутствовали оставшиеся декурионы и городские советники со всей Британии. Там также говорили, что мы, бритты, став христианами много лет тому назад, сложили свое оружие. С тех пор нас защищали римские легионеры, поэтому мы стали совершенно пассивными.

— И что же решили на совещании? — спросил Патрик.

— Мы отправили срочную депешу императору Гонорию с просьбой о помощи. Я думаю, что через несколько недель он пришлет военные отряды.

Прошло несколько месяцев, но из Рима не было никаких известий. Однажды вечером Кальпорний пришел домой вконец расстроенный.

— Что случилось? — спросила Концесса, взяв мужа за руку.

— Только что стало известно, что Лондон получил ответ из Рима.

— И что же?

— Император пишет, что он очень сожалеет, но у него нет свободных войск, т.к. в Италию вторглись вестготы и сейчас стоят у стен Рима.

— Они осаждают Рим? — воскликнул Патрик, не веря своим ушам. — Неужели это действительно так?! Рим всегда казался таким непобедимым. Если он падет, то это действительно будет конец света.

— Я тоже так думаю, — печально сказал Кальпорний, жестом приказывая одному из слуг принести воды. — Гонорий сказал, что отныне бритты должны сами защищать себя, но и это еще не все. Он также сказал, что отныне все свои дела мы должны вести самостоятельно.

— Ты хочешь сказать, что мы уже не входим в состав Римской империи? — спросила Концесса.

— Именно это. Британия снова стала независимым государством, хотя и не по своей воле.

Новости, которые Кальпорний время от времени рассказывал дома, становились все хуже. Как-то вечером он, совершенно подавленный, собрал всех домочадцев.

— Я только что узнал, что Рим пал под натиском вестготов. Они полностью ограбили город.

Несколько слуг, услышав новость, заплакали.

— Так Рима больше нет? — удрученно спросил кто-то.

— Нет, слава Богу, он еще стоит, — тяжело вздохнул Кальпорний. — Вестготы называют себя христианами, но они, в отличие от нас, иначе понимают божественность Христа, поэтому «милостиво» не разрушили Рим, а только разграбили его и ушли.

— Слава Богу! — со вздохом облегчения сказала Концесса.

— Да, это единственное, что нас радует, — продолжал Кальпорний, — потому что больше нет ни одной хорошей новости. Из Лондона сообщили, что по всей территории Британии рушится административная система власти. Наша страна становится территорией разрозненных племен, какой она была до прихода римлян.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил один из слуг.

— Ну, если человек успешно побеждает захватчиков на своих землях, кем бы они ни были, то он становится королем,

управляющим небольшой территорией. Некоторые из этих новых «королей» самонадеянно присваивают себе римские титулы, такие как «дукс»¹, не имея никаких полномочий от римского правительства.

— В Ирландии все обстоит точно так же, — заметил Патрик. — Кстати, я уже давно не получал никаких известий от пресвитеров по поводу Ирландии. Завтра надо поговорить с ними об этом.

— Патрик, как ты можешь в такое время думать об Ирландии? — возмутилась Концесса, глядя на сына. — Наступает конец света и ты должен быть дома.

— Если действительно наступает конец света, — твердо ответил Патрик, — то ирландцы должны сначала услышать Евангелие.

На следующий день Патрик пошел к пресвитерам.

— Поверить не могу, что ты думаешь об Ирландии, когда наша нация вот-вот перестанет существовать! — воскликнул Петроний, вторя словам матери Патрика. — Мы боремся за то, чтобы сохранить хотя бы церковь. Когда рушится вся структура британского общества, единственное, что может объединить народ, — это христианство. Тем не менее, в это тяжелое время многие селяне снова обращаются к прежним кельтским или римским богам. Нет смысла строить планы о благовествовании в Ирландии, когда Евангелие сейчас крайне необходимо людям здесь, в Британии.

— Кроме того, — добавил другой пресвитер, — нам еще предстоит борьба с ересью в нашей же среде.

— С какой ересью? — с недоумением спросил Патрик.

— С ересью Пелагия. Ты разве не слышал о нем?

¹ Дукс (лат. — *dux*) — предводитель римских войск, размещенных в конкретной провинции.

— Нет, не слышал, — ответил Патрик.

— И я не удивляюсь этому, — вмешался еще один пресвитер, — потому что ты мало смыслишь в богословии!

Патрик посмотрел на того, кто это сказал. Это был Лонгин Публий Квинт — образованный римлянин. Квинт был старше Патрика всего на несколько лет и был рукоположен на пресвитера примерно год назад, однако вел себя так, как будто уже был епископом.

— Ну что ж, — снисходительно продолжал Квинт, — Пелагий — это британский пресвитер, который учит, или, по крайней мере, так говорят, что человек может спастись без Божьей благодати. Его учения породили большие разногласия в церкви. Из-за этого британская церковь оказалась в неловком положении перед всеми остальными римскими церквями.

— Извини, Патрик, — сказал Петроний, с сожалением качая головой, — но сейчас перед церковью стоят более важные проблемы, чем идеалистический план спасения ирландских язычников.

* * * * *

Так проходили годы, а Патрик все еще оставался в Британии, ожидая дальнейшего водительства Божьего. Он жил со своими родителями, помогая им во всем. Они по-прежнему продолжали надеяться, что сын навсегда забудет об Ирландии.

— Сегодня я разговаривал с Секстом, — сказал как-то Кальпорний Патрику. — Ты знаешь, его дочь Юлиана уже совершеннолетняя. Она могла бы стать тебе богобоязненной женой.

— Жена? Как я могу думать о жене? — удивился Патрик. — Мне и в голову не приходило отправляться вместе с женой в Ирландию. Это же очень опасно!

— Ты опять говоришь об Ирландии? — раздраженно

воскликнула Концесса, отбрасывая в сторону платье, которое шила. — Неужели ты никогда не выбросишь из головы эту Ирландию?

— Да, мама, я никогда не выброшу из головы Ирландию, — твердо сказал Патрик, — т.к. знаю, что туда меня призывает Господь.

* * * * *

— Марк, Марк, — крикнул однажды утром Патрик своему другу, — какой сегодня день?

Марк некоторое время думал, а потом ответил:

— Не могу вспомнить.

— Сегодня исполняется ровно шесть лет с тех пор, как Господь во сне призвал меня в Ирландию. Ты когда-то сказал, что мне, возможно, придется ждать шесть лет, прежде чем Бог вернет меня в Ирландию, точно так же, как через шесть лет вернул меня в Британию.

— Да, я помню, что говорил это, — ответил Марк, почесывая затылок.

— Как бы там ни было, сегодня утром пресвитеры хотят побеседовать со мной. Они не сказали, о чем будут говорить, но я уверен, что они готовы отправить меня в Ирландию. Я сейчас пойду к ним.

Патрик сел перед пресвитерами в радостном предвкушении.

— Патрик, — начал Петроний, — прошло почти шесть лет с тех пор, как ты начал готовиться к служению. У тебя, правда, не все получалось хорошо. — Патрика охватило волнение. — Тем не менее, ты, наверное, будешь рад услышать, что я и другие пресвитеры решили рекомендовать епископу рукоположить тебя на пресвитерское служение.

Лицо Патрика засияло:

— Спасибо, спасибо, — горячо благодарил он, обнимая каждого из пресвитеров. — Я полностью отдам себя служению, — сказал он решительно. — Это значит, что мне теперь можно ехать в Ирландию?

— Нет, — ответил Квинт, — мы считаем, что ты еще не готов к выполнению такого важного задания. Сначала нам хотелось бы, чтобы ты приобрел определенный опыт в служении пресвитером. — Патрик сник. — Однако это не означает, — добавил Петроний, — что ты не имеешь права проповедовать здесь, в Британии, и преподавать хлебопреломление.

Патрик слабо улыбнулся, едва сдерживая слезы.

Через неделю после своего рукоположения Патрик впервые проповедовал.

— Известна ли вам причина, по которой нас со всех сторон осаждают варвары? — спрашивал он общину. — Знаете ли вы, почему тысячи наших соотечественников находятся у ирландцев на положении рабов? Нас оставил Бог, потому что мы оставили Его. Мы совершенно не доверяем Ему, т.к. больше полагаемся на мечи и римских легионеров. Почему варварам никто не проповедует Евангелие? Если бы мы донесли до них любовь Христа, то они перестали бы нападать на нас со всей своей яростью и ненавистью. — Собрание зашумело. Некоторые из сидящих согласно закивали головами, а другие в недоумении округлили глаза. Патрик невозмутимо продолжал: — Многие из вас говорят, что обращать язычников ко Христу слишком опасно. Вы сомневаетесь, что Иисус Христос может изменить черные сердца ирландцев и пиктов. Более того, большинство из вас полностью игнорируют учение Христа. Вы смеетесь над Его служителями. Вас больше беспокоит ваше благосостояние и личная безопасность, чем ваши души. Разве нам нечему поучиться у древних израильтян? Когда их настигали

бедствия? Разве не тогда, когда они отворачивались от Бога и пренебрегали Его заповедями? Разве не тогда, когда они тайно или открыто поклонялись идолам?! — Патрик немного помолчал, чтобы до его слушателей дошел смысл сказанного. — Да, я знаю, что многие из вас по-прежнему поклоняются языческим богам наших предков. Вы называете себя христианами, но по ночам идете в дубовые рощи и поклоняетесь Бригитте и Лугу. Что общего у Христа с Лугом? Вы не можете одновременно принимать участие в трапезе Господней и бесовской!

Когда Вечеря Господня закончилась, многие люди ушли обиженными.

— Он всего лишь самоправедный смутьян, — проворчал, выходя, один из прихожан.

* * * * *

Шли годы, а Патрик по-прежнему жил в Британии. Приходили и уходили пресвитеры и епископы, и многие из них забыли о миссии Патрика. Умер Викторик, а потом и Петроний, понимавший Патрика больше, чем все остальные пресвитеры. Теперь от имени пресвитеров чаще всего говорил напыщенный Квинт. Патрик продолжал говорить пламенные проповеди, хотя его слушали всего лишь несколько прихожан. Он продолжал просить британских пресвитеров и епископов отправить его в Ирландию, но они неизменно отказывали ему.

«Долго ли, Господи?!», — каждый день взывал Патрик к Богу.

Бог ни разу не ответил на его вопрос, но и не давал ему разрешения уехать, не будучи уполномоченным церковью. И хотя Патрик был глубоко подавлен, он продолжал постоянно молиться.

— С каждым годом моя любовь к ирландцам усиливается, — признался он однажды Марку.

— Ты удивляешь меня, Патрик, — сказал Марк. — Я, наверное, уже давным-давно оставил бы всякую надежду. Ты случайно не второй Моисей? Помнишь, как ему пришлось ждать сорок лет, прежде чем Бог вернул его в Египет.

— Да нет, что ты! Я не смогу ждать сорок лет, потому что не такой сильный, как он.

— Да, это так, — согласился Марк¹.

¹ «Confessio» § 1, 11, 27, 46.

Íàðîä èç àäà

Год шел за годом, а Патрик продолжал молиться и просить других пресвитеров церкви направить его в Ирландию. Каждый раз он получал один и тот же ответ — жди. Время текло неумолимо. Родители Патрика поседели, а отец обзавелся резной дубовой тростью. Стали седеть волосы и у Патрика. Жители Баннавема Табурнийского с трудом верили, что этот странный человек все еще надеется уехать в Ирландию. Призвание Патрика интересовало их меньше всего. Им было достаточно своих переживаний по поводу разваливающейся Римской Британии.

— Раньше Британия была одной из наиболее процветающих и хорошо управляемых провинций Римской империи, — как-то за ужином начал говорить Кальпурний. — И во что она превратилась сейчас? В обнесенные стенами города-государства, мелкие «королевства» и обширные пустующие земли, на которых заправляют банды воров и грабителей. Селяне в поисках защиты бегут в города-крепости.

— Но разве они в этом виноваты? — прервал его Патрик.

— Нет, конечно же, нет. На их месте я бы тоже так поступил. Однако в результате у нас появилась проблема перенаселенных городов, в которых свирепствует чума.

— Это все, конечно же, ужасно, — спокойно сказал Патрик, — но, я думаю, что наибольшей проблемой нашего

народа является отсутствие веры. Большинство людей в нашем народе называют себя христианами, но лишь немногие из них доверяют Богу. Очевидно, что они не обращаются к Нему в это тяжелое время.

Кальпорний, помолчав, ответил, глядя на свою жену в поисках поддержки:

— Боюсь, что мы с твоей матерью смотрим на все это несколько иначе, Патрик. Мы уважаем тебя за твою веру, но мне кажется, что многие хотели бы видеть какой-то более практический выход, чем просто молитва. Кстати, на этой неделе в Лондоне встречаются главы разных городов-государств и мелких королевств для того, чтобы найти какой-то выход из этой ситуации. Я уже слишком стар, чтобы ездить на такие совещания, но на следующей неделе мне, надеюсь, сообщат, какое решение будет принято, если оно вообще будет принято.

На следующей неделе Кальпорний получил полный отчет о том, как прошел совет, и однажды вечером рассказал своим домашним о том, что ему сообщили:

— На совете какой-то Вортигерн привлек к себе особое внимание.

— Кто он такой?

— Сам впервые о нем слышу. Но я узнал, что он один из тех глав мелких королевств, которые одержали кое-какие победы над скоттами. Он выступил перед советом с пламенной речью, в которой напомнил членам совета, что наши враги с каждым годом становятся все сильнее, а мы, соответственно, — слабее. «Мы уже доказали, что можем воевать с варварами и побеждать их, — сказал он. — Но надолго ли?». Он объявил, что у него есть очень хороший план.

— Какой же? — взволнованно спросила Концесса, подавшись вперед.

— Вортигерн спросил членов совета: «Кто из наших врагов самый сильный и кого мы больше всего боимся?».

— Насколько я слышал, это — саксы, — сказал Патрик.

— Точно, — подтвердил Кальпорний. — Это также признали все собравшиеся. Саксы, наверное, явились из глубин ада. Ирландцы, скотты и пикты хотя бы берут в плен, а эти сразу убивают.

— Да, но какое отношение имеют саксы к плану Вортигерна? — с недоумением спросила Концесса.

— Есть такая древняя пословица: клин клином вышибают. Вортигерн заявил, что единственный способ навсегда избавиться от скоттов и пиктов, — это противопоставить им еще более жестокий и злобный народ, чем они.

— Не хочешь ли ты сказать, что Вортигерн собирается заключить договор с саксами? — спросил Патрик, не в силах в это поверить.

— Я допускаю, что его план не настолько абсурдный, — ответил Кальпорний. — Вортигерн предложил пригласить саксов поселиться на постоянное место жительства в северной части Британии. Это покинутая всеми сельская местность, потому что там хозяйничали пикты и скотты. Он говорит, что мы должны предложить саксам свободные земли для возделывания. Таким образом, им не придется добывать себе пропитание разбоями, т.к. теперь у них будет достаточно хорошей земли, работая на которой они смогут содержать свои семьи, но при условии, что будут защищать нас от врагов.

— Пригласить жестоких варваров поселиться на наших землях?! — встревоженно воскликнула Концесса. — Есть ли в этом смысл?

— Может, и нет, — ответил Кальпорний, пожимая плечами. — Но то, что предложил Вортигерн, на самом деле не

ново. На протяжении последнего столетия римские императоры разрешали разным германским племенам поселяться в Галлии и других частях империи. Племена быстро приобщались к культуре и создавали буферную зону, сдерживающую другие германские народы. Более того, на сегодняшний день бывшие варвары составляют значительную часть римских армий.

— А как отреагировал совет на план Вортигерна? — поинтересовался Патрик.

— Многие члены совета скептически восприняли его предложение, но в конечном итоге одобрили и вскоре отправили посланников, знавших саксонский язык, на полуостров Ютландия.

— А где это? — спросил один из слуг, убравших со стола.

— Это восточное побережье Северного моря, — объяснил Кальпорний. — Как только посланники прибудут на место, они начнут переговоры с двумя верховными вождями саксов Хенгестом и Хорсой по поводу плана Вортигерна. Так что все, что мы сейчас можем делать, — это надеяться и молиться.

— Да, я непременно помолюсь, — сказал Патрик, отправляясь спать.

Через несколько недель мужчины в местной цирюльне обсуждали прибытие саксов. Патрик молча слушал их разговоры.

— Я слышал, что приплыл целый флот длинных кораблей, на которых были тысячи саксов, — сказал один из посетителей.

— А какие они? — спросил другой. — Я слышал, что они явились прямо из ада, что вместо глаз у них горящие угли, а вместо волос — клубки извивающихся змей.

— Все это глупости, — вмешался цирюльник Тейло. — Саксы — стройные, красивые светлокожие люди. Они привезли с собой жен и детей, все свои пожитки и сельскохозяйственные инструменты.

— Я уверен, что они захватили с собой и мечи, боевые топоры и языческую религию, — добавил Патрик.

— Не слушайте его, — сказал Тейло, заканчивая стричь Патрика. — Он витает в облаках. Ему не нравится, что мы пригласили саксов, но в то же время он мечтает уехать к ирландцам.

Все мужчины расхохотались.

— А почему все решили, что скотты и пикты не выгонят саксов? — спросил один из них.

— Говорят, что посланники обсуждали нашу проблему с саксами, и их вожди сказали, что совершенно не боятся скоттов и пиктов, — ответил Тейло.

— И они готовы жить с нами в мире? — вмешался другой мужчина.

— Да, — ответил цирюльник, — наши посланники спросили, согласны ли они заняться земледелием и скотоводством вместо набегов. Саксы ответили, что они всегда этого хотели. И что единственной причиной их нападений и грабежей является то, что на их родине им не хватает земли для возделывания, поэтому они охотно оставят свое разбойничье ремесло и станут земледельцами.

— Таким образом, мы решили довериться союзу с людьми, которые не знают Бога, — вставил Патрик, стряхивая волосы с одежды. — Если мне не изменяет память, то это именно то, за что Бог наказал израильтян. Вместо того, чтобы положиться на Него, они надеялись на союз с иноплеменниками.

— Послушай, я уже привел в порядок твои волосы, — резко сказал Тейло, протирая кресло, — так что иди по своим делам.

Патрик вышел из цирюльни и побрел домой. Главной его заботой были не саксы и не Британия. Сердцем и душой он был в Ирландии. Он думал о сотнях ежедневно умирающих людей,

которые ни разу не слышали о Христе. Он продолжал молиться и просить служителей церкви направить его в Ирландию. Но в ответ слышал все те же слова: «Пока что нет, Патрик. Еще нет»¹.

¹ «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного, § 15.

İđäääòäëüñöâî

Прошло двадцать лет с тех пор, как Бог призвал Патрика вернуться в Ирландию, но церковь не торопилась его отправлять, несмотря на то, что он уже четырнадцать лет нес пресвитерское служение. Он по-прежнему продолжал бескомпромиссно проповедовать Божьи истины, невзирая на то, что большая часть собрания его не слушала.

Тем не менее, благодаря его проникновенным проповедям, образовалась небольшая группа молодых людей, разделявших его взгляды. Они были Божьими ревнителями и с трудом переносили духовно спящую церковь своего времени. Лидером этой группы был двадцатидвухлетний образованный дьякон Паулин Секунд Ломман, который был смиренным человеком, посвящающим много времени молитве. Для него и его друга Криспа, Патрик был духовным наставником еще с детских лет. Однажды Ломман сказал Патрику:

— Мы с Криспом решили поехать в Ирландию вместе с вами. Нива там, наверное, уже созрела. Здесь же она давно отцвела и умирает.

— Не надо спешить разочаровываться в британской церкви, — быстро ответил Патрик, проводя рукой по своим седеющим волосам. — Бог еще может возродить ее. Кроме

того, кто знает, когда я поеду в Ирландию. К тому времени у вас, наверное, уже будут свои семьи.

— Нет, мы, как и вы, решили не вступать в брак, — твердо ответил Ломман. — Мы хотим поехать с вами в Ирландию, неважно через сколько лет это произойдет. А за это время не могли бы вы научить нас гаэльскому языку, чтобы мы могли свидетельствовать там сразу по прибытии?

Патрик не воспринял всерьез их желание поехать с ним в Ирландию, но, тем не менее, согласился помочь в изучении языка.

Через некоторое время он обедал со своим другом Марком.

— Патрик, — начал Марк, — ты уже четырнадцать лет несешь служение пресвитера. Мне кажется, что ты подходишь на епископское служение.

Патрик, положив ложку, громко засмеялся.

— Марк, ты действительно мой самый лучший друг. Но мне стать епископом? Ты, наверное, шутишь?

— Нет, я говорю совершенно серьезно.

— О чем ты говоришь, — отмахнулся Патрик. — Я не достоин такой чести, т.к. слишком простой и необразованный. Я даже никого не могу убедить направить меня в Ирландию. Меня никогда не рукоположат на епископское служение.

— Ну, как знать. Пути Господни неисповедимы, — ответил Марк, беря яблоко.

— Если говорить откровенно, то мне и в голову не приходило стать епископом, — признался Патрик. — Я просто хочу нести ирландцам Благую Весть. Я призван быть благовестником, а не епископом.

— Да, но если бы ты был епископом, тебе было бы легче основывать новые церкви в Ирландии. Ты прекрасно знаешь, что все рукоположения совершает епископ.

— Я понял, о чем ты говоришь, — задумчиво сказал Патрик. — Что ж, это в руках Божьих и я не собираюсь за это переживать.

На следующее утро Патрик заметил, как одна семья грузит на повозку свои пожитки. Подойдя к ним, он увидел, что это Гай, один из тех, кто еще посещал церковь.

— Гай, ты что уезжаешь? — спросил Патрик, не веря своим глазам. — Ведь ты и твои родители всю жизнь прожили в Баннавеме.

— В Британии сейчас стало слишком опасно, — ответил Гай, качая головой. — Я не единственный, кто уезжает, сотни семей бегут из Британии.

— И куда же вы едете? — спросил Патрик, помогая Гаю завязать одну из веревок, удерживающую вещи.

— Люди едут в разные места, но многие из нас едут в Арморику¹.

— Арморику? Я слышал о ней, но ничего не знаю о той местности.

— Это скалистый полуостров на юго-западном побережье Галлии. Говорят, что сейчас это самое безопасное место в мире, т.к. его с трех сторон окружает вода. — Гай очертил в воздухе изображение Арморики. — К тому же его неровный усыпанный камнями берег достаточно опасен, чтобы отпугнуть нападающих с моря. Густые дубовые и буковые леса на востоке защищают его от варваров со стороны материка.

— Да, похоже, что там достаточно безопасно, — сказал Патрик. — Но кто там позаботится о ваших духовных нуждах? Там есть церкви?

— Я не знаю, — ответил Гай, пожав плечами. — Если там нет церквей, то через некоторое время появятся.

¹ Современная Бретань — провинция на юго-западном побережье Франции.

— Давай я поговорю с епископом, — предложил Патрик, — может быть, он разрешит мне сопровождать твою и другие семьи, чтобы помочь организовать там церковь. Мне хочется ненадолго уехать отсюда. Кроме того, у меня в Галлии есть несколько дорогих мне верующих друзей, с которыми я не виделся уже много лет. Может быть, я смог бы приехать из Арморики в Галлию и увидеться с ними.

На следующий день Патрик поговорил с богобоязненным епископом Бранноком.

— Патрик, я ничего не имею против того, чтобы ты поехал в Арморику с переселенцами, — ответил Браннок. — Им действительно будет необходимо твое духовное наставничество. Я просто не уверен, что это подходящее для тебя время, чтобы выезжать из страны.

— Почему? — удивленно спросил Патрик. — У меня здесь нет никаких сдерживающих обязанностей.

— Ну, э-э-э, я не хотел тебе ничего говорить, но, может быть, тебе лучше знать об этом, — запинаясь, ответил епископ. — Я попросил пресвитеров выбрать брата, которого можно было бы рукоположить на епископское служение. Я просто слишком стар, чтобы путешествовать так, как прежде. А в это тяжелое время наш народ как никогда нуждается в духовной поддержке.

— Хорошо, но какое это имеет отношение ко мне?

— Твое имя стоит в списке возможных кандидатов.

— Я? Епископ? — переспросил Патрик, не веря своим ушам.

— Ты обладаешь необходимыми духовными качествами, Патрик. Есть, конечно, другие пресвитеры, более образованные, чем ты. Они лучше знают богословие, но во всей Британии, наверное, не найдется пресвитера с такой верой, как у тебя. Также нет ни одного, кто молился бы так, как ты. Я с особой

радостью рукоположу тебя на епископа, если пресвитеры остановятся на твоей кандидатуре.

— Думаю, что все в руках Божьих, — ответил Патрик. — А какая разница, буду я в Арморике или нет?

— Твое имя не единственное в списке. Я уверен, что пресвитеры захотят встретиться с каждым кандидатом и побеседовать с ними. Если тебя не будет, они могут просто пропустить твое имя.

— Я понял, что вы хотите сказать, — сказал Патрик, поглаживая свою седую бороду. — Позвольте мне немного подумать и помолиться об этом.

В тот же вечер Патрик обсуждал этот вопрос с Марком:

— Марк, ты не согласишься, но епископ Браннок сказал мне, что пресвитеры рассматривают меня как одного из кандидатов на место нового епископа. Ты оказался прав. Я бы в это никогда не поверил.

— Я вижу, что ты совсем не рад этому, — заметил Марк. — Почему у тебя такое серьезное лицо?

— Ну что ты, я рад. Но я хотел сопровождать переселенцев в Арморику и служить у них пастырем до тех пор, пока не будет рукоположен постоянный пресвитер. Но для этого мне придется отсутствовать несколько месяцев. Епископ сказал мне, что сейчас лучше не выезжать из страны.

— Я понял, что ты имеешь в виду, — сказал Марк, почесав затылок. — Но мне кажется, что не имеет большого значения, будешь ли ты в Арморике или где-то еще. Что может быть лучшим свидетельством пресвитерам, чем труд на ниве Божьей?! Если ты чувствуешь, что Бог желает, чтобы ты был пастырем для переселенцев, то тогда тебе именно этим и надо заняться. Кроме того, я могу здесь выступить от твоего имени. Мы же с тобой почти как родные братья. Я уверен, что смогу ответить на

все их вопросы. Более того, я, наверное, от твоего имени смогу высказаться лучше, чем ты. Ты ведь себя недооцениваешь.

— Ты — замечательный друг, Марк! — воскликнул Патрик, обнимая друга за плечо.

Они помолились, и Патрик пошел домой готовиться в дорогу.

Через три дня Патрик сел на корабль, на котором бриттские беженцы отплывали в Арморику. Прогуливаясь по палубе, он наслаждался прохладным морским воздухом, радуясь, что вырвался из угнетающего уныния, заполонившего Британию. Корабль плыл по проливу Ла-Манш пока, наконец, не показался скалистый берег Арморики. Опытный капитан умело направил корабль в маленькую бухту.

Сойдя с корабля, Патрик вместе с другими переселенцами направился к недавно основанному поселению. Ему понравилась эта слегка холмистая земля, обдуваемая солеными морскими ветрами. Здесь можно было спокойно жить, занимаясь рыболовством и скотоводством. Возможно, со временем сердца этих людей снова обратятся к Богу.

— Это действительно прекрасное место, Гай, — сказал, осматриваясь, Патрик. — Если бы Бог не призвал меня в Ирландию, то я бы тоже, возможно, переехал сюда.

— Ты все еще думаешь об Ирландии? — удивленно спросил Гай. — Я думал, что ты давным-давно забыл об этом.

— Если бы это было мое личное желание, а не Божий призыв, то, наверное, так бы и было.

Патрик прожил с переселенцами несколько месяцев, пока на его место не прислали пресвитера из Британии. После этого Патрик отправился на несколько недель в Галлию. Он с великой радостью общался там с верующими, с которыми когда-то познакомился по дороге из Ирландии.

— Не могу передать словами ту радость, которую я испытал, общаясь с вами, — сказал он, наконец, своим друзьям, — а теперь мне пора отправляться домой.

На следующий день он отплыл в Британию.

Вернувшись домой, Патрик увидел, что его отец чем-то опечален.

— Присядь, Патрик, — сказал Кальпорний, — я хочу сообщить тебе не очень приятные новости.

— Что-то случилось с мамой? — заволновался Патрик, всматриваясь в лицо отца.

— Нет, с твоей матерью все в порядке. Новость касается тебя. Пока ты был в Галлии, твое имя прозвучало в числе кандидатов на епископское служение.

— Да, я знал, что это должно было произойти, — ответил Патрик со вздохом облегчения. — Мне об этом сказал епископ Браннок. Но здесь был Марк, чтобы говорить вместо меня.

Кальпорний с минуту помолчал, не решаясь продолжать. Патрик, видя это, заверил его:

— Отец, если ты хочешь сказать, что моя кандидатура не прошла, то эта новость не разобьет мое сердце. Я ведь никогда не надеялся стать епископом.

— Да, они отклонили твою кандидатуру, — сдержанно ответил Кальпорний, тщательно подбирая слова. — Но это еще не все. Марк действительно выступал от твоего имени перед советом пресвитеров, как ты и говорил, но он ... э-э-э ... ну, он выступал *против* тебя. Не за тебя.

Патрика поразили слова отца.

— Нет, отец, здесь, должно быть, какая-то ошибка! — задыхаясь от волнения, наконец, сказал он. — Марк — мой самый лучший друг, он никогда бы не выступил против меня.

— Увы, Патрик. Более того, он рассказал такое, о чем не знал даже я. Он сказал, что ты признался ему, что когда тебе

было пятнадцать лет, ты...

Патрик покраснел от смущения.

— Он рассказал об *этом* пресвитерам? Но ведь это было почти тридцать лет назад! Я в то время почти не верил в Бога. Какое отношение это имеет к моему рукоположению сейчас?

— Видимо, пресвитеры и епископы засомневались в твоей непорочности, что является одним из требований к будущему епископу. Поэтому они выбрали Юлия.

— Юлия? — повторил Патрик, вставая. Он несколько минут ходил туда-сюда, пока не успокоился. — Думаю, что Юлий будет хорошим епископом. Я ничего не имею против него.

Он медленно опустился на оттоманку.

Видя, что Патрик успокоился, Кальпорний продолжал:

— Это еще не все, сынок. Эта история разлетелась по всей деревне и теперь об этом знают все.

Патрик упал ничком и зарыдал, закрыв лицо руками:

— Я не могу *поверить*, что он так поступил! Я не могу в это поверить! Почему он меня предал?!

Кальпорний ласково погладил сына по спине. Некоторое время оба молчали, а потом отец мягко сказал:

— Сынок, это самое страшное предательство, о котором я слышал. Ты очень откровенный и прямой человек, Патрик, и за эти годы у тебя появилось много врагов. Но я никогда не думал, что именно Марк тебя предаст. — Патрик поднялся и сжал руку отца. Кальпорний продолжал: — Ты знаешь, что нам с матерью никогда не хотелось, чтобы ты ехал в Ирландию, но мы очень сожалеем, что так случилось. Твое имя очернили несправедливо. Но хуже всего для тебя, не для нас, что теперь они никогда не направят тебя в Ирландию¹.

¹ «Confessio» § 26, 27, 32.

Àùà îäëí ñîí

Весь остаток того дня Патрик молился в своей комнате. Впервые за все эти годы он почувствовал, что теряет веру в Бога. Однако той ночью Бог снова проговорил к Патрику во сне. Ему снилось, что несколько пресвитеров и епископов держат письменный документ с обвинениями на Патрика. Внезапно Бог сказал с небес Патрику: «Мы с недовольством созерцали лицо Марка»¹.

Когда на следующее утро Патрик проснулся, в его сердце затеплился лучик надежды.

— Отец! Мама! — закричал он, сбегая вниз со второго этажа. — Я хочу рассказать вам свой сон.

— Еще один сон, Патрик? — спросил Кальпорний, поспешно заканчивая одеваться.

Концесса быстро подошла к мужу, т.к. ей очень хотелось услышать новый сон Патрика.

С сияющим лицом Патрик рассказал свой сон.

— Что меня восхищает, так это то, что Бог не сказал: «Ты с недовольством созерцал лицо Марка». Нет, Он сказал «Мы», т.е. Бог имел в виду и Себя, как если бы Он все это время стоял рядом со мной.

¹ «Confessio» § 29.

— Да, — задумчиво проговорила Концесса, — я поняла, что ты хочешь сказать.

— Я все время думаю о стихе, в котором говорится: «... касающийся вас касается зеницы ока Его»¹, — сказал Патрик и, воздевая с благодарностью руки, продолжал: — Ну и что же, если мой лучший друг предал меня? Ну и что же, если пресвитеры и епископы церкви настроены против меня? На моей стороне Бог и это единственное, что действительно имеет значение!

— Какой неожиданный поворот событий, — радостно улыбаясь, ответил Кальпорний. — А что, по-твоему, Бог собирается делать *теперь*?

— Понятия не имею, — ответил Патрик, пожав плечами. — Все, что я знаю, — это если Бог за меня, то кто против меня?!

Завтракали все вместе, не спеша.

— Знаете, — рассуждал во время еды Патрик, — Иисус помог мне почувствовать то, что Он пережил, когда Его предал один из апостолов. По Своей милости Он позволил мне лично ощутить маленькую долю страданий, которые Ему пришлось пережить сотни лет назад. Собственно говоря, я не так уж сильно и пострадал. Меня, в отличие от Христа, распяли всего лишь словами. — Патрик замолчал, продолжая завтракать и размышлять о своем сне.

А люди этим утром радовались другой новости.

— Ты слышал новость? — с радостным нетерпением спросил его прохожий на улице.

— Какую новость? — удивленно переспросил Патрик.

— Да о саксах! У них было сражение с пиктами и те убежали от них в горы далеко на север. У нас в Британии, наконец-то, снова воцарятся мир и безопасность!

¹ Зах. 2:8.

Патрик поблагодарил его за новость и вечером рассказал ее своим родителям.

— Да, я слышал об этом сегодня от декурионов, — ответил Кальпорний. — Будем надеяться, что этот мир будет стабильным и мы, наконец, сможем заняться возрождением экономики. Не хочу вас пугать, но то, что я слышал о ее состоянии, ужасно. Вся римская экономическая и административная системы постепенно приходят в упадок.

— А что случилось? — встревожено спросил Патрик.

— Ну, во-первых, деньги чеканились последний раз много лет назад, в результате теперь ощущается их дефицит. Многие люди вынуждены теперь обмениваться товарами или услугами.

— Мне это хорошо знакомо, — улыбнулся Патрик, — т.к. я прожил несколько лет в Ирландии.

— Точно. Наверное, и Британия скоро станет такой же, как Ирландия. Когда-то у нас была страна с процветающей экономикой, а теперь она пришла в упадок. Уже никто больше не платит пошлины. Когда-то у нас были прекрасные дороги, соединявшие все большие города Британии, но их уже несколько десятилетий никто не ремонтировал и по ним опасно ездить ночью. Патрик, я... Патрик, ты что, не слушаешь?

— Извини, отец, — поспешно сказал Патрик, отрешившись от своих грез. — Я знаю, что это должно волновать меня, но мысленно я сейчас вместе с заблудшими душами в Ирландии. Прошло более двадцати лет с тех пор, как Бог призвал меня «снова ходить» среди ирландцев. У меня уже поседела борода, а я все еще живу в Британии.

— А почему бы тебе не подумать о *здесь* заблудших душах? — ласково спросила Концесса, беря Патрика за руку.

— Да, конечно, меня это также беспокоит, но здесь немногие прислушиваются к моим проповедям. Теперь же, когда Марк

навсегда запятнал мою репутацию, мои проповеди вообще *никто* не станет слушать, разве что Ломман и его единомышленники. Все остальные уверены, что я просто самоправедный лицемер.

Патрик находил утешение в обществе Ломмана, Криспа и других духовных молодых людей. Ломман и Крисп остались верны данному слову. Они не обзавелись семьями и по-прежнему были готовы ехать с Патриком в Ирландию. Благодаря Патрику, Ломман и Крисп уже бегло говорили на гаэльском языке. Они часто сопровождали Патрика, когда он свидетельствовал ирландским купцам и морякам.

— Вы смогли уже от души простить Марка? — спросил его однажды Ломман, когда они прогуливались по лугу.

— Еще нет, — медленно ответил Патрик, — но я должен это сделать. Я не могу просить Христа простить мои грехи, если сам не прощаю своих обидчиков. Это действительно трудно. Я до сих пор не понимаю, зачем он это сделал.

— Мне кажется, это — зависть, — сказал Ломман.

— Зависть? Как может *кто-то*, не говоря о Марке, мне завидовать?! Что у меня есть такого, чего нет у него?

— Вы — пресвитер, а он — нет.

— Но Марк никогда и вида не подавал, что это его беспокоит. — Патрик сел на большой камень и вытряхнул из сандалий камешек. — Более того, именно он первым заговорил, чтобы я стал епископом...

— Да это так, но он, видимо, был неискренним, — прервал его Ломман.

— Наверное, так, — согласился Патрик. — Молись, пожалуйста, за меня, Ломман. Мне нужно его простить, а я пока не могу это сделать. Я даже не знаю, где он сейчас. Марк уехал из деревни незадолго до моего возвращения из Арморики.

— Он, наверное, просто не мог бы смотреть вам в глаза после того, что сделал, — заметил Ломман, чувствуя невероятную преданность Патрику. — Я слышал, что он сейчас живет у своего дяди дальше по побережью.

* * * * *

Прошли еще долгие четыре года, показавшиеся Патрику вечностью. Со слезами на глазах он просил Бога позволить ему поехать в Ирландию без разрешения церкви. Но Бог ему не разрешал. Патрик просил об этом пресвитеров, но они просто не обращали на него внимания.

Главным его противником среди пресвитеров оставался Квинт, по-прежнему смотревший на него свысока из-за того, что Патрик был недостаточно образован и плохо знал богословские тонкости. Однако через некоторое время произошли события, которые заставили даже Квинта пересмотреть свою точку зрения.

— Отец! Мама! — ворвался в дом Патрик, не закрывая дверь. — Угадайте, что случилось! — воскликнул он, тяжело дыша. — Я только что узнал, что епископ из Рима направил в Ирландию какого-то Палладия.

— Значит, Рим намеревается обратить ирландцев в христианство, — садясь, сделала вывод Концесса. — Но ты-то почему так радуешься? Разве это не означает, что для тебя дверь теперь закрыта навсегда?

— Нет, я так не думаю, — ответил Патрик. — Насколько я понимаю, задача Палладия заключается не в том, чтобы приводить язычников-ирландцев ко Христу, а служить многим христианам, живущим в Ирландии.

— А я и не знал, что в Ирландии есть христиане, — удивился Кальпорний.

— Конечно, есть, — сказал Патрик. — Вспомни о тех христианах из Британии, которых ирландцы взяли в плен. Также обратились ко Христу некоторые ирландцы. Как тебе известно, после моего свидетельства в Лондоне покаяться несколько ирландских купцов. Другие обратились, благодаря свидетельству своих рабов или общению с другими верующими во время торговых сделок.

— Понятно, — ответил Кальпорний, откидываясь на спинку кресла.

— Главное, — продолжал Патрик, — если Рим считает, что Ирландия достойна его внимания, то как может игнорировать ее британская церковь?!

Патрик был прав. Просьба Патрика отправить его в Ирландию неожиданно перестала казаться глупой. Более того, через несколько месяцев пожилой епископ Браннок собрал местных служителей на совет.

— Братья, мне кажется, что мы совершили большую ошибку. Более того, я не сомневаюсь, что мы согрешили против Бога.

— О чем вы говорите? — вежливо спросил Квинт.

— Около двадцати пяти лет тому назад Бог призывал человека из нашей среды поехать в Ирландию, чтобы понести туда Благую Весть о Христе. Тем не менее, сегодня ирландцы умирают, не услышав о Господе. Почему? Потому что у нас нет веры! Мы так и не отправили туда избранного Богом человека. А теперь Рим послал в Ирландию епископа. Я расцениваю это как Божий укор церкви Британии. Мы не исполнили свой долг. Возможно, Он теперь решил обойтись без нас.

— Но ведь еще не поздно послать туда Патрика. Почему бы нам не сделать это сейчас? — вмешался один из пресвитеров.

Чувствуя неловкость, остальные пресвитеры поспешно согласились.

— Вы готовы рукоположить его на епископское служение? — спросил Браннок.

— Но мы не думали о том, что его надо рукоположить на епископа, — пояснил Квинт. — Я считаю, что мы должны послать его туда пресвитером.

— Ясно, — ответил Браннок, — т.е. когда ему удастся основать церковь, то надо будет направлять ирландцев к римскому епископу, чтобы он рукоположил их на служение? Это вы хотите сказать? Мы будем основывать церкви в Ирландии только для того, чтобы они находились под руководством Рима?

— А как же великий грех Патрика? — спросил один из пресвитеров.

— Тот, который он совершил будучи пятнадцатилетним подростком? Еще до своего покаяния? — худощавое лицо Браннока пылало от возмущения. — Патрику уже сорок восемь лет. Ему теперь нет прощения вовек? Хотите, расскажу, что делал я до того, как познал Господа?

— Но Патрик такой неотесанный, — запротестовал Квинт. — Его латынь совершенно варварская. Прошло уже столько лет, а он по-прежнему не разбирается в тонкостях богословия.

— Зато он знает Писание, может быть, даже лучше вас. И, что более важно, он имеет глубокие личные отношения с Богом! Именно это имеет значение. — Браннок был так взволнован, что начал повышать голос. — Никто не просит, чтобы вы рукоположили его в епископы для служения здесь, в Британии, мы говорим о рукоположении его в епископы для Ирландии!

Наконец, собравшиеся неохотно согласились рукоположить Патрика на епископское служение в Ирландии. Когда известие об их решении дошло до Патрика, он был вне себя от радости. Запрокинув голову, он начал громко славословить

Бога! Сообщив новость родителям, он немедленно оповестил об этом Ломмана, Криспа и остальных молодых братьев из их группы.

— Я помню, что вы хотели поехать со мной, — серьезно сказал он Ломману и Криспу, — но вы должны знать, что в любой момент можете отказаться от своих слов. Все, что я обещаю вам в Ирландии, — это голод, холод, страдания и, возможно, смерть. Вы можете никогда больше не увидеть своих родных и любимых. Я не сомневаюсь, что умру в Ирландии, но не раньше, чем многие души придут ко Христу. Бог не посылал бы меня, если бы не знал, что ирландцы готовы к принятию Евангелия. Я по-прежнему был бы рад вашей помощи, но вы должны удостовериться, что действительно этого хотите.

— Мы приняли это решение много лет назад, — ответил, не колеблясь, Ломман, — и осознали цену этого решения. Мы предпочитаем умереть, служа Богу в Ирландии, чем жить здесь, видя, как не желая принимать Благую Весть, постепенно гибнет наш народ. — Крисп кивнул головой в знак согласия.

Спустя несколько дней двое других молодых людей из их группы также заявили о своем желании присоединиться к Патрику.

Родители Патрика оказали щедрую поддержку ему и сопровождавшим его братьям, снабдив их продовольственным запасом, одеждой, а также товарами для обмена. Браннок позаботился о том, чтобы британская церковь обеспечила их некоторыми другими необходимыми вещами. Наконец настал день рукоположения Патрика на епископское служение. Оно происходило не в его родном селении Баннавеме Табурнийском, а в близлежащем городе Коринии. Присутствовали три епископа, десятки пресвитеров и дьяконов, а также некоторые другие люди. Патрик проплакал большую часть богослужения — это

были слезы радости и сожаления, что он не достоин этого. Он осознавал, что полностью так и не простил Марка.

«Прости его, Отче, я прощаю его за то, что он сделал», — молился про себя Патрик, чувствуя, как с его плеч сваливается тяжелый груз.

Наконец, три епископа возложили на Патрика руки и один из них помолился за него. Во время молитвы Патрик почувствовал помазание Святого Духа. Затем дьяконы принесли Патрику хлеб и вино, и он преподал Вечерю Господню всему собранию.

В завершение рукоположения все присутствовавшие, согласно обычаю, выстроились в очередь к Патрику, чтобы получить его благословение. Он тепло приветствовал каждого человека и, возлагая руки, благословлял. Подняв голову, он вдруг заметил Марка, который сидел в последних рядах. Патрик улыбнулся, с нетерпением ожидая возможности благословить Марка и поприветствовать его лобзанием мира. Однако вместо того, чтобы подойти и поприветствовать Патрика, Марк тихо вышел и медленно пошел прочь. Патрик про себя молился, чтобы он вернулся, но этого не произошло.

Через несколько недель на узком песчаном берегу, окруженном скалами, где стоял готовый к отплытию корабль Патрика, собралась небольшая группа людей. Патрик сказал краткую речь и нежно поцеловал своих пожилых родителей. После этого корабль отплыл в Ирландию.

Неподалеку на скале виднелась одинокая фигура, наблюдавшая за отплытием Патрика. Человек провожал глазами маленький корабль, пока он не скрылся из виду, затем не выдержал и разрыдался¹.

¹ «Confessio» § 26, 29.

Íàëîíäö-òî Èðëáíäëü!

— Какое необычное чувство, — сказал Патрик Ломману, когда их корабль плавно заскользил по покрытому рябью Ирландскому морю. — Я очень хорошо помню, как плыл в Ирландию на лодке в первый раз.

— Наверное, неприятные воспоминания, — ответил Ломман, поправляя паруса. — Я даже представить не могу, каким жутким, наверное, был тот день. Сколько, вы говорите, вам тогда было лет?

— Шестнадцать.

— Как вы думаете, ваш хозяин еще жив? — спросил Крисп.

— Сомневаюсь. Ему было, по меньшей мере, пятьдесят, когда я сбежал из Ирландии, а это было двадцать пять лет тому назад.

— Если его сыновья узнают, что вы в Ирландии, они схватят вас? — спросил Ломман.

— Возможно. Я думал об этом. Я знаю только то, что моя жизнь в руках Божьих, и твердо верю, что Господь не допустит, чтобы меня убили или взяли в рабство, пока Он через меня не достигнет Своей цели.

На следующий день Патрик и его спутники высадились на пустынный берег северо-восточного побережья Ирландии. Поблагодарив Бога за безопасный путь, они разбили лагерь. В

тот вечер они ели простой ужин, пели псалмы, долго молились и, наконец, улеглись спать. На следующее утро, проснувшись еще до восхода солнца, они больше часа молились и просили Божьего водительства, когда им отправиться нести Евангелие ирландцам. Легко позавтракав, они отправились в путь по овечьей тропе. Вскоре им встретился пожилой селянин с большой вязанкой хвороста за спиной.

Патрик подошел к нему и спросил на гаэльском языке:

— Здравствуйте! Мы приехали из Британии, чтобы передать народу Ирландии важное послание, содержащее добрую весть. Скажите, пожалуйста, как зовут короля этой туаты?

— Короля зовут Лири, — ответил старик дрожащим голосом.

— А где он живет? — спросил Патрик.

Указывая костлявым пальцем на дорогу, селянин сказал:

— Если вы будете идти этой дорогой, то она приведет вас к его дому.

Патрик поблагодарил селянина, и все пошли по извилистой дороге в направлении, которое он им указал. Пройдя около километра, Ломман вдруг воскликнул:

— Патрик, посмотрите на вершину вон того холма! Вооруженные воины! — он показал на трех неподвижно стоявших воинов с копьями в руках, которые смотрели прямо на них. — Нам что-то угрожает?

— Конечно, угрожает! — ответил Патрик. — Мы в серьезной опасности. Но сейчас чрезвычайно важно, чтобы ни один из нас не показал ни малейшего признака страха. Поднимите повыше головы и продолжайте быстро идти вперед. Ломман, начинай молиться и не останавливайся, что бы ни случилось. А мы все будем петь псалом.

Чистым, громким голосом Патрик начал петь: «Избавь

меня от врагов моих, Боже мой!..». Остальные (кроме Ломмана) вскоре подхватили знакомый текст 58-го Псалма. Укрепляясь Господом, армия духовных воинов с пением и молитвой продолжала идти дальше. Обойдя холм, они увидели крепких воинов, которые с угрожающим видом преградили им путь.

— Кто вы и что вам надо? — рывкнул один из них.

— Мы — послы великого короля, — ответил, не колеблясь, Патрик. — Мы прибыли из-за моря с миром и посланием доброй вести для вашего короля Лири.

Воины некоторое время были в замешательстве от смелости Патрика и его слов. Наконец один из них прорычал:

— Убирайтесь! Иначе наш король отрежет вам головы и повесит их над своей дверью.

— Идите и скажите Лири, что мы не боимся его, — твердо ответил Патрик, глядя воину прямо в глаза.

Воины потоптались в нерешительности, не зная, что делать с этими странными путниками. Наконец они решили посоветоваться:

— Это может быть ловушка, — сказал один из них приглушенным голосом.

— Да, но если они те, за кого себя выдают, то Лири отрежет нам головы, если мы их прогоним, — сказал второй.

— Давайте обобщем их, нет ли у них оружия, — сказал третий воин. — Если они не вооружены, то мы поведем их к Лири. Если же вооружены, то мы их прогоним.

Двое других согласились с его словами.

Воины быстро обыскали Патрика и сопровождавших его людей, а также их вещи. Конечно, они не нашли никакого оружия, кроме маленьких ножей среди запасов пищи.

— Следуйте за мной, — наконец проворчал Патрику один из воинов, махнув рукой.

Путники пошли за ним, а двое других воинов замыкали шествие.

Когда они, наконец, подошли к длинному дому короля, один из воинов сказал, чтобы путники подождали снаружи, пока он поговорит с Лири. Патрик со своими друзьями остались ждать, в волнении вознося к Богу ревностные молитвы.

— Как вы думаете, Лири примет нас? — встревоженно спросил Ломман. — Не убьет ли, чтобы украсить свои ворота нашими головами?

— Я не верю, что Бог дал нам возможность приехать в Ирландию только для того, чтобы нас убили в первый же день, — невозмутимо ответил Патрик. — Услышит ли нас именно этот король, решать Богу.

Через некоторое время воин вернулся и сказал, что король примет их вечером на пиру. Затем он провел путников в хижину, чтобы они отдохнули до вечера.

Вечером слуга проводил Патрика и всех остальных в дом Лири. Войдя в большой зал, Патрик внимательно осмотрелся. В центре стоял длинный дубовый стол из грубо отесанных досок, возвышаясь над полом примерно на тридцать сантиметров. И хотя на столе не было скатерти, он, казалось, был полностью подготовлен к ужину. Скамеек, стульев или других посадочных мест не было, для этого, видимо, служили шкуры, расстеленные вокруг стола.

В зале не было потолка, были лишь балки и солома на крыше. В конце зала стоял огромный камин. В нем не было трубы, поэтому дым выходил через незаметные прорехи в крыше. Подняв голову, Патрик увидел черные, закопченные балки. Земляной пол был утрамбован вперемешку с известняком и в некоторых местах покрыт шкурами.

Несколько слуг, снывая туда-сюда, заканчивали приготовление

к большому пиру. Вскоре в зале появились слуги с деревянными блюдами, на которых лежали горы еды. Да, это был действительно большой пир! На одном конце стола на деревянных блюдах была навалена гора мяса недавно убитого кабана, на других — оленина, баранина и крольчатина. Здесь также стояли тарелки с рыбой, миски со сливочным маслом, огромные круги ячменного хлеба и горшки с медом.

Патрик, как почетный гость, сидел со скрещенными ногами на полу лицом к двери. Слева от него сидел король Лири — высокий, крепкий мужчина с красным лицом и с большими длинными усами, которые мешали ему есть. На плечи с его лысеющей головы ниспадали седые пряди неопрятных волос. На нем были штаны в красную и синюю клетку, ярко-красная короткая туника с ремнем из бычьей кожи, искусно украшенным витиеватым золотым орнаментом. Длинная накидка изумрудного цвета была впереди сколота золотой брошью. Его сильные руки украшали золотые, плетенные браслеты. Так же были одеты многие другие мужчины.

Единственным столовым прибором изредка служил кинжал, на который накалывали кусок мяса. Все остальное ели руками. Хозяин и почетный гость пили из серебряных кубков. Остальные гости пили из бронзовых чаш или рогов, которые передавались от гостя к гостю.

Женщины сидели за таким же столом и ели так же, как мужчины. Большинство из них были одеты в длинные платья ярких цветов, некоторые из которых были шелковыми. Подолы и горловины многих платьев украшала золотая вышивка. Их волосы были искусно заплетены в косы или уложены в роскошные прически, а шеи и руки украшали золотые или серебряные ожерелья и звенящие браслеты.

Гости оживленно разговаривали и смеялись. По мере

продолжения пира за столами вспыхивали жаркие споры. Один из молодых воинов, казалось, насмеялся над другим. Вдруг оба вскочили и кинулись друг на друга с обнаженными кинжалами. Один из них убил бы другого, если бы не вмешался король, приказав им сесть.

Затем Лири встал и объявил гостям:

— Сегодня среди нас присутствует очень важный человек. Он прибыл к нам из-за моря и привез послание доброй вести от великого короля.

Поворачиваясь к Патрику, король предложил:

— Встань и расскажи нам о цели твоего приезда.

Потом он сел и приказал слуге наполнить кубок.

Патрик встал и обвел глазами гостей, молясь про себя, чтобы Бог вложил в его уста нужные слова.

— Ваш король сказал правильно, — громко начал он. — Я действительно прибыл из-за моря, из Британии. Но король, которого я представляю, намного выше любого короля или британского правителя. Он намного могущественнее, чем даже римский император. — Патрик сделал короткую паузу, давая возможность присутствующим осмыслить его слова. Все притихли и с интересом слушали его. — Меня сюда послал Король, Который управляет не только всей землей, но и всей вселенной. Это — Иисус Христос, Сын Божий. Когда-то Он жил на земле, как вы и я. Он пришел на землю, чтобы принести всем нам Добрую Весть: римлянам, бриттам, ирландцам... — Патрик снова сделал паузу.

— Что же это за добрая весть? — громко спросил Лири.

— Добрая весть состоит в том, что боги, которым вы поклоняетесь и которых боитесь, — вовсе не боги. Это — просто демоны. Я имею в виду Тевтата, Луга, Белленуса и сотни других богов, которым вы поклоняетесь и которым поклонялись мои

предки. Скажите, как относится к вам Белленус? Он для вас как любящий отец? Или кто-то, кого вы боитесь?

— Он не любящий отец, — пробормотал Федиальмид, один из сыновей короля. — Белленус — это господин, хозяин. Мы не смеем сказать и слова против него, иначе он нас накажет. Мы должны постоянно ублажать его, иначе он пошлет на нас проклятия.

— А что если бы я сказал вам, что Иисус, о Котором я говорю, может дать вам власть над Белленусом? Чтобы вместо того, чтобы вы боялись его, он стал бояться вас?! Что, если бы я вам сказал, что подданные Иисуса Христа обладают властью над всеми вашими богами? И не только над вашими богами, но и над всеми древними богами римлян и других народов земли? Что если бы я вам сказал, что подданным Иисуса больше не надо приносить жертвы для умиловливания богов, а боги не смогут наказать их?!

— Это, действительно, было бы доброй вестью, — согласился Лири.

— Но это еще не все, — продолжал Патрик. — Что, если бы я вам сказал, что над всеми этими, так называемыми богами, есть Всемогущий Бог. У Него нет имени. Мы, подданные Иисуса, называем Его Отцом. Мы говорим так, потому что это именно то, Кем Он является. Он любит нас даже сильнее, чем наши земные отцы. Более того, Он любит нас так сильно, что послал за НАС Своего единственного Сына на смерть. Ваши боги требуют, чтобы вы приносили им в жертву людей, а Всемогущий Бог отдал в жертву за нас Своего Сына, Которого Он сильно любил. Его Сын, Иисус Христос, умер не только за тех, кто поклоняется Ему, но за все человечество, в том числе и за ирландцев. Истина состоит в том, что нет другого Бога — не было и не будет, — кроме Бога, о Котором я говорю. Это — Отец вместе со Своим

Сыном Иисусом Христом, Отец никем не рожденный и безначальный. Его Сын Иисус всегда существовал с Ним и сотворил все видимое и невидимое. И все же Он стал человеком, чтобы спасти нас и победить смерть. Отец воскресил Своего Сына из мертвых и дал Ему Королевство, которое сокрушит и покончит со всеми земными королевствами. Те, кто служит Ему, в свое время станут королями и станут править вместе с Ним на небесах. Он однажды вернется и, возможно, это будет очень скоро. Но и сейчас Он дает нам силу через Духа Святого.

— А как же солнце? — спросил один из слуг короля. — Солнце ведь тоже бог.

— Нет, — горячо ответил Патрик. — Солнце — не бог. Оно каждый день всходит для нас по повелению Отца. Солнце никогда не будет править, и его великолепие не вечно. Те, кто ему поклоняются, тоже не будут править. Вместо этого они потеряют вечную жизнь. Те же, кто верит и поклоняется истинному Солнцу — Христу, унаследуют вечную жизнь. Он хранит, защищает и заботится о тех, кто добровольно служит Ему. Его Отец принимает их всех, как Своих сыновей и дочерей.

— То, о чем ты рассказываешь, настолько чудесно, что в это едва ли возможно поверить, — сказала Федельма, одна из дочерей короля. — Но как мы узнаем, что все это правда?

— Я — живое доказательство этому, — ответил Патрик. — Вы можете подумать, где это я так хорошо научился говорить на вашем языке. Дело в том, что когда мне было шестнадцать лет, меня захватили в плен ирландские воины и продали в рабство здесь, в Ирландии, человеку по имени Милчу. Я был у него рабом шесть лет, работая возле леса Воклут. Но потом вмешался мой Бог и велел мне убежать, потому что Он приготовил для меня корабль. Я сделал так, как велел мне мой Бог, и с тех пор я — свободный человек.

Некоторые из гостей ахнули, когда слышали, что

Патрик — беглый раб. Многие из слушателей Патрика начали шептаться, а двое воинов Лири встали, чтобы схватить Патрика. Однако Лири восстановил тишину одним взмахом руки. Его воины тут же сели.

— Ты либо самый смелый человек, которого я когда-либо встречал, — заметил король, — либо большой глупец. Я пока еще не решил, кто именно. Я не знаю, жив ли этот Милчу или нет, но как только он или его сыновья узнают, что ты вернулся в Ирландию, они убьют тебя. Я уверен в этом.

— Я не боюсь ни Милчу, ни его сыновей. Я приехал в Ирландию и готов умереть, но Король, Которому я служу, не позволит Милчу или кому-либо другому навредить мне до тех пор, пока труд, ради которого Он меня послал, не будет выполнен. В этом я уверен! — После многозначительной паузы Патрик добавил: — Позвольте мне объяснить мою уверенность. Когда я был еще юным и невежественным мой Бог явил милость ко мне. Он следил за мной еще до того, как я познал Его. До того, как я научился отличать добро от зла, Он защищал меня и утешал, как отец утешает своего сына.

Патрик подробно рассказал о своих снах в то время, когда он был у Милчу, как Бог чудесно вел его во время побега прямо к бухте, где ждал корабль. Он рассказал о своем повторном рабстве у команды корабля, о том, как он избавился от моряков, как Бог послал им, умиравшим от голода, пищу, которую не смогли дать им их боги.

— Когда я, наконец, добрался домой, в Британию, я думал, что больше никогда не вернусь на ирландскую землю. Но мой Король, Иисус Христос, велел мне вернуться сюда и принести вам добрую весть о Его Королевстве. Так что вы видите, что именно мой Бог послал меня в Ирландию в первый раз. Он послал меня сюда, чтобы я изучил ваш язык и ваши обычаи,

чтобы позже я смог вернуться к вам как Его посол. Именно поэтому я говорю о Нем, ведь Он излил на меня так много милостей и благ.

У Патрика запершило в горле и он попросил воды. Он медленно пил воду, а собравшиеся шепотом переговаривались о тех невероятных вещах, которые они слышали. «Бог открывает их сердца, — сказал себе Патрик. — Благодарю, Отец!». Он допил воду и рассказал присутствующим о том, как сотни лет тому назад Иисус предсказал, что ирландцы услышат эту добрую весть.

— Как я уже рассказывал, Он обещал вернуться на землю. Но Он также сказал, что сначала добрая весть о Его Королевстве будет проповедана во всех населенных местах земли. Его слова «Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли»¹ предназначены каждому, кто последует за Ним. Именно это сейчас и происходит. Ирландия находится на краю земли. Иисус знал, что один из Его слуг принесет эту весть вам, чтобы и вы, как я, стали усыновленными детьми Его Отца.

— Мне бы хотелось стать усыновленным сыном Отца, о Котором ты говоришь, — сказал один из гостей. — Как мне это сделать?

— Это просто, но вместе с тем очень трудно, потому что предназначено только для смелых людей. Иисус не принимает в Свои подданные трусов. Но сейчас уже поздно и я, с разрешения вашего короля, расскажу вам об этом завтра².

¹ «Confessio» § 38, в которой цитируется Ис. 49:6.

² «Confessio» § 2-4, 38-41, 61; «Epistolo» §5.

Глава 15

Èðëàíäöû ñëûøàò
Àâàíãëëà

Вернувшись в свою комнату, Патрик до поздней ночи молился, со слезами на глазах ходатайствуя за людей, которым он свидетельствовал. Рассвет застал Патрика и его спутников на коленях в искренней молитве. Помолившись, они почитали Писание и спели несколько псалмов.

После легкого завтрака, король Лири, его семья и гости расположились в тени больших раскидистых дубов. Патрик встал и, обращаясь к собравшимся, сказал:

— Вчера вечером я говорил вам, что стать усыновленными детьми Отца легко и одновременно трудно. Это легко, потому что ярмо Иисуса легко и благо. Он совсем не такой, как Белленус, который держит вас в постоянном страхе. Иисус же правит с любовью. Он лично заботится о каждом Своем подданном. Однако для того, чтобы стать гражданином Его Королевства, вы должны согласиться жить по Его законам. В то же время, ни один из вас не сможет жить по этим законам, надеясь на собственные силы. Поэтому вы должны родиться свыше. Родившись свыше, вы *можете* жить по этим законам через силу благодати, которую даст вам Иисус.

Далее Патрик объяснил значение выражения «рождение свыше» и рассказал своим слушателям о заповедях Христа из Нагорной проповеди. После этого все вместе пообедали и немного отдохнули.

— Я не уверен, что они меня до конца понимают, — сказал с беспокойством Патрик. — Если бы я знал какой-нибудь особый способ объяснения им Евангелия, который бы действительно был близок их культуре.

— Наподобие того, как апостол Павел проповедовал афинянам в ареопаге? — спросил Ломман.

— Именно. Я постоянно думаю о том, как он сказал им: «проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам»¹. Так Павел возвестил Евангелие понятным грекам способом.

— Да, а потом Павел добавил: «мы Им живем, и движемся, и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «Мы Его и род»»². Эту строку он процитировал из сочинений их же поэта Менандра, — объяснил Ломман.

— Я об этом не знал, — напряженно о чем-то думая, сказал Патрик. — Если в греческой культуре были «семена истины», которыми воспользовался Павел, чтобы возвестить им Евангелие, то, я уверен, что они есть и в ирландской культуре.

— За те шесть лет, что вы прожили здесь, — спросил Патрика Крисп, — что вам стало известно об их религии?

Патрик несколько минут молчал, вспоминая.

— Ну, они, как и мы, верят в бессмертную душу.

— Аллилуйя! — воскликнул Ломман. — Благодаря этому, можно говорить о жизни после смерти и судом дне, о которых сказано в Писании. А что еще?

¹ Деян. 17:23.

² Деян. 17:28.

— Они верят, что пруды и другие водные источники священны. Может быть, в этом можно найти семя истины, которое можно использовать для объяснения крещения.

— Я слышал, что они считают священными некоторые виды деревьев, — прибавил Крисп. — Верно?

— Да, верно. Но как это нам может пригодиться?

— Может быть, сославшись на это, объяснить, что наши прародители впали в грех, когда съели запретный плод с *дерева* познания?

— Возможно, — задумчиво ответил Патрик. — Хорошая мысль. Вообще-то, в раю христиане будут есть от *дерева* жизни¹. Более того, в Писании сказано, что Христос умер на *дереве*². Это вдохновляет меня!

Они уже заканчивали обедать, когда Дух Святой положил Патрику на ум еще некоторые мысли.

— Бог только что напомнил мне еще кое-что, — радостно объявил он. — Друиды учат, что число три священно. У них даже есть особая триада богов — Таранис, Эсус и Тевтат.

— Это подобно Троице! — воскликнул Ломман.

— Ну, их богов конечно не сравнить с истинным Богом, но, тем не менее, это поможет мне в общих чертах сослаться на нее, чтобы объяснить Троицу.

Все уже пообедали и отдохнули, поэтому Патрик стал опять учить собравшихся, используя обнаруженные сравнения. Он закончил, когда уже стало вечереть. Патрик сел под огромной рябиной немного отдохнуть и рассмотреть сидевших перед ним людей.

— Что нам надо сделать, чтобы быть усыновленными, т.е. как вы это назвали... родиться свыше? — спросил один из гостей короля.

¹ Откр. 2:7.

² Деян. 5:30.

Усталый Патрик поднялся и Дух Святой тут же напомнил ему слова апостола Павла, обращенные к темничному стражу в Филиппах.

— Во-первых, вы должны всем своим сердцем поверить, что Иисус Христос — Сын Божий и что Он умер за ваши грехи. — Патрик вспомнил, что именно Петр ответил иудеям в день Пятидесятницы: — Во-вторых, — сказал он, — вы должны покаяться в своем греховном образе жизни и обратиться к Иисусу Христу, т.е. вы должны решительно оставить прежний образ жизни и отныне жить для Христа, пребывая в Его учении. Наконец, вы должны креститься водой и Духом Святым для прощения грехов. Так вы родитесь свыше, примете усыновление и станете детьми Божьими.

Патрик сочувственно посмотрел на взволнованные лица людей, сидящих перед ним. Он ощутил, как Бог открывает их сердца для принятия Евангелия. Затем он громко спросил:

— Кто из вас хочет принять новое рождение? Кто хочет последовать за Христом, своим новым Королем?

Патрик не мог сдержать слез, видя, как многие из присутствующих выходят вперед и становятся перед Богом на колени. В числе тех, кто был готов к рождению свыше, были сын Лири Федильмид и его дочь Федельма¹. Патрик, широко распахнув объятия, с любовью обнял кающихся.

Помня о своем опыте с моряками, Патрик серьезно сказал собравшимся:

— Я ждал и молился об этом дне двадцать пять лет. Тем не менее, должен вас предупредить, что это — не простой шаг. Как только вы станете христианами, возвращаться назад нельзя. Лучше никогда не делать этого, чем обратившись ко Христу, вести прежний образ жизни. Христос — это Король, Который

¹ Сам король Лири так и не принял христианство.

требует абсолютной преданности. Не думайте, что вы можете, став Его подданным, в тоже время поклоняться старым богам. Он такого не потерпит. Родившись свыше, вы не сможете праздновать праздники своих старых богов, т.е. Белтейнов и Самайнов больше не будет. Вы уже не сможете воевать с вашими соседями, грабить людей и пьянствовать. Из-за того, что вы перестанете это делать, вас будут считать странными, возможно, даже ненавидеть, а некоторых — убьют. Если вы не готовы отдать свою жизнь за Христа так, как Он положил Свою жизнь за вас, не делайте этого.

Некоторые из слушавших Патрика медленно отступили назад, но большинство остались на месте. Патрик преклонил колени и долго молился за тех, кто был готов к рождению свыше. Он объяснил, что они должны исповедовать свои грехи пред Богом и сказать Ему, что хотят родиться свыше и стать Его детьми. После того, как каждый помолился, Патрик повел их к ближайшему озеру и на берегу стал их наставлять:

— Наш Король — Иисус Христос, обещал вернуться: Он сказал, что как молния приходит с востока и бывает видна даже до запада, таким будет и Его пришествие¹. Исходя из этих слов, христиане всегда понимали, что Христос придет с востока. Именно по этой причине мы связываем восток с Королевством Христа, а запад — с королевством сатаны. Поэтому повернитесь, пожалуйста, лицом на запад и повторяйте за мной: «Я отрекаюсь от сатаны, его ангелов, всех его обрядов и дел. Я отрекаюсь от Белленуса, Луга, Тараниса и Бригитты.

После того, как это было сделано, Патрик сказал:

— А теперь повернитесь лицом на восток. Вы верите в Иисуса Христа — Сына живого Бога?

Все хором ответили, что верят.

¹ Мф. 24:27.

— Вы принимаете Его как своего Спасителя и желаете следовать за Ним, как за своим Господом и Владыкой?

И снова все ответили утвердительно.

— Вы желаете быть крещенными во имя Отца, Сына и Духа Святого для прощения грехов и для того, чтобы стать детьми Божиими?

После того, как все ответили утвердительно, Патрик продолжал:

— С помощью Божьей, будете ли вы исполнять святую волю Божью, Его заповеди и следовать им во все дни своей жизни?

Когда новообращенные ответили единодушным «да», Патрик и Ломман стали в воде и крестили подходивших к ним людей¹.

Покрестив всех желающих, Патрик попросил новых христиан выстроиться в один ряд, а затем по очереди подойти к нему и стать на колени. Возлагая на них руки, он молился за каждого и просил Бога дать им Духа Святого. Он взял у Ломмана небольшой флакончик благовонного елея, обмакнул палец и начертил на лбу каждого человека крест. Вскоре в воздухе распространился чудесный аромат мирры.

— Я хочу объяснить вам, что я делаю, — сказал им Патрик. — Я начертил фигуру креста на вашем лбу, что обозначает, что теперь вы собственность Иисуса Христа. Вы больше не находитесь под господством Белленуса, Луга или Тараниса. Более тысячи лет тому назад иудейский пророк предсказал, что люди примут этот знак на свой лоб. Ему было видение, в котором человек с прибором... — Патрик запнулся на несколько

¹ Если бы это происходило в Британии, то помощник дал бы каждому крещаемому белый халат, что было древней церковной традицией, символизирующей прощение грехов и их рождение как христиан. Однако у Патрика пока что не было таких халатов.

секунда, понимая, что в гаэльском языке нет слова, обозначающего «прибор писца», потому что у них не было письменности.

— Э-э, то есть, человек с горшочком черной краски, — продолжил он. — В общем, человек в своем видении пошел ко всем, поклоняющимся истинному Богу, и нарисовал на их лбах то, что мы называем буквой «Т», которая имеет форму креста. — Патрик в воздухе нарисовал указательным пальцем букву «Т», чтобы люди увидели ее форму. — Это было пророческое видение того, что мы сейчас делаем¹.

Когда его, только что крестившаяся паства прилегла на траву, Патрик вспомнил о шести годах, которые он, будучи пастухом, провел в Ирландии. Теперь он снова был пастухом, только теперь его овцы были другими. Сможет ли он пасти стадо своего небесного Господина так же хорошо, как он пас стадо Милчу?²

¹ Иез. 9:4. В Септуагинте этот стих звучит так: «... на челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, начерти «тау»» (греческую букву «Т»).

² «Confessio» § 14, 38-40; «Epistolo» § 3.

Íîâûé òèï ããðîÿ

Прожив среди ирландцев шесть лет, Патрик хорошо знал, какую важную роль в их культуре играет герой.

— Я слышал, — сказал он своим друзьям, — что в сражении ирландцы больше полагаются на чрезвычайную храбрость одного или нескольких героев-воинов, чем на какую-либо военную стратегию или строгую дисциплину. Их герой часто предлагает врагу сразиться в поединке с их лучшим воином. Случается так, что герой даже жертвует своей жизнью ради блага своего народа.

— Да, я тоже слышал об этом, — откликнулся Ломман. — Именно поэтому наш народ боится ирландцев.

Напряженно думая, Патрик продолжал:

— Таким образом, мы должны представить ирландцам нового героя вместо их идеала воина-героя. Но кто же будет этим новым героем? — он минуту молчал. — Ой, ну что же это я? Ну, конечно же, их новым героем будет Иисус Христос, Который, будучи Богом, оставил небеса и все привилегии Своего положения, чтобы прийти на землю ради нас, людей. Затем Он в одиночку победил сатану. Я думаю, что ирландцы отнесутся к Нему с уважением.

— Вы сказали, что ирландский герой часто жертвует собой, — вмешался Крисп. — Иисус также отдал Свою жизнь за все человечество.

— Верно, — ответил Патрик.

«С другой стороны, — размышлял Патрик, — Иисус совершенно не соответствует идеалу ирландского героя. — Ирландцы всячески превозносят красоту, поэтому их короли должны быть внешне привлекательными. Но Иисус не был красивым¹. Кроме того, Он пришел на землю не с мечом, чтобы убивать Своих врагов, наоборот, Он пришел как страдающий Слуга. Он проповедовал любовь и прощение, а не войну и ненависть. Все эти качества ирландцам незнакомы, поэтому Иисус будет для них новым типом героя.

В течение первого года, сотни ирландцев посвятили свою жизнь новому герою — Иисусу Христу, и приняли усыновление Бога, став Его детьми. Ломман, Крисп и другие соратники Патрика оказались надежными помощниками. Время от времени из Британии приплывали христиане, доставляя припасы для ирландской миссии. И хотя британская церковь сама находилась в трудном положении и не могла оказать большую помощь миссии Патрика, он был очень рад тому, что было.

— Важно то, — наставлял как-то утром Патрик своих соратников, — что все мы должны быть живым примером того, как даже падшие люди могут жить жизнью Христа. Как и Павел, мы должны усмирять свои тела, чтобы не оступиться на узком пути, уготованном для нас Христом. Мы здесь видны как на ладони, поэтому очень важно, чтобы своим поведением мы не дали неверующим ни малейшего повода поносить Христа, даже в чем-то очень малом.

— Это будет невероятно сложно, — сказал Крисп.

— Если мы будем надеяться на собственные силы, то это будет не только сложно, но и невозможно, — ответил ему Патрик. — Но опираясь на силу Духа Святого, мы сможем

¹ Ис. 53:2.

жить именно так! Пока я в этом смертном теле, я не доверяю своей плоти. Я знаю, как силен сатана, и понимаю, что он постоянно делает все для того, чтобы отдалить нас от веры. Мы сможем исполнить свою миссию только тогда, когда на это будут воля и защита Божьи.

Благодаря тому, что Патрик и его соратники свято ходили пред Богом и полагались на Его благодать, их проповеди оказывали огромное влияние на слушателей. Куда бы они ни пошли, множество людей оставляли свои мечи и посвящали свою жизнь Христу. В течение нескольких лет Патрик крестил тысячи людей и многих из них рукоположил на служение.

— Я только что был у Брона, — сказал однажды вечером Ломман, греясь у огня в их убогой мазанке.

— Жаль, что я не смог пойти с тобой, — вздохнул Патрик. — Этот человек ради Христа отказался от своего общественного положения, личной собственности и удобств. Освободившись от мирских забот, он полностью посвятил свою жизнь Христу.

— Есть еще десятки других таких же, как он, — добавил Ломман.

— Как он живет? — спросил Патрик.

— У него все хорошо и духовно, и материально. Он построил себе хижину в горах Морн и проводит все свое время в молитве, посте и изучении Писания.

— А как его латынь?¹

— Тоже очень хорошо. Эти ирландцы — удивительные люди. Долгое время они не умели ни читать, ни писать, а теперь, когда мы учим их грамоте, они преуспели в этом больше, чем бритты. Они *любят* читать. Ярким примером этого является Брон.

¹ У ирландцев не было письменности, поэтому Патрик и его сотрудники учили их писать и читать на латинском языке.

— И это все, чем он занимается? — поинтересовался Патрик. — Просто живет в одиночестве и читает?

— Нет, конечно. Как только разнеслась весть о его глубоком посвящении, к нему потянулись люди за помощью и наставлением. Мало того, неподалеку от него построили свои хижины другие одинокие мужчины. Это самое необычное жилище, которое я когда-либо видел. Их хижины похожи на большие улы. Они построены из сложенных друг на друга камней без единой капли раствора.

— Да, мне знакомы такие хижины-улы, — сказал Патрик и поворошил костер. — Они, кстати, довольно крепкие и сухие. Расскажи мне еще что-нибудь об этой небольшой общине. Что они еще делают, кроме того, что молятся, размышляют и читают Писание?

— Они стали действенным центром распространения Евангелия по всему Ольстеру¹.

— Слава Богу! — воскликнул Патрик, воздевая руки. — Такое впечатление, что Он зажег святым огнем весь народ. Пока что сатана и его демоны бессильны противостоять этому. Тебе хорошо известно, Ломман, что Евангелие принимают не только мужчины, но и женщины, и может, даже с большей радостью, чем мужчины. Чтобы стать христианками, им тоже приходится многое менять в своей жизни.

— Да, я это хорошо знаю, — сказал Ломман. — Думаю, что они такие же воинственные, как и их мужчины. На прошлой неделе я видел ужасную драку двух женщин. Одной из них стало известно, что другая совершила прелюбодеяние с ее мужем. Она набросилась на соперницу и жестоко избивала ее ногами и руками. А когда один из мужчин попытался разнять их, она наградила и его крепкими тумаками.

¹ Северная Ирландия.

Патрик улыбнулся:

— Да, я тоже видел такие драки. Женщины здесь довольно развратны. Они зачастую открыто прелюбодействуют с любимыми воинами-героями.

— Они очень много внимания уделяют своей внешности, — добавил Ломман. — Вы заметили, как они рисуют брови соком каких-то темных ягод, красят ногти и даже румянят щеки соком специальной травы?

— Да, это невозможно не заметить. Еще они любят носить множество драгоценных украшений и платьев, пошитых из дорогих тканей. Вот почему новообращенные ирландские женщины достойны восхищения. Они ради Христа отказались от многого и стали прекрасным примером добродетели, описанной апостолом Петром. Сотни из них сохранили свою девственность и стали невестами Христа. Эти женщины хорошо известны своими делами любви, гостеприимства и милосердия.

— В каком-то смысле, — прибавил Ломман, — их жизнь труднее жизни одиноких мужчин.

— Почему ты так говоришь? — спросил Патрик.

— Потому что они обычно живут дома, а не в общинах с такими же женщинами.

— Согласен, их положение трудное. Их часто осуждают неверующие родители. Например, на прошлой неделе после Евхаристии¹ ко мне подошла Этна.

— Кто она?

— Это добродетельная девушка благородного происхождения, к тому же очень красивая. У нее было множество поклонников, но она всем отказала.

— Ага, теперь я ее вспомнил.

— Так вот, она подошла и рассказала нам с Криспом, что к

¹ Так верующие Британии в V-м веке от Р.Х. называли Вечерю Господню.

ней явился посланник Божий и призвал ее стать невестой Христа, т.е. не выходить замуж и посвятить свою жизнь Богу¹. Через шесть дней она совершила посвящение. Ее отец был в ярости и пригрозил избить ее, более того, он угрожал и мне².

Ломман налил себе миску супа, который уже сварился в черном железном котелке, висящем над огнем.

— Патрик, может быть, вам надо немного отдохнуть и навестить свою семью в Британии? Мы здесь уже пять лет, а вы так ни разу и не были дома.

— О, мне этого очень хочется, — грустно вздохнул Патрик. — У меня нет слов, чтобы передать, как я хочу увидеться со своей семьей. Также было бы очень хорошо увидеться с некоторыми братьями в Британии, а может, даже с друзьями в Галлии. Мне иногда кажется, что я здесь нахожусь в изгнании. Тем не менее, Дух Святой не позволяет мне покинуть Ирландию. Он сказал мне, что если я когда-нибудь уеду, то мой труд окажется в большой опасности³. Таким образом, если Дух Святой не позволит, то я не смогу уехать.

— Даже на неделю? — недоверчиво спросил Ломман.

— Даже на неделю. Я сильно привязан к своим родителям и очень хочу их увидеть, но прежде всего я должен сохранить верность своей пастве в Ирландии и должен слушаться Духа Святого. Иисус сказал: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня»⁴.

Взволнованный разговором, Патрик не мог больше

¹ «Confessio» § 42.

² Согласно Писанию, Богу угоден как брак, так и одинокая жизнь (Евр. 13:4; 1 Кор. 7). Однако, запрет на брак противоречит Слову Божьему (1 Тим. 4:1-3). Воля Божья заключается в том, чтобы все члены церкви, как семейные, так и несемейные, были целиком преданы служению Христу.

³ Там же § 43.

⁴ Мф. 10:37.

говорить. Он вышел на улицу и принес еще торфа.

Ломман помог Патрику подбросить торф в огонь, затем обнял его и сказал:

— Дорогой брат, я буду непрестанно ходатайствовать за вас в молитве. Может быть, Господь передумает и позволит вам уехать хотя бы на неделю¹.

¹ «Confessio» § 41-44, 48; «Epistolo» § 12.

Βδῖñòü ñàēñîâ

Прошло десять лет с тех пор, как Патрик начал трудиться на ниве Божьей в Ирландии, но Бог не изменил Своего решения в отношении его отъезда даже на короткое время. Он продолжал благословлять его труд. Более того, в тех местах, где Патрик со своими помощниками часто проповедовали о Христе, христиан обычно становилось больше, чем язычников. Христианство в тех краях оказывало серьезное влияние на все общество в целом. Клань, годами воевавшая друг с другом, опускала мечи и начинали жить в мире и взаимной любви. К этому времени Патрик обосновался на постоянное местожительство в Армахе, в северной части Ирландии.

— Добро пожаловать в Армах, — сказал он на латинском языке и широко раскинул руки, приглашая гостей, которые в один из дней пришли к его хижине. — Судя по вашей одежде, вы не из Ирландии.

— Нет, мы не из Ирландии, — сказал, улыбаясь, старший из двух мужчин. — Меня зовут Секундин, а это — Озилий. Мы приехали предложить вам свою помощь.

Патрик пригласил мужчин в хижину и подал им холодной воды.

— Вот наши рекомендательные письма от епископа Браннока, — сказал Озилий и подал Патрику бумаги, которые достал из своей потертой кожаной сумы. Патрик прочитал их.

— Так вы, оказывается, оба пресвитеры. Это очень хорошо! Я могу хоть сейчас дать вам работу, но вы не сможете полноценно трудиться, пока не выучите гаэльский язык.

— Мы это понимаем, — ответил Секундин, кивая головой, — и готовы хоть сейчас учить его.

— Отлично! Я попрошу одного из братьев на этой неделе начать учить вас гаэльскому.

Патрик подошел к единственному буфету в его убогом жилище и достал оттуда буханку хлеба и небольшой кусочек сыра.

— Вот, перекусите, а заодно и отдохните с дороги.

— Направляясь сюда от побережья, мы, не переставая, любовались природой Ирландии, — сказал, жуя, Секундин. — Мы сами родом из Галлии, природа которой тоже весьма живописна, но не в такой степени. Здесь кажется, что горы и долины покрыты зеленым бархатным ковром.

— Да, Ирландия действительно очень красивая страна. Я люблю ее, но открою вам маленький секрет ирландской зелени, — улыбнулся Патрик. — Здесь постоянно идут дожди. Нести здесь служение, значит постоянно ходить и проповедовать под дождем. Я несчетное количество раз промокал до нитки и дрожал от холодного ветра. Мои ноги часто были облеплены грязью так, что я иногда спрашивал себя: есть ли где-то там мои пальцы?

— Но в вашей хижине, несмотря на ее скромность, можно укрыться от дождя, — заметил Озилий.

— Да, можно, но если бы я мог придумать способ носить ее с собой на проповедь, — пошутил Патрик. — Ну, а теперь расскажите мне о Британии. Как там дела?

Двое мужчин минуту молчали, наконец Секундин заговорил:

— Вы, наверное, знаете, что в Британии несколько лет, благодаря саксам, царил мир.

— Да. Вортигерн убедил народ, что ради мира надо пригласить саксов поселиться на территории между нами и пиктами. Я говорил, что полагаться на союз с идолопоклонниками неуютно Богу, поэтому мира не будет. Однако, похоже, что я ошибался.

— Нет, вы не ошибались, — сказал Секундин. — Мир продлился всего несколько лет. А потом саксам, видимо, надоело, что они владеют только полоской буферной земли на севере Британии. Как только они поняли, что бритты слабые и неорганизованные, они решили завладеть целым островом. Они написали письмо своим сородичам, жившим на полуострове Ютландия, в котором рассказали о сложившейся ситуации. Они призвали саксов и соседнее племя англов, чтобы те помогли им завоевать Британию. Таким образом, саксы и англы объединились с пиктами и обратили свои мечи на христиан Британии.

— О, нет! — застонал Патрик, обхватив голову руками. — Если бы только люди обратились к Богу и положились на Него.

— Саксы промчались по селениям северо-восточной Британии, убивая, насилая и сжигая, — продолжал печально Секундин. — Они врываются даже в церкви во время служения и рубили мечами молящихся пресвитеров и епископов.

Патрик, слыша это, зарыдал.

Секундин, едва сдерживая слезы, не мог продолжать, поэтому дальше рассказывал Озилий:

— И тогда бритты поняли, что саксы более страшные враги, чем скотты и пикты вместе взятые. Саксы не берут в плен и не жалеют никого, независимо от возраста, положения или пола. Они заживо сжигают целые семьи в их домах. Всех, кто пытается спастись, ловят и убивают на месте. Саксы никого не оставляют в живых, так что хоронить мертвых некому. Везде валяются

мертвые тела, наполняя окрестности жутким смрадом.

— Неужели никому не удалось спастись? — хрипло спросил Патрик.

— Лишь некоторым людям, — ответил Секундин, взяв себя в руки. — Одни из них убежали в горы и влачат там жалкое существование в страхе за свою жизнь, другие ищут прибежища в селениях и городах западной части Британии еще не завоеванной англами и саксами.

— Чудо, что кто-то уцелел, — добавил Озилий. — Британия оказалась как в тисках какого-то злого исполина: скотты и пикты — на севере, ирландские разбойники — на западе и саксы — на востоке. Когда мы, будучи в Галлии, слышали об ужасном положении Британии, мы направились к ее западному побережью, чтобы хоть как-то помочь христианам.

— И как там обстоят дела? — с волнением спросил Патрик.

— Ничего хорошего, — ответил Секундин. — Прибрежные города и села наводнили беженцы со всей страны. Из-за скопления такого количества людей одна за другой вспыхивают эпидемии чумы. Чума так же, как и саксы, беспощадна в своей ярости.

— А вы, случайно, не были в селении Баннавеме Табурнийском? — с тревогой спросил Патрик. — Я оттуда родом.

— Были, там мы и узнали о вашей миссионерской деятельности.

— Как мои родители? Вы их случайно не видели?

Секундин замолчал, не решаясь сказать горькую правду.

— Патрик, мне очень жаль, что именно я сообщаю вам эту новость. Ваши родители умерли от чумы.

Патрик некоторое время молчал, затем извинился и сказал гостям, чтобы они чувствовали себя как дома, а он должен уйти, чтобы осознать услышанное.

Пока он гулял в одиночестве по близлежащим холмам, зашел Ломман.

— Здравствуйте. Меня зовут Секундин, а это Озилий, мы — из Британии, — приветствовал его Секундин. — Мы, вообще-то, из Галлии, приехали, чтобы помочь в служении.

— Замечательно! — воскликнул Ломман, обнимая приезжих. — Меня зовут Ломман.

— Ломман? Мы слышали о вас. Вы один из тех, кто в самом начале приехал сюда с Патриком, так?

— Да. Кстати, а где Патрик?

Гости рассказали Ломману о ситуации в Британии и смерти родителей Патрика.

— Мы даже не успели рассказать Патрику, что после смерти его родителей распорядителем имущества был назначен его дядя. Он продал все их имущество и передал вырученную сумму местным пресвитерам, а они — нам. Мы привезли ее Патрику. Он мог бы на эти деньги построить более удобное жилище или еще что-нибудь в этом роде.

— Только не Патрик, — вздохнул Ломман. — Я почти уверен, что он использует эти деньги на распространение Евангелия. Нам уже практически не поступает помощь из Британии. Конечно, теперь, зная истинное положение дел, я понимаю, почему они перестали нам помогать. Но скажите мне, пожалуйста, в такое время тяжелых испытаний стал ли народ Британии ближе к Богу?

— Думаю, что нет, — ответил Озилий, печально качая головой. — Насколько я знаю, когда саксы впервые напали на бриттов, народ возопил к Богу с воздетыми руками и великим плачем. Но Бог не дал им моментального избавления и люди решили, что их единственное спасение — это меч, а не Бог. Их поспешно собранные армии теперь храбро воюют с саксами, но

проигрывают битву за битвой. А саксы продолжают резню и, кажется, совершенно неуязвимы.

— Вы хотите сказать, что до сих пор их никто не мог победить? — спросил Ломман.

— Пока что нет, — ответил Озилий. — Если Бог не вмешается, то через несколько лет Британия, как таковая, может исчезнуть. После случившегося, люди полностью утратили веру в Бога. Большинство людей уже не ходят в церковь и открыто поклоняются идолам своих предков.

— Не обижайтесь на то, что я скажу, но меня удивляет, что вы не остались в Британии, — сказал Ломман. — Я имею в виду сложившиеся на данный момент обстоятельства.

— Мы бы остались, — ответил Секундин, — если бы там не хватало руководителей. Однако сейчас там избыток пастырей. Все епископы, пресвитеры и дьяконы остались в церкви, а вот количество паствы значительно уменьшилось. Все наши попытки оживить веру в людях ни к чему не привели.

— Поэтому после усердной молитвы, — прибавил Озилий, — мы почувствовали, что Бог желает, чтобы мы трудились там, где есть обилие жатвы. Сейчас Ирландия является как раз таким местом.

— Это точно! — согласился Ломман. — Завтра я отправляюсь на несколько дней проповедовать. Почему бы вам не пойти со мной и своими глазами увидеть, как здесь проявляет Себя Бог?

Приехавшие охотно согласились и на следующее утро отправились с Ломманом и другими соратниками в путь. Целый день шел дождь, и Секундин с Озилием вскоре начали дрожать от холодного атлантического ветра.

— Патрик говорил, что в Ирландии постоянно идут дожди, — заметил Секундин, натягивая на голову капюшон.

— Да, это так, — откликнулся Ломман, — однако он не жалуется. Во время благовестия, ему часто приходится спать под дождем или в хижинах с прохудившимися крышами. А ведь он уже не молод. Ему уже шестьдесят и, хотя он редко говорит об этом, я замечаю, что у него постоянно что-то болит. Я много раз видел, как он по ночам, лежа на сырой земле, дрожит от озноба.

— До того, как приехать в Британию из Галлии, мы ни разу не слышали о Патрике, — отметил Секундин, — но он производит впечатление необыкновенного человека Божьего.

— Он такой и есть, и народ Ирландии знает об этом. Молва обгоняет его и, куда бы он ни пришел, собираются толпы. После его проповедей обычно кается множество людей.

— Создается впечатление, что он стал их народным героем, — сказал Озилий.

— Именно так и есть. Видите ли, ирландцам свойственно создавать для себя образ героя. У них нет, как у нас, писаных законов и понятий об организованном правительстве. Вместо этого у них все вертится вокруг героев. С самого начала Патрик обратил их внимание на Иисуса Христа — нового Героя, и они невероятно быстро восприняли Его духовный образ, но, тем не менее, им необходим образ из плоти и крови, который они могли бы лицезреть собственными глазами.

— И этим героем стал Патрик, — закончил его мысль Секундин.

— Да, это так. Ирландцы *слышат* о Христе, а Патрика *видят*. Так же, как и апостол Павел, Патрик говорит ирландцам: «Подражайте мне, как я — Христу». Я не знаю никого другого, кто так бы верно следовал за Христом, как Патрик.

— Патрик — удивительный человек! — воскликнул Озилий. — Расскажите нам, пожалуйста, как он следует за Иисусом.

— Ну, например, Иисус никогда не был женат,

Патрик — тоже. У Иисуса не было места, которое он мог назвать бы своим домом, у Патрика — тоже, если, конечно, не считать эту хижину из веток и глины. У Иисуса не было практически никакой материальной собственности, у Патрика — тоже. Иисус любил и прощал Своих врагов, Патрик — тоже.

— Каких врагов вы имеете в виду? — спросил Секундин.

— Вы, наверное, знаете, что Патрика в шестнадцать лет похитили ирландцы?

Секундин с Озилием очень удивились.

— Нет, нам никто об этом не говорил, — сказал Секундин.

— Ну так вот, здесь, в Ирландии, он был рабом шесть лет и из-за этого не смог получить образования. Благодаря Божьему вмешательству, он, наконец, бежал из Ирландии. Но у него не осталось ненависти к своим похитителям, наоборот, когда Бог призвал его нести ирландцам Благоую Весть, он тут же согласился. Теперь он просит Бога, чтобы Он позволил ему умереть в Ирландии.

— У Патрика были еще враги? — спросил Озилий, присаживаясь на валун.

— О да. У него их было множество как в церкви, так и вне ее. Более того, его предал лучший друг.

— Расскажите нам, пожалуйста, об этом, — попросил Секундин.

Ломман рассказал о друге Патрика Марке и о его предательстве.

— За время нашего пребывания в Ирландии я ни разу не слышал от Патрика ни одного плохого слова о Марке, — закончил Ломман.

Они пошли дальше, продолжая разговор.

— Я не рассказывал вам о молитвенной жизни Патрика? — спросил Ломман.

— Нет, — одновременно ответили Секундин и Озилий.

— Патрик молится так, как никто другой из тех людей, которых я знаю. Он может молиться целый день или даже несколько дней. И он весьма часто постится. Мне кажется, что Бог поэтому и хранит его, и нас в том числе, от многочисленных опасностей, с которыми нам приходится сталкиваться.

— Каких опасностей? — встревоженно спросил Озилий.

— С того момента, как Патрик и все мы ступили на ирландскую землю, наша жизнь постоянно находится в опасности. Видите ли, Ирландия поделена между множеством кланов, их, как я слышал, уже около двухсот. Они постоянно враждуют между собой. Поэтому передвижение чужестранцев с территории одного клана на территорию другого чревато всякими неприятными неожиданностями.

— А нам показалось, что в Армахе относительно безопасно, — заметил Озилий.

— Правильно, — ответил Ломман, — безопасно, благодаря влиянию Евангелия. Однако если вы отправитесь в места, где оно еще не проповедовалось, то все будет иначе. Или если вы будете недостаточно осторожны, то один из вождей прикажет вас похитить, а потом потребует выкуп или продаст в рабство.

Секундин и Озилий встревоженно посмотрели друг на друга.

— А как же вам удастся проповедовать Евангелие? — удивленно спросил Секундин.

— Поскольку Патрик со времени своего рабства хорошо знаком с их обычаями, он платит дань каждому вождю за беспрепятственное передвижение по его территории. Это, конечно, требует немалых средств. Мы на это уже отдали все, что у нас было, и Патрик, без сомнения, употребит на это все свое наследство.

— Ну, а когда дань уплачена, это гарантирует

безопасность? — с беспокойством спросил Секундин.

— Как правило, да. Правда, около года тому назад мы с Патриком заплатили Коирпри, одному из ирландских королей, огромную дань. Взамен он пообещал нам и нашим людям свободное передвижение по его территории. Он даже для нашей защиты отправил с нами своих сыновей. Однако не успели мы отойти, как сыновья напали на нас и отобрали все, что у нас было.

— Не может быть! — вырвалось у Озилия.

— Это еще не все, — продолжал Ломман. — Они привели нас в дом к своему отцу и всех заковали в железные цепи. Вообще-то король хотел нас убить, но, видимо, наше время еще не пришло. И хотя мы все были очень напуганы, вера Патрика не поколебалась. Он день и ночь молился, почти не отвлекаясь на еду или питье. Через две недели Коирпре неожиданно отпустил нас и вернул нам все наши вещи.

— И что же побудило его изменить свое решение? — нетерпеливо спросил Озилий.

— Через неделю после нашего похищения в сражении погибли оба его сына. Коирпре почувствовал, что Бог наказал его за предательство по отношению к нам. Видимо, поэтому он и отпустил нас.

— Но это же был единственный такой случай? — спросил Секундин.

— Нет, к сожалению, такие случаи здесь обычное явление. Я не хочу сказать, что все короли не придерживаются своего слова чести. Так поступают очень немногие. Я имею в виду, что мы с Патриком без Божьей защиты не протянули бы здесь и недели. Даже сегодня мы каждый день готовы к тому, что нас могут убить, обмануть, взять в плен или сделать что-то еще. Одиннадцать лет назад Рим прислал сюда Палладия, но он продержался только год и уехал.

Наблюдая за реакцией братьев, Ломман сказал:

— Надеюсь, я своими рассказами не отбил у вас охоту трудиться? Мне кажется, что вы должны знать правду о нашем труде. Это действительно трудно и опасно.

— Нет, вы не отбили у нас охоту, — ответил Секундин, ища взглядом поддержки у Озилия. — Конечно, то, что вы рассказали, произвело на нас неприятное впечатление, но мы и не рассчитывали, что будет легко, когда решили поехать сюда.

— Более того, — прибавил Озилий, — мы радуемся, что будем трудиться вместе с таким человеком веры, как Патрик.

— Да, это так, — согласился Ломман. — Патрик приехал сюда на всю жизнь. Еще до того, как его нога снова ступила на ирландскую землю, он предал себя в руки Всемогущего Бога. Я не знаю, сколько ему еще осталось. Возможно, завтра будет его последним днем земной жизни, а может, Господь пожелает, чтобы он трудился еще двадцать или тридцать лет. Это известно только Одному Богу.

— Будем надеяться, что он будет трудиться еще двадцать или тридцать лет, — сказал Озилий.

— Аминь. Нам всем еще многому надо научиться, прежде чем мы сможем продолжать здесь его работу, — согласился Ломман.

Вскоре они уже были на нужном месте, где их ждали люди, услышавшие, что Патрик направил к ним человека, который расскажет им о новом Короле Иисусе. Не прошло и недели, как Ломман вместе с другими братьями крестили более сорока человек. Когда они через неделю вернулись в хижину Патрика в Армахе, Секундин и Озилий, не переставая, говорили, что никогда не видели такого удивительного принятия Евангелия.

— Да, жатва здесь действительно поспела, — согласился Патрик. — Бог сможет совершить через вас великий труд, если

вы будете пребывать с Ним в близких отношениях и рассчитывать на Его силы, а не на свои. Вы также должны знать, что не все в Ирландии принимают Евангелие. У нас здесь есть очень серьезные враги.

— Да, мы слышали об этом, — ответил Озилий.

Патрик попросил Секундина подать ему потертую Библию, лежавшую на столе. Открыв Второе послание апостола Павла коринфянам, он прочитал: «Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратьями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе»¹.

Закрыв Библию, Патрик посмотрел на двух новоприбывших и сказал:

— Это — описание нашей жизни в Ирландии, а теперь оно будет описанием и вашей².

¹ 2 Кор. 11:26-27.

² «Confessio» § 51-55, 59; «Церковная История народов англоv» § 15.

Глава 18

Á̇āçóïđ̇ā÷íûé ìóæ Áîæèé

— Нельзя не заметить, как много ваших обращенных целиком отданы Христу, — сказал однажды Секундин Патрику.

— Да, по милости Божьей, это так. Но было бы неправильно думать, что все наши обращенные — образцовые христиане. Даже у апостолов было много тех, кто отошел от Бога, «теплых» христиан и лжебратьев. Здесь то же самое.

— А что вы делаете, когда человек начинает отпадать? — спросил Секундин.

— Я отказываюсь изменять заповеди Христа, чтобы христианство вписалось в языческую ирландскую культуру. Когда мужчины и женщины снова начинают драться, пить и прелюбодействовать, я их сурово обличаю. Если они не каются, то я без колебаний отлучаю их от церкви.

— Создается впечатление, что вы придерживаетесь строгой дисциплины.

— Да, это так. Но такими были и апостолы. И вам тоже придется быть такими, иначе сатана разрушит весь ваш труд прямо у вас на глазах. Никогда не смотрите на грех сквозь пальцы. В то же время наказывайте всегда с любовью и милостью. Помните,

что цель наказания — спасти душу, и не давайте волю гневу.

— Должен признаться, я очень удивлен тем, что ирландцы подчиняются вашим отлучениям, — заметил Озилий, рассматривая царапину на ноге. — Я думал, что они станут вам угрожать или хотя бы проявлять непослушание.

— Мне во многом помогает ирландская культура. Здесь самыми влиятельными людьми являются не короли, как вы, наверное, думаете.

— Правда? А кто же? — заинтересовался Секундин.

— Друиды, — ответил Патрик. — Они устанавливают законы и разрешают все споры. Если кто-то не согласен с их решениями, даже если это король, то ему и всей его семье запретят участвовать во всех священных обрядах.

— Но вы ведь не друид, — сказал Озилий. — Как это может вам помочь?

— Ну, это, наверное, в какой-то степени естественно, что ирландцы относятся ко мне и другим служителям так же, как к друидам. Это очень помогает нам в деле распространения Евангелия, т.к. ирландцы привыкли подчиняться своим религиозным вождям. Само понятие отлучения для них не ново. Конечно, при наложении церковного взыскания, я стараюсь быть максимально беспристрастным и относиться одинаково как к богатым, так и бедным.

* * * * *

Одним субботним днем Патрик увидел британских служителей, стоявших возле его хижины, и очень обрадовался. Заметив в числе приехавших Квинта, Патрик очень удивился. Он тепло приветствовал братьев и пригласил всех зайти в хижину.

— Ты получил наше письмо? — спросил Квинт.

— Да, несколько дней назад. Мне привез его Озилий. Я был

очень рад, когда узнал, что вы собираетесь приехать навестить нас и привезти помощь для труда.

— Да, мы слышали, что ты здесь добился кое-каких успехов, — сказал Квинт.

— *Кое-каких?* — переспросил Патрик. — Как? Да здесь открылись окна небесные. Тысячи ирландцев присоединяются к церкви. Но это не моя заслуга, а Божья.

— Понятно, — сухо отозвался Квинт.

В тот вечер Патрик и его соратники разделили скромный ужин с гостями, приехавшими из Британии.

— Как сейчас обстоят дела в Британии? — с беспокойством спросил Патрик. — Секундин и Озилий рассказали, что учинили саксы. С тех пор ничего не изменилось?

— Кое-что все-таки изменилось. В Британии, наконец, появился герой, который может победить саксов, — гордо заявил Квинт.

— Как его зовут? — с интересом спросил Патрик.

— Коротик.

Патрик покачал головой:

— Я никогда о нем не слышал. А кто это такой?

— Коротик правит маленьким королевством на западном побережье Британии, — объяснил один из пресвитеров. — Он со своим войском несколько раз сражался с саксами и каждый раз одерживал блестящие победы. Он избавит нас от врагов.

— Вы хотите сказать, что он может изгнать саксов из Британии? — воскликнул Патрик.

— Нет, они слишком сильны, чтобы их изгнать, однако Коротик остановил их продвижение. Более того, он заключил мирный договор со скоттами и пиктами. Благодаря этому, жители западного побережья Британии исполнены новой надеждой. Теперь мы очень надеемся, что Коротик сможет

что-то сделать с этими проклятыми ирландскими дьяволами, которые продолжают угрожать нам с моря.

На следующее утро после хлебопреломления вперед вышел один из ирландских королей с позолоченной деревянной шкатулкой, наполненной золотом и драгоценностями, и положил ее на алтарь. Патрик, стоявший рядом, что-то сказал на гаэльском языке, быстро взял шкатулку и вернул ее королю.

— Что произошло? — спросил Квинт через несколько минут.

— Это — Мак Фечач, ирландский король. Месяц назад я его отлучил от церкви за прелюбодеяние.

— А зачем он принес драгоценности? — спросил один из пресвитеров.

— Он хотел сделать пожертвование церкви, но я отказался. Я никогда не принимаю пожертвований от отлученных христиан.

— Что! — воскликнул Квинт. — Ты отказался от такого щедрого жертвования? Но почему? Ведь его с лихвой хватило бы для твоего дальнейшего труда. — Пресвитеры согласно закивали головами. — Позволь тебе напомнить, — возмущенно продолжал Квинт, — что Британия не может бесконечно финансировать твое благовестие. Было видно, что этот король — как ты сказал его зовут? — Мак Фечач, — да, этот Мак Фечач был явно оскорблен. Много лет назад я серьезно сомневался в том, что у тебя достаточно мудрости для такого важного дела. А теперь вижу своими глазами, что не напрасно. Отказаться от средств, которые посылает тебе для служения Господь?! Я обязательно доложу об этом епископам в Британии.

— Пожалуйста, поймите, — спокойно обратился Патрик к Квинту и всем остальным. — Благодарю вас за ваше беспокойство, однако я хорошо знаю, что за такие жертвования от

грешников приходится дорого платить. Если я буду принимать их от отлученных королей, то, в конце концов, церковь начнет полагаться на такие пожертвования как на финансирование ее служения. И очень скоро мы начнем искажать наше учение, чтобы не обижать таких людей.

— В Британии мы принимаем пожертвования от отлученных, — холодно и резко ответил Квинт, — а ты хочешь сказать, что, в отличие от нас, ты лучше знаешь как поступать?

— Я не сужу о том, что вы делаете в Британии, но так лучше для церкви в Ирландии.

— Мы поговорим об этом в следующий раз, — сухо ответил Квинт и, повернувшись, вышел из здания в сопровождении остальных британских пресвитеров.

На следующий день британские пресвитеры сказали Патрику:

— Мы тут поговорили и пришли к выводу, что ты должен изменить свое отношение к пожертвованиям от отлученных людей, т.к. если у них есть желание что-то сделать для церкви, то это означает, что они раскаиваются. Отказываться от таких пожертвований все равно, что отказывать им в прощении.

— А как насчет бедных, у которых нет возможности делать такие пожертвования? — спросил Патрик. — Мне надо установить разные правила пожертвования для богатых и бедных?

— Ты действительно уверен, что знаешь об управлении церковью больше нас? — оборвал его Квинт с пылающим от гнева лицом. — Мы решили, что ты должен пойти и извиниться перед королем как-там-его-имя, а мы пойдем вместе с тобой. Может, он еще не передумал насчет своего пожертвования церкви.

— Извините, но я этого сделать не могу, — решительно ответил Патрик.

— Ты, видимо, нас не понял, — повысил голос Квинт. — Мы

не *просим* тебя извиниться перед королем, а *приказываем* тебе это сделать и немедленно!

Патрик посмотрел Квинту в глаза:

— Будучи в Британии, я всегда был послушен высшему духовному руководству церкви. И двадцать пять лет, пока тысячи этих несчастных ирландцев ежедневно умирали, никогда не услышав о Христе, я оставался в Британии, потому что служители церкви говорили, что я не могу поехать в Ирландию. Но теперь Бог открыл дверь для служения здесь. Вы больше не имеете никакого права приказывать мне что-то делать. С каких это пор пресвитеры приказывают епископу?!

Патрик возмущенно смотрел на пресвитеров.

— Используешь преимущество своего положения?! — раздраженно воскликнул Квинт.

— Нет, так все устроил Бог.

Сказав это, Патрик повернулся и ушел.

На следующий день, когда британские служители готовились возвращаться в Британию, к ним подошел Патрик.

— Я хочу извиниться за то, как вчера разговаривал с вами, — начал он. — Вы проделали такой долгий путь, чтобы увидеть меня, а я оказался не очень гостеприимным хозяином. Простите меня, пожалуйста. Мне бы очень хотелось, чтобы вы побыли здесь еще. Давайте не будем ссориться.

— Ты не передумал насчет короля? — спросил один из пресвитеров.

— Нет, мне очень жаль, но я не могу сделать то, о чем вы просите, однако давайте не будем ссориться. Я искренне уважаю ваши советы и по возможности стараюсь к ним прислушиваться.

Некоторые из пресвитеров, прощаясь, тепло обняли Патрика и тоже извинились за происшедшее. Но только не Квинт. Он стоял и смотрел на Патрика ледяным взглядом.

Наконец, повернувшись к Секундину и Озилию, он сказал:

— Мы не можем приказать вам уехать с нами, однако из-за того, что произошло, вам лучше это сделать. Бог с большей пользой употребит вас в Британии. А теперь нам надо идти, чтобы не опоздать на корабль.

— Благодарю вас за беспокойство, — ответил Секундин, — но я чувствую, что именно сюда меня призвал Бог, поэтому остаюсь здесь.

Озилий дал понять, что думает то же самое. Британские служители ушли.

Патрик с печалью смотрел, как в сером ирландском тумане исчезают фигуры пресвитеров.

— Мне очень жаль, что так прошла наша встреча, — сказал он, повернувшись к Секундину и Озилию. — Вы, наверное, думаете, что я упрямый старик.

— Наоборот. Мы воочию убедились в вашей позиции по отношению к пожертвованиям, — возразил Секундин. — В Галлии церковь часто принимает пожертвования от неверующих королей и королев, а после того, как они станут членами церкви, не может обличать или отлучить их. Я считаю, что это рано или поздно приведет к падению европейской церкви¹.

¹ «Confessio» § 37, 49; «Epistolo» § 8, 11, 12.

Ääíü ïîçîðà

Был приятный летний день. Секундин и Озилий оказались способными благовестниками и теперь проповедовали в разных районах Ирландии. Патрик и Ломман вместе с группой новообращенных пребывали в посте и молитве на восточном побережье Ирландии. Они разместились на лугу возле песчаного берега моря. Новообращенные готовились на следующее утро принять крещение. Со склоненными головами и сокрушенными сердцами, в слезах и молитвах, они исповедовали Богу свои грехи и молили Его о прощении. В таком состоянии они пребывали до поздней ночи.

На рассвете Патрик и Ломман повели новообращенных к берегу и крестили их в холодных водах Ирландского моря. Патрик по своему обыкновению возложил руки на только что принявших крещение и, когда они оделись в белые одежды, миррой начертил кресты на их лбах.

Патрика и Ломмана ждали в другой церкви, поэтому они оставили новообращенных на попечение Аильба — молодого ирландского пресвитера. После крещения они завершили свой пост скромным обедом из хлеба, рыбы и поджаренных зерен. Новообращенные славилы Бога, пели псалмы и гимны, как Патрик и его сотрудники шли по тропинке в ближайший лес. Через несколько часов после того, как Патрик и Ломман ушли,

один из крещенных заметил на море корабль. По мере его приближения они разглядели, что это был римский корабль.

— Он, должно быть, из Британии! — радостно воскликнул один из них. — Наверное, везет помощь и труженников для ирландской церкви.

Корабль действительно был из Британии и, чем ближе он подходил, тем отчетливее ирландские верующие видели на его главном парусе огромный крест. Несколько человек с корабля прыгнули в воду и с канатами в руках пошли по воде к берегу, подтягивая за собой корабль.

— Давайте поможем им разгрузиться, — предложил кто-то из новокрещенных.

Все мужчины и женщины с радостью поспешили к берегу. Однако, подойдя ближе, они с удивлением увидели, что моряки были вооружены мечами и копьями. Верующие решили не обращать на это внимания, решив, что моряки боялись нападения разбойников.

Все верующие во главе с Аильбом направились к кораблю.

— Как жаль, что с нами нет Патрика, — взволнованно сказал он. — Я не умею говорить по-британски и слабо знаю латынь.

— Добро пожаловать, братья! — крикнул Аильб на ломаном латинском.

С распростертыми объятиями он подошел к одному из прибывших, но тот резко сказал:

— Ты мне не брат.

Потом вдруг выхватил меч из ножен и вонзил его в живот Аильба. Молодой пресвитер сделал несколько шагов назад и упал замертво. Из зияющей раны широкой струей хлынула кровь.

Ирландские христиане, не веря своим глазам, стояли,

застыв от ужаса. «Патрик же говорил, что христиане любят друг друга!». Они начали кричать и громко взывать к Богу, а потом побежали. Воины с обнаженными мечами и копьями безжалостно напали на них.

— Это за мою дочь, — зарычал один из них, опуская меч на молодого ирландца.

Другой бросил в спину убежавшему мужчине копье, третий схватил одну из женщин за длинные рыжие волосы и повалил ее на землю. За несколько минут воины схватили женщин и мальчиков, а мужчин почти всех убили. Лишь некоторые из них, переполненные ужасом, сумели убежать в лес.

Затем воины устремились в сторону видневшихся неподалеку домов и стали убивать всех, кто попадался им на глаза. Они забрали из домов все ценности, какие смогли найти, а потом подожгли их. Меньше чем через два часа все было кончено. Воины вернулись на корабль с пленными и награбленной добычей. Вскоре корабль отплыл в Британию.

Тем временем ирландские христиане, которым удалось спастись, нашли Патрика и, обессиленные, упали у его ног. Задышавшись, они рассказали ему о происшедшем. Их слова пронзали Патрика насквозь, словно железные мечи воинов.

— Мы должны успеть до того, как уплывет корабль! — закричал Патрик Ломману.

Он и еще несколько человек из всех сил поспешили на берег моря.

— Боже, дай моим слабым ногам силу, которая была у них в молодости, — молился Патрик, стараясь идти как можно быстрее. — Отец, пожалуйста, не дай кораблю отплыть раньше, чем мы придем.

Когда они, наконец, дошли до луга, Патрик в ужасе ошелбенел. Зеленая трава была усеяна телами убитых христиан. Они

были в белых одеждах, в которых крестились, но теперь все эти одежды были в алых пятнах. Упав ничком, Патрик зарыдал и громко запричитал:

— Мои новорожденные дети! Мои новорожденные дети! О, если бы я мог умереть вместо вас! Мои бедные дети, мои бедные дети!

Обливаясь слезами, Патрик стал на колени возле одного из убитых. Это был молодой парень лет двадцати с каштановыми волосами и зелеными глазами. С его лба еще не выветрился запах мирра. Патрик приподнял его голову и, прижав ее к себе, закричал:

— Отец, почему? Почему? Почему мои новорожденные дети должны были так умереть?!

Патрик долго горевал, пока вдруг не осознал, что среди погибших нет ни одной женщины.

— Женщины! — крикнул он. — Они взяли женщин в плен, чтобы продать их в рабство! Мы должны догнать их, пока еще не поздно! Ломман, немедленно найди кого-то из братьев и лодку.

Ломман и несколько других мужчин побежали выполнять задание Патрика.

— Захвати письменные принадлежности, — крикнул вслед Патрик.

Патрик и оставшиеся принялись хоронить тела погибших христиан. Через несколько часов посланные вернулись с лодкой и письменными принадлежностями. Патрик сел на ближайший валун, поспешно написал письмо и запечатал его.

— Вот, — сказал он Ломману. — Возьми это письмо и немедленно плыви в Британию. В письме я требую немедленно отпустить пленных и вернуть награбленное.

Ломман взял письмо и отплыл в Британию вместе с одним из британских служителей.

— Так мы сможем спасти хотя бы женщин и мальчиков, — успокаивал себя Патрик, глядя, как маленькая курра¹ исчезает на горизонте серого Ирландского моря².

¹ Легкая лодка, обтянутая кожей.

² «Epistolo» § 2-4, 12, 15, 16.

Èèñóñ èëè Ààðàââà?

Патрик был бы очень удивлен, если бы увидел, как в Британии встречали разбойников. Человек, руководивший разбойным набегом на Ирландию, был никем иным, как Коротиком, новым «героем» Британии. Вместо того, чтобы обличить разбойников и убийц, их встречали как победителей! Этих людей считали спасителями Британии! Под радостные возгласы толпы, Коротик со своими воинами, ведя за собой захваченных женщин и детей, прошли по дороге к крепости, занятой однажды римскими солдатами, и во дворе заковали пленников в кандалы. Всю ночь британские разбойники праздновали свою «победу» в разнузданном пиршестве.

На следующее утро в Британию прибыл Ломман. Он подбежал к первому попавшемуся на глаза человеку. Это был рыбак, сушивший сети.

— Случилось нечто ужасное! — закричал Ломман. — Какие-то люди из Британии напали на ирландское побережье, убили десятки ни в чем невиновных христиан, а женщин-христианок и детей взяли в плен.

Рыбак молча продолжал заниматься своим делом. Наконец он прервал работу и сухо спросил:

— Убитые были ирландцами или бриттами?

— Ну, конечно, ирландцами.

— А эти пленные женщины и дети, *они* были ирландцами или бриттами?

— Ирландцами. Но я не понимаю, какое ...

— В таком случае их нельзя считать невиновными! — буркнул рыбак.

— Что вы хотите этим сказать? — возмущенно спросил Ломман. — Все они были новообращенными христианами и никому ничего не сделали плохого.

— Они виноваты в соучастии, — отрезал рыбак. — Сколько я себя помню, на нас нападали ирландцы. Они похитили моего брата. Но Коротик, наконец, преподал им урок. Я хочу сказать: «Глаз за глаз и зуб за зуб».

— Так это сделал Коротик? — изумленно воскликнул Ломман.

— Вот именно. Король Коротик — спаситель Британии. Он предупреждал, что застанет ирландцев врасплох, если внезапно нападет на них. И оказался прав. Уверен, что ирландцы теперь хорошо подумают, прежде чем напасть на нас снова.

— Мне надо поговорить с ним, — взволнованно настаивал Ломман. — Где его крепость?

— Иди по дороге вдоль берега на север. Его замок будет примерно через шесть миль. Ты его не пропустишь. Но не рассчитывай, что дождешься от него или всех нас какого-либо сострадания.

После обеда, подойдя к крепости, Ломман смело протянул письмо Патрика одному из военачальников Коротика. Тот прочитал письмо и громко засмеялся.

— Вы только послушайте. Этот человек хочет, чтобы мы вернули ему наших пленных и всю добычу.

Остальные воины тоже начали смеяться и хлопать друг друга по спине, насмехаясь над Ломманом и его товарищем.

Один из воинов вышел вперед, отвесил земной поклон и издевательским тоном сказал:

— Ну, конечно, мы вам все вернем. Мы рисковали жизнью, чтобы заполучить этих рабов и добычу. Но это не имеет значения. Мы сделаем все, что требует от нас этот ирландский епископ.

А потом, подскочив к Ломману, воин отвесил ему пощечину:

— Ах ты предатель, самодовольный лицемер! Ты и твой пес-епископ хотите заполучить себе рабов и товары! Как же, держи карман шире! А теперь убирайся побыстрее, иначе мы и тебя продадим в рабство.

Ломман с минуту пристально смотрел воину в глаза, пытаясь своим пронизывающим взглядом проникнуть в душу человека, считающего себя христианином. Затем резко повернулся и, стремительно выйдя со своим спутником со двора, отправился в Ирландию.

Ломман смотрел на берег, пока он не исчез из виду.

— Все происходит точно так, как нам рассказывал Секундин, — сказал он грустно своему приятелю, который сидел у руля. — Христианство в Британии пало настолько низко, что его едва ли можно называть христианством. Я никогда бы не поверил, что люди, называющие себя христианами, могут продавать в рабство жестоким пиктам своих ни в чем неповинных братьев и сестер.

* * * * *

Патрик качал головой, не веря своим ушам, когда его сотрудники рассказывали ему о том, что произошло в Британии.

— Я подозревал, что наш народ далеко отошел от Бога, — заговорил он, — но не думал, что все так плохо. Коротик — всего лишь хладнокровный убийца. Если бы только Дух Святой

позволил мне вернуться в Британию, я бы встретился с ним лицом к лицу. Я много раз просил об этом Бога, но Он не разрешает мне отлучаться отсюда, поэтому мне неловко просить Его еще раз. Единственное, что мне остается, — это отлучить от церкви Коротика с его войском и надеяться, что это приведет их к покаянию.

Патрик вернулся в хижину и долго молился. Несколько раз, когда его молитвы прерывались рыданиями, Ломман заходил, чтобы утешить страдальца.

— Я не знаю, о ком больше горюю: об убитых братьях или изнасилованных сестрах, которые уже стали наложницами язычников, — пожаловался Патрик Ломману хриплым голосом. — А может, я больше сокрушаюсь, думая о Коротике и его приспешниках, а также бриттском народе, поддерживающем их. Они променяли свои вечные души на временное земное существование.

После долгой молитвы Патрик взял свои письменные принадлежности, сел за стол из грубо тесаных досок и начал писать письмо об отлучении от церкви.

— Если бы я только мог писать красивым четким языком, вместо грубой латыни, — с сожалением сказал он.

— Не беспокойтесь о грамматике, — ободрил его Ломман. — Главное, чтобы слова, крепко утвержденные в истине, проникли глубоко в душу.

— Да, верно, — согласился Патрик, — это очень серьезный вопрос. Королевство Небесное — это или истинное королевство, превосходящее границы всех народностей и рас, или это — иллюзия. Если это иллюзия, то христианство ничем не лучше языческих религий. Апостол Павел сказал, что если христиане начинают судиться друг с другом, то Королевство Божье становится фикцией. Интересно, что бы он сказал о христианах,

убивающих друг друга лишь потому, что они являются представителями разных народов?!

Патрик минуту помолчал, а потом начал писать:

«Я, Патрик — невежественный грешник, живу в Ирландии. Будучи епископом, я, вне всякого сомнения, верю, что являюсь тем, кто я есть, только по благодати Божьей. Поэтому я живу среди варваров, будучи странником и изгнанником ради любви Божьей. Мне никогда не хотелось писать такое суровое письмо, но любовь Божья и истина Христова подвигли меня это сделать¹. — Патрик задумался, взвешивая последствия того, что он собирался написать. Он чувствовал боль каждого слова, как если бы его сердце пронзали кинжалом. Уповая на Бога, он продолжал писать дальше: — Я написал эти слова своей собственной рукой и желаю, чтобы они были переданы Коротик и его воинам. Я не говорю: моим соотечественникам. Я также не говорю соотечественникам святых римлян. Я говорю: соотечественникам демонов из-за их злых дел. Будучи врагами Христа, они живут в смерти, являясь союзниками скоттов и язычников-пиктов. С них стекает кровь, т.к. они купаются в крови невинных христиан, которых я родил в собрание Божье и утвердил во Христе!²»

Сердце Патрика было готово выскочить из груди, когда он описывал, как Коротик и его воины безжалостно убивали ни в чем неповинных христиан, только что принявших крещение. «Отец, помоги мне найти нужные слова!», — тихо молился он, продолжая писать:

— Пусть каждый боящийся Бога человек знает, что Коротик и его воины — мои враги и враги Христа, моего Бога, посланником Которого я являюсь. Убийцы! Кровожадные

¹ «Epistolo» § 1.

² Там же, § 2.

волки, пожирающие народ Божий, как хлеб! Со всей искренностью убеждаю всех святых и смиренных сердцем, что не позволительно общаться с такими людьми и вкушать с ними пищу. Даже не принимать их пожертвований до тех пор, пока эти люди не раскаются и не придут к Богу в слезах и печали, пока не заберут у скоттов и пиктов крещенных слуг и служанок Христовых, за которых Он умер и был распят»¹.

Патрик положил перо, упал на колени и горько заплакал:

— Отец, прости меня за такое суровое письмо, но, пожалуйста, сделай так, чтобы оно проникло в их сердца и вызвало покаяние!

Он подписал письмо, запечатал и попросил Озилия отвезти его в Британию.

— Возвращайся сразу, как только вручишь письмо, — предупредил он Озилия, — т.к. ситуация может стать очень опасной.

Озилий заверил его, что так и сделает.

На следующий день Озилий приплыл в Британию и вручил письмо одному из местных пресвитеров, попросив его прочитывать письмо Коротикку при всем народе. После ухода Озилия, пресвитер прочитал письмо и, встревоженный содержанием, рассказал о нем другим служителям и ответственным лицам той местности. Все решили отдать письмо епископу Юлию. Вскоре новость о письме облетела все западное побережье Британии. Епископ Юлий созвал всех британских служителей той области.

— Мы сейчас стоим перед серьезной проблемой, — сказал Юлий собравшимся служителям. — Значительное большинство наших собраний твердо поддерживают Коротика. Если мы поддержим Патрика и его отлучение, то последствия могут стать для нас непредсказуемыми. В лучшем случае мы потеряем много прихожан, в худшем — нас может убить восставший народ. В

¹ Там же, § 7, 12.

других странах такое уже случалось.

— Да что он вообще о себе возомнил, этот выскочка? — негодуяще закричал Квинт, срываясь с места. — Он не имеет права отлучать от церкви одного из наших королей!

— Да, но если мы проигнорируем письмо об отлучении, это ослабит церковную дисциплину, — возразил другой пресвитер, — а также будет означать, что мы отвернулись от епископа, которого сами же рукоположили.

— Патрик не имеет здесь никакого авторитета, — упорствовал Квинт. — Он был рукоположен только лишь как епископ Ирландии. Он не прислушивается к нашим советам относительно своего труда, поэтому мы не должны реагировать на его вмешательство в наши дела.

— Правильно! — поддержал его другой пресвитер. — Если мы займемся отлучением Коротика и его воинов, то кто защитит нас от саксов и пиктов? Ясно, что не Патрик.

Большинство собравшихся ухмыльнулись, услышав его реплику.

Епископ Юлий встал и начал успокаивать собравшихся:

— Значит, вы согласны игнорировать письмо Патрика об отлучении?

Служители дружно согласились.

— Коротик, а не Патрик! Коротик, а не Патрик! — звучали возгласы многих из них.

Наконец, с помощью нескольких помощников, поднялся епископ Браннок. Ему было уже восемьдесят лет, и он почти ослеп. Из-за своего почтенного возраста и состояния здоровья он был ограничен в своих возможностях трудиться, но его любовь к Богу осталась прежней. Он заговорил хриплым дрожащим голосом:

— Давайте не будем обманываться, — сказал он

собравшимся. — Мы не Коротик у отдали предпочтение, мы выбрали Варавву вместо Христа.

— Что вы хотите сказать? — спросил его один из пресвитеров.

— Я хочу сказать, что перед нами сегодня стоял такой же выбор, как перед толпой иудеев во времена Иисуса. Кого выбрать: Иисуса или Варавву? В Иисусе они видели человека, Который проповедовал им о Королевстве Небесном, а не о земном. Он не собирался избавлять Свой народ от римских завоевателей, а учил любить своих врагов. И, наоборот, в Варавве люди видели человека дела, политического революционера. Он не хотел сидеть и ждать Королевства Небесного. В Варавве иудеи видели героя, который мог избавить их от ненавистных римлян, а Иисус только давал им обетования. Поэтому толпа выбрала Варавву.

— Но наша ситуация совсем другая, — возразил Квинт.

— Серьезно? — быстро спросил Браннок. — Патрик проповедует Королевство Небесное, он любит врагов Британии и посвятил им свою жизнь. Он доверяет только Богу, а не мечу. А Коротик — это человек, который может избавить нас от наших врагов, однако мы все знаем, что это неблагочестивый человек. Если он не убивает саксов или ирландцев, то пьет или валяется в постели с одной из любвеобильных девушек. Теперь он убил невинных христиан и продал в наложницы пиктам невинных христианок. Если мы отдадим предпочтение ему, а не Патрику, то действительно выберем Варавву вместо Христа.

— Ерунда! — громко запротестовал Квинт, снова вскакивая. — Патрик — это не Иисус, а Коротик — не Варавва. Бог явно благословил Коротика, иначе он не смог бы победить саксов. И наоборот: Патрик всего лишь самоправедный выскочка и лицемер! Мы все знаем, какой ужасный поступок он совершил

в молодости. Это говорит о его истинном характере. И в Ирландию он отправился, преследуя исключительно свою выгоду. Если бы людям стало известно, что он там делает, то они бы не произносили даже его имени.

— А что он делает? — спросил кто-то из присутствующих.

— Он берет плату за крещение и рукоположение. Когда мы были там, я видел, как один из королей принес Патрику позолоченную шкатулку, полную золота и драгоценных камней. Это была плата за крещение. Однако Патрик с пренебрежением сказал, что этого недостаточно, и что если король не принесет больше, то он его не покрестит.

— Ты никогда ничего подобного не рассказывал, — прервал его Браннок дрожащим голосом.

— Ну, э-э-э я не хотел разочаровывать людей. У них и так ослабела вера. Если бы они узнали, что делает епископ, то утратили бы и ее остатки. Ради них я и молчал. А теперь вижу, что надо было рассказать об этом. — Кивнув в сторону пресвитеров, Квинт сказал: — Если не верите мне, то спросите других пресвитеров, которые были со мной.

Пресвитеры, сопутствовавшие ему, согласно закивали головами.

— И это еще не все, — воскликнул один из них, — Патрик учит ирландцев ереси! Он, как Пелагий, говорит, что можно спастись без благодати Божьей, и преподает целый ряд других еретических учений.

Теперь встал епископ Юлий.

— Что ж, я думаю, вопрос решен. Власть Патрика не распространяется на британские церкви. Более того, если кого-то и следует отлучить, так это, скорее всего — его.

Ложные обвинения против Патрика быстро разлетелись среди горожан, и вскоре его имя очернили по всему западному побережью Британии.

* * * * *

Через несколько месяцев один из помощников Патрика приплыл в Британию за некоторыми необходимыми припасами и узнал, что говорят о Патрике. Вернувшись, он рассказал ему об этом. Патрик был так потрясен, что несколько месяцев не мог нормально есть. Большую часть времени он проводил в одиночестве, закрывшись в своей хижине, и даже не хотел видеть друзей. Он не ходил с проповедью Евангелия к неверующим и перестал проповедовать в церкви. С сокрушенным сердцем он вопил к Богу:

— Отец, разреши мне вернуться в Британию, чтобы ответить на все эти ложные обвинения. Если нет, то заberi мою жизнь прямо сейчас. Я не хочу больше жить.

Но Бог оставался непреклонным. Он не разрешил Патрику покинуть Ирландию, однако дал ему силы подняться и продолжать свой труд.

— Все прояснится в вечности, — успокаивал его Ломан. — Важно, что Бог знает правду. А также народ Ирландии.

— Кроме того, — вступил в разговор Секундин, — Иисус сказал, что «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем»¹. Так что, ничего нового не случилось.

Как-то в одно из воскресений Патрик проповедовал в собрании о кресте Христовом. Он рассказывал о том, что враги Иисуса ложно обвинили Его во многих грехах, в том числе, что он хулил Бога и устанавливал земное правительство, чтобы поднять бунт против цезаря.

— Как это ни печально, — подчеркнул Патрик, — но многие люди во времена Иисуса поверили этим ложным обвинениям. Бог оказал мне честь и позволил испытать всю полноту христианской жизни.

¹ Мф. 13:57.

Затем Патрик рассказал, как его оклеветали, и что эта нападка чуть было не уничтожила его, но Бог дал ему силы снова подняться.

— Если вы не можете выехать из Ирландии и лично ответить на все обвинения, то почему бы вам не подготовить письменное опровержение? — предложил Секундин.

— Прекрасная идея, Секундин! — ответил Патрик. — Как я не подумал об этом раньше?! Мне кажется, что я слишком сильно жалел себя.

На следующей неделе Патрик написал короткое письмо-опровержение в свою защиту. Оно начиналось так:

— Я — Патрик, невежественный грешник, наименьший из всех верных и откровенно презираемый многими¹.

Затем он написал, как его похитили в юности, как он получил избавление рукой Божьей, как Бог призвал его вернуться в Ирландию.

«Когда-то я был деревенским, невежественным изгнанником, не знающим, как позаботиться о своем будущем, — продолжал писать Патрик. — Но теперь, по меньшей мере, я знаю одно: до моего унижения я был как камень, глубоко погрязший в болоте. Но пришел Могуущественный и по Своей милости поднял меня и поставил на самый верх стены. Поэтому я должен был громко воскликнуть и возблагодарить Господа за Его великие блага здесь и в вечности»².

В письме он дальше писал о страданиях и опасностях, которые ему пришлось пережить в Ирландии.

Далее он перешел к клевете, которую на него возвели.

«Покажите мне хотя бы одного человека, который бы заплатил мне за крещение или рукоположение, и я с радостью

¹ «Confessio» § 1.

² Там же, § 12.

верну ему деньги»¹, — обращался он к своим обвинителям.

Он объяснил своим братьям в Британии, что не только не назначал плату за крещение, но вынужден был платить дань разным королям, чтобы иметь возможность пройти по их территории. Он потратил на это все свое наследство. В конце он написал:

«Я призываю Господа в свидетели, что говорю правду. Я не писал бы вам из эгоистичных мотивов или желания лести. Я также не рассчитываю на похвалу от вас. Мне достаточно той чести, которая уготована мне Богом в будущем. И все же даже здесь и сейчас я замечая, что Господь безмерно вознес меня, хотя я и не достоин этого. Я знаю наверняка, что для меня намного лучше бедность и падения, чем богатство и удовольствия. Поэтому, пусть мой Бог никогда не допустит, чтобы я отделился от Его народа, который Он приобрел Себе в этой отдаленной стране. И если я когда-нибудь сделал что-то хорошее для моего Господа, Которого люблю, то я молю Его позволить мне пролить кровь вместе с этими изгнанниками и пленниками во Имя Его, даже если меня не предадут земле или мое тело разорвут дикие звери»².

Закончив, Патрик показал свое «Свидетельство» Секундину.

— Сейчас, — признался Патрик, — я искренне жалею, что не смог получить образования. Я даже не могу последовательно изложить аргументы в свою защиту и знаю, что они будут смеяться над моей убогой латынью.

— Да, но в то же время они почувствуют, что это исходит из

¹ Там же, § 50.

² Там же, § 54-59, сокращенно.

глубины вашего сердца, — сказал Секундин, внимательно перечитывая «Свидетельство».

На следующий день Патрик отправил в Британию посольного со своим «Свидетельством». По прошествии времени, однако, стало ясно, что оно осталось незамеченным, поэтому Патрику пришлось подставить вторую щеку и продолжать свой труд¹.

¹ «Epistolo» § 1, 2, 12-20; «Confessio» § 50-59.

Îò ñìàðòè — ê æèçíè

Патрик бескомпромиссно проповедовал Евангелие еще тринадцать лет. Со временем в Британии его имя почти забыли, а в Ирландии оно стало известно каждой ирландской семье. За всю свою жизнь он крестил тысячи уверовавших людей и основал большое количество церквей по всей Ирландии. Мало кто может сравниться с ним по результатам его труда. Патрик радовался, видя, как обращенные ирландцы становились дьяконами, пресвитерами и епископами. По благодати Божьей Патрик пережил многих миссионеров, которые трудились с ним рядом, в том числе Секундина и Озилия.

После одного особенно изнурительного путешествия пешком с проповедью Евангелия, Патрик понял, что его уставшее тело больше не может жить. Вернувшись в свою хижину в Армахе, он провел свои последние дни в молитве за ирландские церкви. Ломман, который был еще жив, хотя и его здоровье оставляло желать лучшего, заботливо восполнял каждую его нужду. Однажды Патрик позвал к своей постели своих близких друзей и сотрудников.

— Какой сегодня день? — спросил он. — Как хорошо поют птицы, наверное, сейчас весна?

— Да, сегодня семнадцатое марта, — ответил Ломман. — Весна уже совсем близко.

Патрик улыбнулся и затем слабым хрипловатым голосом дал им наставление:

— За последние тридцать лет я проповедовал не только королям, но и рабам, и крестил тысячи людей. Но если бы я мог преподать вам один урок, то я бы сказал: я ничего не сделал своими силами — все это было по благодати Божьей. Вы никогда не должны приписывать это моим способностям или какому-то моему величию.

Патрик закашлялся. Собравшись с силами, он продолжал:

— Как вы, братья, хорошо знаете, нам пришлось пройти через множество испытаний. Я даже не могу вспомнить, сколько раз Бог избавлял нас от ранений и смерти. Вот уже много лет я осознаю, что Бог наблюдал за мной еще до того, как я Его познал. Он защищал и утешал меня как отец своего сына, снисходя к моей молодости и невежеству. И потому я непрестанно Его благодарю, особенно за то, что Он прощал мои безрассудства и равнодушие. В моей жизни было так много случаев, когда Он мог сильно разгневаться на меня, но вместо этого являл мне Свою милость. Я у Бога в большом долгу.

— Мы все у Него в долгу, — сказал Ломман.

— Да, поэтому никогда не забывайте превозносить и возвеличивать Имя Его, где бы вы ни были и в какие бы обстоятельства не попадали. Не только когда хорошо, но и в невзгодах. Что бы с вами ни случилось, хорошее или плохое, принимайте это с благодарением. В Ирландии еще много труда. Будьте хорошими и прилежными «ловцами» людей. Забрасывайте сети так, чтобы в них приобреталось для Бога огромное количество людей. Единственное, чего я желаю, — это чтобы вы трудились больше и лучше, чем я. Это будет моей радостью, ибо «сын мудрый радуется отцу»¹.

¹ Притч. 10:1.

Патрик был слишком слаб, чтобы продолжать говорить. Он закрыл глаза и задремал. Братья вернулись к столу, стоявшему поодаль от кровати Патрика. Там они тихо молились и вспоминали случаи из жизни своего наставника.

Патрик снова закашлялся и они поспешили к его кровати. Ломман быстро поднес к его губам чашку с водой. Перестав кашлять, Патрик успокоился и стал с улыбкой смотреть на своих любимых друзей и сотрудников.

— Многие годы я просил Бога, — хрипло сказал Патрик, — позволить мне умереть в Ирландии. И Он это исполнил.

Патрик на мгновение с улыбкой закрыл глаза, а потом, взяв за руку Ломмана, продолжал:

— Очень важно, чтобы ирландские христиане взирали на Христа, а не на меня. Я не заслуживаю этого и не хочу, чтобы кто-то из вас возвеличивал меня. Мне достаточно той чести, которая еще не открылась, но в которой уверено мое сердце. Господь превознес меня безмерно, хотя я недостойн этого. Бог не смотрит на лица. Он избрал меня для этого служения, чтобы я был одним из наименьших Его служителей, поэтому я не хочу, чтобы люди совершали паломничества на мою могилу. Никто не должен выражать мне свою преданность, ибо она принадлежит Христу. Пообещайте мне, что похороните меня втайне и никому не покажете место моего последнего пристанища.

Присутствующие некоторое время стояли молча, а потом заверили умирающего, что так и сделают. Патрик слабым голосом спел вместе с ними несколько псалмов, а потом попросил подойти всех поближе. Он возложил на них свои дрожащие худые руки и, собрав последние силы, благословил. Затем, закрыв глаза, с радостью встретил смерть, вернее, перешел от смерти в жизнь¹.

¹ «Confessio» § 34-38, 40, 46, 47, 54-57, 62.

Yiëëîã

Соработники Патрика сдержали слово: сегодня никто не знает, где он похоронен. Однако Патрик навсегда остался в памяти ирландцев. Через более чем полторы тысячи лет после его смерти он все еще остается национальным героем Ирландии.

Однако весь остальной мир забыл о Патрике еще при жизни. Более того, за пределами Ирландии многие люди о нем вообще никогда не слышали. А те, кто слышал, вероятнее всего, слышали что-то плохое. И если бы кто-то сказал им, что однажды Патрик будет наиболее известным человеком того столетия, то они бы рассмеялись. Патрик, безусловно, тоже бы рассмеялся. Тем не менее, его имя и сегодня у людей на устах, в то время как имен его критиков даже не знают.

Чем закончился конфликт между Патриком и Коротиком? Кто был прав? Кто сделал больше для своей страны? Как ни удивительно, но Патрик помог бриттам намного больше, чем Коротик.

Это объясняется тем, что зверское нападение Коротика на Ирландию не предотвратило повторных нападений ирландских разбойников на Британию. Это оказалось под силу только труду Патрика! Через несколько десятилетий после его смерти преобладающее большинство ирландцев стали христианами. Приняв Христа, ирландцы прекратили набеги на побережье Британии. В конечном итоге муж веры защитил свою страну более успешно, чем муж войны!

Но и это еще не все. Те, кто пришел к Богу, благодаря

служению Патрика, и их преемники, стали активно общаться с британским народом. Они оказали серьезную поддержку ослабевшей британской церкви и разрешили многим бриттам поселиться в Ирландии, которая оказалась надежным убежищем от саксов. И если раньше из Ирландии в Британию отплывали корабли с разбойниками, то теперь эти корабли перевозили миссионеров — стойких мужей молитвы, следовавших примеру Патрика. Миссионер Колумба приплыл в Шотландию благовествовать язычникам-пиктам. После его смерти ирландский христианин Айдан приплыл в северную часть Англии, в которой, благодаря его труду, ко Христу обратились тысячи язычников-саксов. Британская церковь, вдохновленная примером ирландской церкви, начала, наконец, любить своих врагов саксов и приводить их ко Христу. Таким образом, миссионерское служение Патрика в Ирландии не только навсегда изменило эту страну, но и послужило основанием для того, что в Шотландии и Англии многие люди стали христианами.

Уроки из жизни Патрика

Возможно, самое главное, что мы можем усвоить из жизни Патрика, — это то, что молитва обладает невероятной силой. Однако не следует думать, что достаточно помолиться один или два раза. Нет, мы должны стучать в небесные врата день и ночь, не переставая, так, как это делал Патрик. Множество христиан попали в рабство примерно в то же время, что и Патрик. Вне всякого сомнения, большинство из них молили Бога об избавлении, но лишь немногие получили такой же ответ, как он, т.к. недостаточно долго и часто молились. Возможно, некоторые из них усиленно молились примерно первые полгода своего рабства, но, не получив ответа на молитвы, ослабели в вере. Если бы кто-то через десять лет спросил у них о силе молитвы, то они,

скорее всего, ответили бы, что молитва не имеет силы.

Причина, по которой молящиеся не получили ответа на свои молитвы, возможно, заключается в том, что они молились не так, как Патрик. Через некоторое время они перестали стучать в небесные врата. Мы, христиане, должны навсегда запомнить этот урок. Что бы произошло, если бы Патрик молился всего лишь один или два раза в день вместо ста или более раз? Он бы, наверное, остался рабом в Ирландии. Что если бы он молился шесть **месяцев** вместо шести **лет**? Его единственной «паствой» были бы овцы Милчу. А что если бы он перестал молиться через пять с половиной лет? Он, возможно, ожесточился бы на всю свою оставшуюся жизнь, утратив веру в силу молитвы.

Таким образом, если нам захочется испытать силу Божью, то мы должны усиленно молиться. Если мы желаем, чтобы Бог совершал через нас великие дела, как Он это делал в жизни Патрика, то мы должны быть великими мужами и женами молитвы. Если бы мы молились так, как он, то Бог, возможно, совершал бы через нас то же, что и через него. Лишь очень немногие из нас в своей жизни ощутили в полной мере силу Божью, т.к. мы по своей занятости, или недостатку веры, слишком мало времени уделяем для того, чтобы непрестанно стучать в небесные двери. Большинство из нас думают, что если мы целый день молились и постились, то совершили чрезвычайный подвиг! Мы считаем, что на Бога это произведет такое сильное впечатление, что Он немедленно ответит на наши молитвы. Но зачастую все происходит не так. Слава Богу, что Он по Своей милости так часто слышит и отвечает на наши молитвы, несмотря на то, что мы не очень настойчивы. Однако многим христианам не довелось познать силу Божью так, как Патрику, потому что они молились не так, как он.

Еще один важный урок, который мы можем усвоить из

жизни Патрика, — это терпеливо ждать Божьего ответа. Может сложиться впечатление, что Патрик мог бы совершить гораздо больше, если бы не ждал двадцать пять лет разрешения на служение в Ирландии от британской церкви. На самом деле, эти двадцать пять лет понадобились Богу для того, чтобы завершить в нем Свой труд. Более того, Божья воля зачастую в том, чтобы Его слуги научились смиренно ждать назначенного Им часа.

Избрав Моисея, Бог не сразу послал его избавлять израильтян из плена. Сначала Моисей должен был сорок лет пасти овец в пустыне, где он стал, как может показаться, всеми забытым. С человеческой точки зрения эти годы можно считать потерянными, но Бог смотрел на это совершенно иначе. Он терпеливо менял его пылкий, напористый характер до тех пор, пока Моисей не стал самым кротким человеком на земле. Теперь Бог мог с ним разговаривать лицом к лицу. Зачастую в качестве Своих «инструментов» Бог избирает пылких ревнителей. В каком-то смысле таким человеком был и Патрик. Но до того, как использовать ревнителей, Бог сначала преображает их и, не уменьшая огня, учит ждать Его.

Апостол Павел тоже был горячим человеком, ревностно преследующим христиан. После встречи со Христом по дороге в Дамаск он стал ревностно их защищать. Однако прежде чем использовать Павла для основания и созидания церквей, Бог отправил его на десять или одиннадцать лет в Сирию и Аравийскую пустыню. Казалось, что Павел пропал из виду, однако в это время Бог усиленно наставлял его и формировал его характер. Когда Павел закончил назначенный «курс обучения», Бог отпустил его. И мы можем только удивляться, насколько плодотворным был его труд.

Мы легко забываем, что Бог исчисляет время не так, как мы, а мы хотим чего-то **прямо сейчас!** Однако у Бога тысяча лет

как один день. По человеческому исчислению времени Патрик ждал долгих шесть лет, пока Бог не спас его из ирландского рабства, а по Божьему — чуть меньше девяти минут. Считается, что Патрику пришлось ждать двадцать пять лет, чтобы вернуться в Ирландию, а по Божьему распоряжку — сорок минут.

Что бы произошло, если бы Патрик, потеряв терпение, отправился в Ирландию самостоятельно? Несомненно, он имел бы определенную долю успеха. Бог зачастую не уничтожает наш труд из-за того, что мы опережаем Его, но, с другой стороны, — редко обильно его благословляет. Если бы Патрик проявил личную инициативу, то ко Христу пришли бы, наверное, человек сто или, может, даже тысяча. Вряд ли бы в Евангелие поверили такое множество людей, как это случилось на самом деле. Таким образом, если бы Патрик начал свое служение в Ирландии **раньше**, то он бы **не имел** такого успеха, потому что его вклад в обращение душ был значительно меньшим, чем Божий. Он, впрочем, часто сам говорил об этом. Проявив терпение в отношении Божьего решения, он получил обильное благословение в этом труде..

Современные церкви точно так же, как церкви во времена Патрика, переживают разные кризисные ситуации. Я молюсь, чтобы Бог сегодня нашел для нас такого Патрика. Однако если это случится, то кем он будет? Известным христианским писателем или телевизионным проповедником? Кем-то, кто возглавляет популярное служение? Известным благовестником, проповедующим во многих церквях и участвующим в христианских ток-шоу? Маловероятно.

Если где-то и живет человек, который может стать современным «Патриком», то вряд ли кто-то из нас о нем слышал из-за того, что он где-то в одиночестве пасет овец или, приклонив колени, в уединенном месте молится Богу.

Приложение 1

Áûë èè Ìàòðèè
ðèìñèèì èàòìèèèì?

Если сегодня спросить кого-то, был ли Патрик римским католиком, то он, вероятнее всего, без колебаний ответит утвердительно. Однако, как мы с вами уже убедились, он им не был. Он был членом независимой кельтской или британской церкви. Конечно, британская церковь в то время имела отношения с римским папой, но не подчинялась ему¹. Это была независимая церковь со времени своего основания².

Кроме того, кельтская церковь во времена Патрика была очень мало похожа на средневековое и современное римское католичество. В ней не было учений о чистилище, индульгенциях, непогрешимости папы римского, пресуществлении и еще целого ряда других римско-католических догм. Кельтские христиане во времена Патрика не пользовались святой водой,

¹ В своих трудах Патрик не упоминает о Риме и папе римском. Информация о том, что Патрик был направлен в Ирландию папой римским, была выдумана средневековыми биографами, сочувствовавшими римско-католической церкви. Сегодня даже римско-католические исследователи признают, что Патрик не был римским католиком и что папа римский не направлял его на служение.

² Христианство в Британию пришло не из Рима. Вероятнее всего, оно попало туда с востока, поэтому традиции, которым следовала кельтская или британская церкви, отличались от римских.

не молились с четками и не служили мессы за освобождение умерших из чистилища. Патрик никогда не учил новообращенных молиться святым. Более того, в своих трудах он использует слово «святой» в его изначальном смысле, применяя его ко всем богобоязненным христианам. Вот как он пишет в своем «Свидетельстве»: «Как бы мне хотелось поехать на родину к своим родителям, а также в Галлию, чтобы пообщаться с братьями и увидеть лица святых моего Господа!»¹.

Далее, в своих трудах Патрик ничего не пишет о мощах (костях апостолов и святых). Он не совершал исцелений с помощью мощей, а также не побуждал новообращенных их почитать. Более того, нет ни одного доказательства, что он брал с собой в Ирландию какие-либо мощи. Патрик также не использовал никаких статуй или икон. Поэтому на самых древних ирландских кладбищах, в церквах и кельях нет никаких статуй, икон или каких-либо резных изображений, кроме простых крестов.

То, что римско-католические священники должны не вступать в брак, широко известный факт. Однако Патрик ничего не знал о таком обязательном celibate. В конце концов, его родной дедушка был женатым священником или, если точнее, женатым пресвитером. Слово «священник» британские христиане стали использовать после смерти Патрика как синоним слова «пресвитер»². Сам Патрик в своих трудах ни разу не употребил слова «священник». Наоборот, своего дедушку он называет по-латыни «presbyterus» — это транслитерация (побуквенная передача) греческого слова «presbyteros». Показательно также и то, что он исповедовал свой серьезный юношеский грех простому члену церкви (своему другу, предавшему его), а не священнику.

¹ «Confessio» § 43.

² Там же, § 1.

Современные статуи и картины, изображающие Патрика, помогли укорениться легенде, что он был римским католиком, потому что они неизменно изображают его путешествующим по Ирландии в епископской мантии и митре¹. Однако скульпторы и художники, изображающие Патрика, видимо, плохо знают историю. Во времена Патрика епископы не ходили по дорогам в особом облачении, т.к. оно появилось лишь в средние века. Епископы на Западе начали носить митры только в XI-ом столетии, примерно через 600 лет после смерти Патрика. Таким образом, Патрик никак не мог быть римско-католическим епископом. Более того, он даже внешне не был на него похож.

Видимо, наиболее серьезным различием между христианством Патрика и римским католицизмом является отношение к Марии, матери Иисуса. Культ девы Марии в учении римского католицизма преобладает последние четырнадцать столетий. В отличие от этого, Патрик не упоминает о Марии ни в одном из своих трудов. Во всех своих трудностях и опасностях он ни разу не воззвал к ней. Наоборот, он всегда обращался или к Отцу, или Иисусу. Точно так же Патрик ничего не знал о таких римско-католических учениях о Марии, как непорочное зачатие, восхождение на небеса и ее царствовании как царицы небесной.

Последние из ранних христиан

Если Патрик не был римским католиком, то кем же он был? Как я уже говорил, он был членом независимой кельтской или британской церкви. Но, кроме этого, о нем еще можно сказать, что он был одним из ранних христиан, т.к. ему было свойственно большинство их отличительных признаков.

Сущностью раннего христианства было не богословие, а

¹ Митра — высокий головной убор с заостренным верхом, который носят римско-католические и англиканские епископы.

взаимоотношения со Христом, основанные на любви и послушании, что всегда было основой учения Патрика. Ни он, ни кто-либо другой из его учеников, не были богословами. Патрик прививал своим ученикам любовь ко Христу, а не к богословию. Более того, в ирландской церкви никогда не было выдающихся богословов, однако там были одни из лучших в мире миссионеры.

Еще одной особенностью ранних христиан является то, что они были глубоко убеждены в том, что церковь должна быть отделена от государства. Они даже не пытались смешивать дела мирские с Царством Божьим. Точно так же и Патрик не основывал государственной церкви в Ирландии и не пытался объединить христианство с управлением мирских дел. Ранние христиане послушно придерживались всех законов цезаря, не противоречащих заповедям Божьим. Но когда эти законы противоречили законам Божьим, то ранние христиане отдавали предпочтение Богу. Патрик с таким же уважением относился к земным правителям до тех пор, пока их требования не противоречили Божьим. Например, когда они предъявляли ему свои условия, он платил им дань. Однако во всем, что касалось духовных вопросов, он был беспристрастным и, не колеблясь, отлучал их и не принимал жертвований от не принявших крещение или отлученных королей.

Еще одним отличительным признаком ранних христиан было то, что они никогда не пользовались мечом или принуждением земных царей для распространения Евангелия. Они не привлекали новообращенных никакими земными или социальными благами. И все же ранняя церковь быстро росла, и к Богу приходило множество жителей Римской империи. Подобно первым христианам, Патрик не полагался на силу или мирскую власть, чтобы принудить их обратиться к Богу. Единственным

социальным благом, которое он мог предложить новообращенным, была возможность научиться читать и писать. Более того, многое из того, чему он учил, шло вразрез с ирландской культурой. Патрик полагался на силу Духа Святого, Который преображал жизнь людей, а не на мирскую силу. Его слушатели становились христианами по личной вере в Иисуса Христа. Основными чертами христианства, которое Патрик распространял в Ирландии, были молитва, пост, святая жизнь и евангелизация.

Как Ирландия стала римско-католической страной?

Если обращенные, благодаря проповедям Патрика, не стали римскими католиками, то почему Ирландия сегодня так предана римскому католицизму? Потому что римское католичество пришло в Ирландию с помощью меча. Папам никогда не нравилась независимая церковь в Ирландии, но они не могли подчинить ее себе. Более того, им также не нравилась англосакская церковь в Англии. И даже, несмотря на то, что английская церковь, в конце концов, стала римско-католической, она так и не приняла многие римские обычаи, например, обязательный celibat. По этой причине в 1066 году папа римский поддержал вторжение в Англию Вильгельма Завоевателя. Папа хотел при помощи Вильгельма покорить английскую церковь римскому католицизму.

Вильгельм и его хорошо вооруженные норманнские рыцари в битве при Гастингсе одержали победу над Гарольдом Саксонским, и Вильгельма провозгласили королем Англии. Вильгельм тут же начал пересматривать англосакские законы, правительство, английскую церковь и приводить их в соответствие с римскими. Как только Вильгельм и его преемники выполнили эту задачу, папа переключился на Ирландию. В 1169 году папа Адриан издал папскую буллу, по которой дарил ирландский

народ норманнскому королю Англии Генриху II¹. С папского благословения несколько полководцев Генриха со своими войсками оккупировали Ирландию. «Христианские» захватчики убивали мужчин, женщин и детей, беспощадно вырезали пресвитеров и монахов. Они снесли многие хижины ирландских монахов и на их месте построили римско-католические монастыри. Так была уничтожена независимая церковь в Ирландии.

Почему ирландцы не приняли Реформацию

Учитывая то, что римско-католическая вера в Ирландии насаждалась насильственно, казалось, что ирландцы с готовностью воспримут Реформацию. Однако этому помешали некоторые исторические события. После того, как в XII-м веке норманнские завоеватели покорили Ирландию, между ними и ирландцами стали заключаться браки. Норманны стали говорить на ирландском языке и переняли традиции страны. В результате этого их верность Англии ослабела, и Ирландия вновь стала практически независимой, так что в XVI-ом столетии английский король Генрих VIII решил силой вернуть Ирландию под власть Англии. Неудивительно, что его варварская тактика только отдала ирландский народ от Англии. Поэтому, когда Генрих отделился от Рима, ирландцы и не подумали следовать за ним. Они предпочли оставаться римскими католиками, нежели поддерживать какую-либо идею Генриха VIII.

Когда ирландцы не проявили желания принять церковные реформы Генриха VIII, он попытался навязать эти изменения силой. Однако его грубая политика только укрепила преданность ирландцев Риму. Позже королева Елизавета I запретила проводить в Ирландии римско-католические служения и даже приказала казнить некоторых ирландских римско-католических

¹ Генрих II был прямым потомком Вильгельма Завоевателя.

епископов и священников.

Ирландцы в ответ неоднократно восставали против английского господства и английского протестантизма, но английские армии, вплоть до XX-го столетия, подавляли восстания. Каждый раз английское правительство применяло к Ирландии все новые и новые меры воздействия. В конечном итоге английские правители забрали у ирландских католиков большую часть земель и отдали их английским протестантам-переселенцам.

Таким образом, борьба ирландцев за свободу и за римское католичество стала единой и остается такой же, по сей день. Именно поэтому Ирландия так верна римскому католичеству, именно поэтому в Северной Ирландии так натянуты отношения между ирландскими римскими католиками и британскими протестантами.

Приложение 2

İðeìå÷àíeÿ

Глава седьмая

Патрик не называет, в какую именно страну привезли его ирландские моряки. Принято считать, что это была Галлия, что, по моему мнению, является наиболее правдоподобным вариантом. Некоторые современные исследователи считают, что это была Британия. Однако маловероятно, чтобы Патрик и моряки ходили двадцать восемь дней по территории Британии и не встретили ни одного местного жителя.

По ходу повествования о своем побеге из Ирландии и злоключениях с ирландскими моряками Патрик говорит: «И снова, через много лет, я попал в плен. В первую ночь, которую я провел с ними, я услышал, как Бог сказал мне: «Ты будешь с ними только два месяца». Так и произошло: на шестидесятую ночь Господь освободил меня из их рук»¹. Я объясняю второе пленение на шестьдесят дней как время, которое Патрик провел в рабстве у ирландских моряков, другие же историки считают, что Патрик попал в рабство еще раз помимо рабства у моряков.

¹ «Confessio» § 21.

Глава двенадцатая

Патрик не говорит, в какой стране он находился в то время, когда пресвитеры рассматривали вопрос о его рукоположении на епископское служение. Арморика (Бретань) — это одно из возможных мест.

О своем епископстве Патрик пишет следующее: «Некоторые из старших меня нападали на меня и вспоминали мои грехи в противовес моему ревностному епископству... В качестве причины, по которой они выступали против меня, они привели — и это через тридцать лет! — мое исповедание, которое я совершил перед тем, как стать дьяконом. В волнении своего обеспокоенного разума я тогда признался своему лучшему другу в том, что сделал в детстве. ...И после этого в тот день вышеупомянутые пресвитеры отвергли меня»¹. Я считаю, что этот отрывок относится к тому времени, когда пресвитеры в первый раз рассматривали возможность рукоположения Патрика на епископское служение. Однако некоторые историки полагают, что в этом отрывке говорится об одной из нападок на Патрика уже после его рукоположения на епископское служение.

Глава четырнадцатая

В своих трудах Патрик не говорит, как он преподнес Евангелие своим первым слушателям. Согласно традиции, первым королем, которому он проповедовал Евангелие, был Лири. В эпизоде о том, как Патрик впервые проповедовал Евангелие, я в основном использовал его мысли и высказывания из «Свидетельства».

¹ «Confessio» § 26, 27, 29.

Глава пятнадцатая

Мы точно не знаем, использовал ли Патрик в своем благоговении «семена истины» из ирландской культуры. Однако это был обычный способ свидетельства, которым пользовались ранние христианские благовестники. Об этом можно прочитать в трудах таких ранних христиан, как Юстин Мученик, Афинагор и Тертуллиан.

Глава двадцать первая

Прощальное наставление Патрика почти дословно взято из его «Свидетельства». Понятно, что он написал его до того, как ушел к Господу, поэтому неизвестно, повторял ли он это наставление на смертном одре.

Современники в жизни Патрика

В своих трудах Патрик называет очень мало имен своих современников. Иногда он упоминает имя, но не объясняет, кем был этот человек. Для того, чтобы история жизни Патрика реально отражала мир, в котором он жил, я попытался «оживить» людей, которых он кратко описывает или упоминает в своих трудах.

Далее приводятся краткие сведения, поясняющие, кто из персонажей этой книги 1) исторические личности, конкретно описанные Патриком или Бедой¹; 2) персонажи, упоминающиеся в давних традиционных повествованиях о Патрике; 3) литературные персонажи, приближенные к реально существовавшим людям, о которых кратко упоминается или подразумевается в трудах Патрика.

¹ Пользуясь более давними документами, Беда в 731 году написал свой ценный труд «Церковная история народа англвов».

Аильб. Ирландский дьякон, погибший от рук воинов Коротика. Имя традиционное, персонаж — литературный. Представляет одного из убитых христиан.

Браннок. Британский епископ, расположенный к Патрику. Литературный персонаж. Представляет британских служителей, описанных Патриком.

Брон. Верующий ирландец. Имя традиционное, персонаж — литературный. Представляет тех обращенных, которые, по словам Патрика, остались безбрачными.

Викторик. Исторический и литературный персонаж. Патрик рассказывает, что в его сне Викторик приплыл из Ирландии с письмами от ирландцев. То, что Патрик не дает более подробного объяснения о нем, говорит о том, что это был известный христианин из местности, откуда был родом Патрик.

Вортигерн. Исторический персонаж. Беда описывает его как вождя, уговорившего бриттов предложить саксам поселиться в Британии.

Донаван. Сын Милчу, хозяина Патрика. Литературный персонаж.

Кальпорний. Отец Патрика. Исторический персонаж.

Концесса. Мать Патрика. Из традиционных повествований. В своих трудах Патрик прямо не упоминает свою мать, хотя говорит о «родителях». В давних преданиях ее зовут Концесса.

Коирпри. Король, который предательски схватил и посадил в тюрьму Патрика и его соратников. Личность историческая, имя — традиционное.

Коротик. Британский король, напавший на Ирландию. Исторический персонаж. Подробно описывается Патриком в письме об отлучении. Многие ученые отождествляют его с Кередигом, ставшим британским королем и героем. В своем повествовании я придерживался этой трактовки.

Крисп. Дьякон, поехавший с Патриком в Ирландию. Имя литературное, персонаж — традиционный.

Квинт. Пресвитер, который противостоял Патрику. Литературный персонаж. Представляет пресвитеров, о которых Патрик пишет: «Некоторые из старших меня нападали на меня и вспоминали мои грехи в противовес моему ревностному епископству»¹. Он также представляет «старших», осуждавших Патрика за то, что тот не принимал пожертвований от грешников и от тех, кто не принял крещение.

Лири. Король, которому Патрик впервые проповедовал Евангелие. Персонаж — традиционный.

Ломман. Пресвитер, который приехал с Патриком в Ирландию и пытался освободить ирландских христиан, плененных Коротиком. Личность историческая, имя — традиционное. Патрик описывает его как «святого пресвитера, которого... обучал с детства»².

Мак Фечач. Отлученный король, который пытался преподнести Патрику пожертвование. Персонаж литературный, имя — традиционное. Представляет тех, о которых Патрик написал: «Мне предлагалось много даров в скорби и слезах, но я обидел дарителей к огромному неудовольствию некоторых старших надо мной»³.

¹ «Confessio» § 26.

² «Epistolo» § 3.

³ «Confessio» § 37.

Марцелла. Бывшая няня Патрика. Представляет «слуг и служанок из дома моего отца»¹, которые, по словам Патрика, вместе с ним попали в плен.

Марк. Друг Патрика, предавший его. Личность историческая, имя — литературное. Патрик в своем «Свидетельстве» рассказывает о нем и его предательстве, милостиво не называя имени своего «друга».

Милчу. Хозяин Патрика, когда он был рабом в Ирландии. Личность историческая, имя — традиционное.

Озилий. Соработник Патрика в Ирландии. Из традиционных повествований.

Петроний. Британский пресвитер. Литературный персонаж. Представляет британских пресвитеров, о которых повествует Патрик.

Потит. Дедушка Патрика. Исторический персонаж.

Сед. Находился вместе с Патриком в рабстве в Ирландии. Литературный персонаж. Представляет множество христиан, которые, по словам Патрика, попали в рабство в Ирландию так же, как и он.

Секундин. Соработник Патрика в Ирландии. Из традиционных повествований.

Тейло. Цирюльник из Баннавема Табурнийского. Литературный персонаж.

¹ «Epistolo» § 10.

Федельма и Федильмид. Дети короля Лири. Личности и имена традиционные. В своем «Свидетельстве» Патрик подчеркивает, что к Богу обращались «сыновья и дочери ирландских королей»¹.

Хенгест и Хорса. Два саксонских вождя, первыми прибывшие в Британию. Исторические персонажи.

Этна. Молодая ирландка. Историческая личность. Патрик описывает ее как «благословенную ирландку благородного происхождения, красивую, зрелую, которой я преподал крещение»² и рассказывает, что «посланник Божий» призвал ее остаться незамужней. Имя взято из традиционных повествований.

Юлий. Британский епископ. Литературный персонаж. Представляет британских служителей, описанных Патриком.

¹ «Confessio» § 41.

² Там же, § 42.

Áèáëèîãðàôëü

Первичные и давние источники

- Беда. Ecclesiastical History of the English People. Перевод Л. Шерли-Прайс. Нью-Йорк: Viking Penguin, Inc., 1990.
- Беда и др. The Age of Bede. Перевод Д. Ф. Уебб , Д. Г. Фармер. Нью-Йорк: Viking Penguin, Inc., 1983.
- Марцеллин А. The Later Roman Empire. Перевод У. Гамильтон. Нью-Йорк: Viking Penguin, Inc. 1986.
- Патрик. The Works of St. Patrick. Перевод Л. Билер. Нью-Йорк: Newman Press. 1953.
- Тацит. The Agricola and the Germania. Перевод Г. Мэттингли. Нью-Йорк: Viking Penguin, Inc., 1948.
- The AnteNicene Fathers / под ред. А. Робертс, Д. Дональдсон. 10 томов. Пибоди: Hendrickson Publishers, Inc., 1995.
- The Nicene and Post-Nicene Fathers, Second Series / под ред. Ф. Шафф, Г. Уэйс. 14 томов. Пибоди: Hendrickson Publishers, Inc., 1995.

Вторичные источники

- Блейр П. Г. Roman Britain and Early England. Нью-Йорк: W. W. Norton & Company, 1963.
- Бури Д. Б. The Life of St. Patrick. Нью-Йорк: The Macmillan Company, 1905.
- Думвиль Д. Saint Patrick, A.D. 493-1993. Нью-Йорк: The Boydell Press, 1993.

Фрай П., Фрай Ф. A History of Ireland. Нью-Йорк: Routledge, 1988.

Герм Г. The Celts: The People Who Came out of the Darkness. Нью-Йорк: St. Martin's Press, 1976.

Марнелл У. Light from the West. Нью-Йорк: The Seabury Press, 1978.

Нортон-Тейлор Д. The Celts. Нью-Йорк: Time-Life Books, Inc., 1974.

Оттавей П., Майкл С. A Traveller's Guide to Roman Britain. Лондон: Routledge & Kegan Paul, 1987.

Куэнелл М., С. Х. Б. Everyday Life in Roman Britain. Нью-Йорк: G. P. Putnam's Son, 1924.

Росс А., Робинс Д. The Life and Death of a Druid Prince. Нью-Йорк: Summit Books, 1989.

Шафф Ф. History of the Christian Church. 8 томов. Гранд Рапидс: Wm. B. Eerdmans Publishing Company, 1910.

Скуллард Х. Х. Roman Britain. Лондон: Thames and Hudson Ltd., 1979.

Томпсон Е. А. Who Was Saint Patrick?. Нью-Йорк: St. Martin's Press, 1985.

Тульсон III. The Celtic Year. Рокпорт: Element, Inc., 1993.

Ñîäåðæàíèå

Предисловие	3
Разбойники из тумана	9
От хозяина до раба	17
Встреча с Богом	27
Друиды	43
Настойчивая вдова	55
Побег	65
Снова раб	75
Снова в Ирландию?	87
Закрытая дверь	93
Долго ли, Господи?	105
Народ из ада	117
Предательство	123
Еще один сон	131
Наконец-то Ирландия!	141
Ирландцы слышат Евангелие	151
Новый тип героя	159
Ярость саксов	167
Безупречный муж Божий	179
День позора	187
Иисус или Варавва?	193
От смерти — к жизни	207

Эпилог	211
Был ли Патрик римским католиком?	217
Примечания	225
Библиография	233
Содержание	235

